

Рецензент:

кафедра русского языка Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (зав. кафедрой докт. филол. наук, проф. **О. Б. Си-ротинина**)

Кузнецова Э. В.

Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. **ун-тов.** — 2-е изд., испр. и доп. — **М.:** Высш. шк., 1989. 216 с.

В пособии дается общая характеристика объекта и предмета лексикологии, определяются основные аспекты изучения словарного состава языка — социолингвистический и системно-семасиологический. Отдельный раздел посвящен русской фразеологии, которая рассматривается как специфическая часть словарного состава языка

Во второе издание (1-е — 1982 г.) введен материал о социолингвистической систематизации лексики русского языка, варьировании фразеологизмов, однозначных и многозначных слов, о типах семантической характеристики слова.

Учебное издание

Кузнецова Эра Васильевна

ЛЕКСИКОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Зав. редакцией **Л. П. Чебаевская**

Редактор **И. В. Рашап**

Мл. редактор **А. Ю. Одоева**

Художник **Э. А. Марков**

Художественный редактор **М. Г. Мицкевич**

Технический редактор **И. В. Резникова**

Корректор **Л. А. Исаева**

ИБ № 7930

Изд. № РЯ-328. Сдано в набор **31.05.88**. Подп. в печать 6.07.89. Формат 60х88/16. Бум. **офс. № 2**. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Объем 13,23 усл. печ. л. 13,48 усл. кр.-отт. **14,89** уч.-изд. л. Тираж 15000 экз. **Зак. № 1568**. Цена 55 коп.

Издательство „Высшая школа“. **101430**, Москва, **ГСП-4**, Неглинная ул., д. 29/14.

Набрано на фотонаборной технике издательства. Отпечатано в московской типографии № 8 Государственного комитета СССР по печати. **101898**, Москва, Центр, Хохловский пер., д. 7.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом учебном пособии по лексикологии русского языка излагаются вопросы, составляющие содержание программы курса современного русского языка, действующей на филологических факультетах университетов. Книга состоит из Введения и трех разделов, выделение которых продиктовано соображениями как теоретического, так и методического характера.

Во Введении (главы I, II) излагается общая характеристика объекта и предмета лексикологии, определяются основные аспекты изучения словарного состава языка: социолингвистический и системно-семасиологический. Вторая глава посвящена раскрытию фундаментального для всего курса понятия слова как единицы лексической системы языка и лексического значения как главной его характеристики.

В первом разделе (главы III—VIII) рассматривается системно-семасиологический аспект изучения словарного состава. В настоящее время общая идея системности лексики, сформулированная в работах основоположников советской лексикологии Л. В. Щербы и В. В. Виноградова, представляет собой концепцию, достаточно оснащенную теоретически и методически. Между тем в ряде вузовских пособий по лексикологии этому аспекту уделяется меньше внимания, чем социолингвистическому как более традиционному и разработанному. Явления, в которых воплощается системность лексики, зачастую описываются изолированно, без связи друг с другом. Между тем все они подчинены общим законам построения лексической системы и в своем единстве образуют ее. В предлагаемом пособии мы стремились показать их единство, интерпретировать их как специфическое проявление общих для всего языка отношений: иерархических, парадигматических, синтагматических и вариантных. В пособии описаны различные виды методики компонентного, контекстологического и трансформационного анализа, которые должны быть освоены студентами в процессе изучения системных отношений в лексике.

Второй раздел (главы IX—XII) охватывает вопросы, связанные с социолингвистической характеристикой **словарного** состава. В отдельных главах рассмотрены пласты слов, специфика которых определяется факторами социально-исторического характера (иноязычная лексика, архаизмы и неологизмы, терминология, лексика стилистически-маркированная). Данный раздел отсутствовал в первом издании учебного пособия (1982 г.).

Третий раздел (главы XIII, XIV) посвящен русской фразеологии, которая рассматривается как специфическая часть словарного состава языка. Ее единицы — фразеологизмы, будучи формально отличающимися от слов-универбов, тем не менее органически включены в лексическую систему русского языка и подчиняются всем ее закономерностям.

Что касается лексикографии, прикладного раздела, органически связанного с лексикологией, то мы не выделили его особо, но постарались при рассмотрении отдельных вопросов характеризовать соответствующие лексикографические труды и указывать на возможность их использования.

1-е издание пособия использовалось в ряде университетов. От коллег с кафедр русского языка Воронежского, Саратовского, Томского, Новосибирского, Ростовского, Львовского, Башкирского, Волгоградского, Тюменского, Челябинского университетов, а также Университета дружбы народов им. П. Лумумбы мы получили положительные отзывы и некоторые замечания, которые постарались учесть при подготовке второго издания.

Автор

Глава I. СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ПРЕДМЕТ ЛЕКСИКОЛОГИИ

§ 1. Концепция социальности и системности языка как теоретическая основа современной лексикологии § 2. Два аспекта изучения словарного состава языка § 3. Социолингвистический подход к описанию лексики § 4. Системно-семасиологический подход к синхронному изучению словарного состава языка § 5. Формы проявления системности лексики § 6. Взаимосвязь социолингвистических и системно-семасиологических характеристик § 7. Взаимодействие в лексике системных и асистемных тенденций

§ 1. Лексикология является сравнительно молодым разделом языкознания. Характеризуя в конце XIX в. состояние науки о языке, выдающийся славист И. А. Бодуэн де Куртенэ предсказывал: «Лексикология, или наука о словах, как отдельная ветвь грамматики будет творением XX в.»¹ Действительность подтвердила его прогноз. В настоящее время лексикология занимает важное место в системе лингвистических дисциплин, являясь одной из продуктивно развивающихся отраслей современного языкознания.

Становление русской лексикологии относится к советскому периоду развития отечественного языкознания. В основе ее с самого начала лежали два фундаментальных теоретических положения, сформулированные в работах крупнейших представителей русского языкознания предшествующего периода — Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова, М. М. Покровского. Это были идеи социальности языка и его системности. Эти положения относятся к общей теории языка, но имеют исключительно важное значение для лексикологии, ибо именно в области лексики единство указанных характеристик языка выступает особенно ярко.

§ 2. Социальность языка и его системность неразрывно связаны. И вместе с тем они обуславливают наличие в самом языке двух аспектов, а в науке о нем — двух возможных направлений: внешнего, социолингвистического, и внутреннего, системно-сема-

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Языкознание, или лингвистика, XIX века // Избр. труды по общему языкознанию М., 1963, Т. 2. С. 17

сиологического. В лексике эти два направления частично совпадают с разграничением лексикологии в узком смысле слова и семасиологии. Лексикология изучает в словарном составе языка прежде всего те стороны, которые обусловлены факторами внеязыкового, социально-исторического характера. В ее задачи входит изучение вопросов формирования словарного состава языка, исторических изменений, происходящих в нем, систематизация лексики с точки зрения ее происхождения, расслоения по сферам употребления, по степени активности и т. п.

Семасиология изучает лексическую систему языка и слово как элемент этой системы прежде всего с точки зрения внутренних закономерностей, организующих эту систему. Объекты семасиологии — это различные проявления системности лексики: лексико-семантические группы слов, явление семантического варьирования, закономерности сочетаемости слов, все виды семантических и формально-семантических оппозиций слов.

Четкого разграничения проблематики собственно лексикологической и семасиологической нет и быть не может. В учебных программах по современному русскому языку под общим названием «Лексикология» объединен весь круг вопросов, связанных с изучением русской лексики, поскольку существование и развитие лексической системы языка определяется органическим единством внелингвистических и внутрилингвистических факторов. Тем не менее в этом общем круге вопросов можно выделить такие, которые скорее можно квалифицировать как преимущественно социолингвистические, и такие, которые в большей степени относятся к аспекту системно-семасиологическому.

Возможность двустороннего подхода к рассмотрению и характеристике словарного состава языка дает основания для двойного определения предмета лексикологии. При любом из указанных подходов реальный объект один — словарный состав современного русского языка. Определение объекта, как в любой другой науке, мы получаем, отвечая на вопрос: что изучает лексикология? Русская лексикология изучает словарный состав русского языка. Это ее **объект**.

Определение предмета лексикологии может быть представлено как ответ на вопрос: что такое словарный состав языка? Поскольку в изучении словарного состава возможны два (и более!) подхода, в рамках этих подходов ответ на поставленный вопрос может быть неоднозначен. Попытаемся в самом общем виде определить содержание предмета лексикологии применительно к выделенным выше двум аспектам изучения лексики, которые представляются нам наиболее важными с точки зрения ее синхронного изучения.

§ 3. Социолингвистический подход к изучению лексики предполагает характеристику и классификацию слов с учетом признаков, обусловленных факторами внеязыкового, социально-истори-

ческого характера. Такие признаки могут быть охарактеризованы как внешние по отношению к слову как носителю лексического значения.

Так, слова *автономия, академия, акация, аксиома, алфавит, аметист, анализ* и другие сходны между собой по признаку происхождения: все они из греческого языка. Аналогичное сходство признака происхождения мы наблюдаем у слов *абитуриент, абсурд, автор, агент, адвокат, аквариум, акцент* и др., заимствованных русским языком из латинского, или у слов *жажда, растение, вовлекать, страж, разглашать, нужда, устранять*, пришедших из старославянского языка. Общностью происхождения из немецкого языка характеризуются, например, слова *авторитет, анилаг, абзац, бакенбарды, бант, бинт*; из французского языка — *абонемент, авангард, адрес, аллея, азарт, авантюра*; из английского языка — *аврал, айсберг, балласт, бар, бампер*; из тюркских языков — *алмаз, амбар, балык, базар, балаган*. Характеризуя группы слов, вошедшие в словарный состав русского языка из других языков, мы выявляем такие социолингвистические параметры, как язык-источник, время заимствования, конкретные социально-исторические факторы, обусловившие его.

Вторым видом внешних, социолингвистических характеристик слова может быть признак степени употребительности, который органически связан с общественной актуальностью тех или иных явлений и понятий, выраженных в словах. Такие слова, как *волость, драгун, земство, середняк, рекрут, ликбез, десница*, относятся к лексике архаической, малоупотребительной, существующей только в пассивном запасе. С другой стороны, наблюдаются ограничения в употреблении отдельных слов, связанные с тем, что они представляют собой неологизмы, не получившие еще достаточно широкого распространения.

Третий тип внешних, социолингвистических признаков слов связан со специализацией сфер их употребления. Наряду со словами, которые нейтральны к условиям употребления, используются в любых речевых ситуациях, в словарном составе имеются и такие, употребление которых ограничено факторами либо профессионально-групповыми [к ним относятся термины и специальная номенклатура, например; *пилоны* (архит.), *резекция* (мед.), *пиллерс* (мор.), *пикетаж* (геод.), *пике* (авиа), *пиано* (муз.) и т. п.], либо функционально-стилистическими (например, *пизжон, химичить, бегодня, читалка, умничать, хохма, бабский* и под., допустимые только в разговорной речи).

С учетом сказанного предмет лексикологии в социолингвистическом аспекте может быть определен следующим образом: словарный состав языка — это совокупность лексических единиц, исторически сложившаяся, постоянно развивающаяся, обслуживающая все разнообразие социального использования языка как средства общения.

Основной задачей лексикологии в этом аспекте является систематизация лексики, выявление в словарном составе таких пластов словарных единиц, которые объединяются и противопоставляются по следующим внешним признакам: исконное — заимствованное, актуальное — устаревшее, общеупотребительное — ограниченное в употреблении.

§ 4. Системно-семасиологический подход к исследованию словарного состава языка проявляется в первоочередном внимании к его внутренней семантической структуре, в рассмотрении русской лексики как системы. Подход к словарному составу языка как к явлению системному можно считать традиционным для русской лексикологии. Идея системности лексики, выдвинутая первоначально в качестве важнейшей проблемы лексикологии в работах М. М. Покровского, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, стимулировала ее развитие, хотя и вызывала к себе различное отношение со стороны лексикологов.

Широта объема и разнообразие единиц словарного состава, его открытость, динамизм, особая сложность внутренней организации, обусловленная спецификой единиц-слов, давали известные основания для сомнений в правомерности системной трактовки и даже для полного отрицания возможности такой трактовки. В качестве одного из главных доводов против признания системности лексики выдвигалось, в частности, положение о том, что системность представляет собой простое отражение связей и отношений действительности и потому — в силу ее внематематического характера — не может быть предметом лингвистического исследования. Если согласиться с подобной точкой зрения, то следует вообще отказаться от изучения лексического уровня языковой системы, ибо содержание слов формируется прежде всего под влиянием факторов внематематического характера: «Непосредственная обращенность лексики к внеязыковой действительности является ее существенной особенностью по сравнению со всеми другими областями языка, и вряд ли всестороннее исследование лексики осуществимо без учета этой особенности» [7, 15].

Естественно, что в формировании системных отношений в лексике главную роль играют отношения между явлениями самой действительности, соответствующим образом «преломленные» в языке. Так, слова *ночь* и *день* связаны антонимическими отношениями, потому что они называют противоположные друг другу **части** суток, слова *ненастье* и *дождь* связаны между собой как **названия** явления и его существенного признака, слова *ненастье* и *непогода* — как два названия одного и того же явления. Чисто **лексические** связи и отношения между словами являются вторичными по сравнению со связями «отраженными», как бы надстраивающимися над ними.

В качестве другого аргумента против признания системного **характера** лексики выдвигалась мысль о том, что словарный

состав языка не поддается системной интерпретации в силу своей безграничности и особой подвижности. Но ведь подвижность, постоянная готовность к изменениям — это внутреннее необходимое качество языковой системы. В лексике изменения проявляются наиболее ярко. Это объясняется, во-первых, тем, что количество лексических единиц намного превышает количество единиц других уровней (фонем, морфем и др.); во-вторых, тем, что лексика, непосредственно связанная с действительностью, постоянно реагирует на изменения в общественной жизни и общественных потребностях.

Осложняет системную трактовку лексики и то, что семантическое варьирование слов, порождающее многозначность, создает особую сложность их взаимоотношений. Именно в силу многозначности одно и то же слово оказывается связанным с целым рядом других слов, подчас весьма различных по содержанию. Глагол *болеть*, с одной стороны, связан с такими словами, как *болезнь, здоровье, врач, лекарство, лечить, выздороветь* и т. п., с другой — с такими, как *болеющий, матч, чемпионат, спорт, хоккей* и т. п. Слово *материя*, с одной стороны, соотнесено с философской терминологией *бытие, сознание, время, пространство* и т. д., с другой — со словами *ткань, шелк, шить, платье* и т. д. Это создает в лексике множественность связей, пересекающихся, накладывающихся друг на друга и весьма затрудняющих даже элементарную группировку лексических единиц, что, однако же, не является основанием для отрицания системности лексики, как и подвижность словарного состава, и его соотнесенность с внеязыковой действительностью. Это обязывает исследователей-лексикологов серьезно заниматься вопросами методики, вырабатывать такие приемы анализа лексической системности, которые бы основывались на учете всей сложности лексической системы и не вели к ее упрощению.

В настоящее время идею системности лексики в советском языкознании можно считать общепризнанной. Органически сочетаясь с идеей социальной обусловленности языка, она нашла свое убедительное воплощение в работах лексикологов-русистов В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, Н. И. Толстого, Д. Н. Шмелева, Ю. Н. Караулова, Л. А. Новикова, Л. М. Васильева, Н. З. Котеловой, З. Д. Поповой, П. Н. Денисова, И. П. Слесаревой, И. А. Стернина и др., а также в работах представителей советской романо-германистики А. И. Смирницкого, Н. Н. Амосовой, В. Г. Гака, А. А. Уфимцевой, И. В. Арнольд, А. М. Кузнецова, В. М. Никитина, М. М. Маковского и др.

Подчеркнуть объективную ценность и научную плодотворность этой идеи можно с помощью следующих доводов. Если мы признаем язык системой, то из этого автоматически вытекает признание системности лексики, ибо трудно себе представить систему, одни части которой были бы системны, а другие — бессистемны. Другой аргумент: в сфере лексики четко прослеживаются все виды отношений между единицами, которые являются основными для языковой системы в целом. К ним относятся: отношения средств-

ва — функции, отношения манифестации, парадигматические, синтагматические отношения и отношения репрезентации (вариантности). Коротко рассмотрим проявление этих **отношений** в лексике.

§ 5. Язык в целом — это иерархическая система систем, расположенных не в одной плоскости, а как бы надстраивающихся друг над другом в соответствии с типами единиц, которые имеются в этой системе. Основным типам единиц (фонема, морфема, слово, предложение) соответствуют четыре основных уровня (яруса), выделяемых в языковой системе: фонологический, морфологический, лексический и синтаксический. Все уровни расположены в рамках урвневой модели языковой системы в направлении снизу вверх. Отношения между единицами соприкасающихся уровней можно интерпретировать как соотношения средства и функции. Любая единица языка связана с единицами нижележащего уровня по своему оформлению и с единицами вышележащего уровня по своей функции. Единицы нижележащего уровня по отношению к вышележащему являются средствами оформления, а в единицах вышележащего уровня любая единица реализует свои **функции**, выступая в качестве составных частей.

В иерархии языковых уровней лексический уровень опирается на морфологический и предшествует уровню синтаксическому. В соответствии с этим морфемы, единицы нижележащего, морфологического уровня, являются средствами оформления слова, а слова — средствами оформления предложений, единиц вышележащего уровня. И, напротив, слово выполняет всю полноту своих функций только в предложении, так же как морфема — только в составе слова. Отсюда и возникает возможность, по крайней мере, трехстороннего подхода к слову: как к единице лексического уровня; со стороны морфологии — как к комплексу морфем; со стороны синтаксиса — как к составной части предложения.

Так, характеризуя прилагательное *надтреснутый* как единицу лексической системы, мы прежде всего определяем его основное значение — 'с небольшой, неглубокой трещиной', указываем на наличие у этого слова вторичного переносного значения — 'дребезжащий, дрожащий (о звуке голоса)' и т. д. В плане морфологическом это слово характеризуется по принадлежности к части речи (имя прилагательное) и лексико-семантическому разряду (относительное), как производное слово, мотивированное прилагательным *треснутый* и образованное префиксальным способом. Синтаксическую характеристику слово может получить только в составе предложения, ср.: *Надтреснутый колокол пробил один удар* (прилагательное *надтреснутый* выполняет функцию определения) и *Правый нижний угол доски был надтреснут* (*надтреснут* выполняет функцию сказуемого). Оставаясь единым реальным объектом, в каждом из указанных разделов языкознания слово

составляет особый предмет изучения, предполагающий его особое определение и особые задачи изучения.

Язык — универсальная знаковая система, служащая для передачи мыслительного содержания (информации) с помощью определенных материальных форм. Отношения манифестации, связывающие элементы плана содержания с элементами плана выражения, имеют в его структуре исключительно важное значение. Эти отношения в словах, представляющих собой **знаки** языка в наиболее полном, классическом виде, реализованы в связях внешней материальной формы слова — лексемы, с его внутренней, идеальной стороной — семемой.

Термин «лексема» в таком значении был предложен Н. И. Толстым и принят в настоящее время многими исследователями. Наряду с этим существует и иное применение этого термина: для обозначения инвариантной лексической единицы (В. В. Виноградов, А. М. Пешковский, П. С. Кузнецов), для обозначения основы слова (И. В. Арнольд), для обозначения плана содержания слова (В. М. Солнцев) и др.

В рамках лексического уровня слова связаны между собой весьма разнообразными отношениями. Так, слово *болезнь* формально и по значению связано со словами *боль*, *больница*, *больной*, *болеть*, *болеутоляющий* и т. д. Чисто семантически это слово связано с широким кругом таких слов, как *врач*, *лечить*, *лекарство*, *выздороветь*, *температура*, *клиника* и т. д. Как обозначение определенного вида состояния организма, оно соотносено с обширным классом слов, обозначающих состояние живого существа, в рамках которого слово *болезнь* антонимически связано со словом *здоровье*, а через него с другими словами соответствующей семантики. По принципу синонимии слово *болезнь* связано со словами *недуг*, *недомогание*, *заболевание*, через профессиональное обозначение (*заболевание*) оно включается в состав медицинской терминологии, образующей богатую терминосистему. Потенциально слово *болезнь* связано со своими типичными контекстными партнерами: *заразная*, *инфекционная*, *неизлечимая*, *хроническая*, *изнурительная*; *симптомы*, *диагноз*, *профилактика*, *возбудитель*; *лечить*, *предупреждать*, *симулировать*, *запустить* и т. д.

На многообразие системных связей слов указывал в свое время Н. В. Крушевский: «...слово связано двоякого рода узами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах; оно всегда член известных гнезд или систем слов и в то же время член известных рядов слов» [2, 65—66].

Н. Ю. Шведова, подчеркивая важность проблемы «слово и виды его окружений в их взаимодействиях и взаимозависимостях», выделяет три аспекта в языковых условиях существования слов: условия класса (лексическая группа, разряд, лексическая парадигма, ряд); условия типового контекста; условия бытования

слова в характерных для него речевых ситуациях [6, 143]. По ее мнению, «научное описание слова — в идеале — является полной и всесторонней конденсацией и препарацией его отношений к другим единицам класса, его разнообразных и полифункциональных окружений и тех экстралингвистических ситуативных условий, в которых это слово функционирует» [6, 154].

Если отвлечься от чисто речевых параметров, к которым можно отнести условия ситуативного использования слова, и обобщить разнообразные типы системных связей слов, то в качестве основных типов системных отношений в лексике следует выделить два типа: парадигматические и синтагматические. Эти два типа отношений между единицами одного уровня являются универсальными для языковой системы в целом и реализуются в пределах всех ее уровней.

В основе парадигматических отношений в лексике лежит сходство слов, формальное или семантическое. Эти отношения проявляются в наличии в рамках словарного состава разного рода группировок слов, начиная с частей речи и кончая дублетами типа *коротыш — коротышка, кошачий — кошечий, краса — красота* и т. д.

Синтагматические отношения проявляются в закономерностях сочетаемости слов в линейном ряду, в составе предложений и словосочетаний. Слова определяют свой контекст и взаимно определяются им. Кроме того, системные отношения в лексике имеют еще «третье измерение», называемое **эпидигматическим** (Д. Н. Шмелев) или деривационным (П. Н. Денисов). К нему относится, во-первых, формально-семантическая соотнесенность слов, связанных отношениями производности (*болеть — боль — больной — болезнь — болезненный*), которые представляют частный вид проявления парадигматических отношений. Во-вторых, сюда же относят явления внутрисловной семантической парадигматики (многозначности), которая является результатом взаимодействия собственно межсловной парадигматики с синтагматикой и относится к особой сфере системных связей вторичного, вариантного характера.

В основе отношений вариантности лежит то, что язык в силу своей индивидуально-общественной природы существует «в двух лицах»: системы и речи, что обуславливает двойственность статуса его единиц, которые существуют в виде **инвариантных абстракций**, составляющих глубинную основу языковой системы, и в виде **вариантов**, представляющих эти абстрактные единицы в речи. На лексическом уровне отношениями вариантности связаны системные слова-названия с их актуальными реализациями в составе предложений. Например, слово *вода* реально может быть представлено в речи в ряде семантических вариантов: *стакан воды* ('прозрачная, бесцветная жидкость, употребляемая для питья'); *Ей помогли кавказские воды* ('целебная жидкость,

содержащаяся в минеральном источнике'); В его выступлении было много воды ('малосодержательные фразы').

Слово как единица лексической системы языка имеет, таким образом, два статуса. Во-первых, статус самостоятельной номинативной единицы (ономатемы), отвлеченной от реальных функций в предложении. Во-вторых, статус синтаксического слова, элемента предложения, в составе которого слова соединяются друг с другом, участвуя в создании и выражении общего смысла высказывания. В грамматике эти два статуса слов представлены в традиционном разграничении слова как части речи и слова как члена предложения. А. М. Пешковский писал по этому поводу: «...Мы должны различать два образа: один, возникающий у нас при произнесении отдельного слова, и **другой** — при произнесении того или иного словосочетания с этим словом. Весьма вероятно, что первый есть лишь отвлечение от бесчисленного количества вторых ... это «отвлечение» не есть плод научных размышлений, а живой психологический факт, и он может, даже вопреки действительности, представляться как первосущность, а конкретные образы слов в словосочетаниях как модификации этой первосущности» [4, 93—94].

Разработка этой проблемы дается в статье В. В. Виноградова «О формах слова», в которой он предложил «различать два понятия и два термина — слово и **лексема**, т.е. лексическая единица языка, как система форм и функций, осознаваемая на фоне структуры языка в целом, или форма слова и **слово**» [1, 37]. Разграничение двух статусов слова является необходимой предпосылкой эффективного изучения системных связей слов в рамках лексической системы современного русского языка.

Таким образом, в словарном составе языка проявляются в качестве системообразующих все основные типы структурных связей единиц: 1) иерархические (**средство** — функция), 2) отношения манифестации, 3) парадигматические, 4) синтагматические и 5) варианты отношения. И это дает все основания для теоретического осмысления словарного состава как сложной, но единой системы. Первичными в этой системе являются ее единицы — слова, составляющие ее субстанцию; разнообразные связи и отношения, которые были бегло очерчены выше и которые образуют структуру этой системы, производны от слов и, в известном смысле, вторичны. В то же время «не следует полагать, что сначала изолированно сложились отдельные значения (и единицы языка), а затем кто-то объединил их в систему. Складывание значений языка и системы языка можно представить себе лишь как единовременный процесс. Значения единиц языка и сами единицы с самого начала несут на себе печать системности и обладают системными свойствами» ¹.

¹ Солнцев В. М. К вопросу о семантике, или языковом значении (вместо предисловия)//Проблемы семантики. М., 1974. С. 8.

Отвечая на вопрос, что такое словарный состав языка, в рамках системно-семасиологического подхода предмет лексикологии можно определить следующим образом: словарный состав — это система лексических единиц, связанных между собой соответствующими (парадигматическими, синтагматическими, вариантными) отношениями, имеющими преимущественно семантический характер.

§ 6. Два основных аспекта изучения русской лексики — социолингвистический и системно-семасиологический, условно выделенные нами, в конкретных лексикологических исследованиях часто не разграничиваются. И это естественно, так как все существование словарного состава определяется единством внешних и внутренних факторов. Например, изучая заимствованную лексику (проблема преимущественно социолингвистическая), мы отмечаем, что заимствования относятся к определенным семантическим группам, и наоборот, изучая отдельные семантические группы, мы неизбежно выделяем в них слова исконные и заимствованные, выявляем закономерности, которые возникают в рамках группы в результате их взаимодействия. Терминологическая лексика, социальная обусловленность которой предельно ясна, представляет собой совокупность терминосистем, которые интерпретируются как семантические группы слов. Изучая словарный состав языка в историческом плане, с точки зрения его развития, особенно трудно и вряд ли целесообразно разграничивать указанные подходы: социолингвистический и системно-семасиологический.

В этом отношении представляет интерес монография «Лексика современного русского языка» (М., 1968), часть социолингвистического исследования «Русский язык и советское общество», обобщающего результаты коллективной работы, выполненной в Институте русского языка Академии наук СССР. Авторам этой работы удалось успешно решить задачу, сформулированную в свое время С. И. Ожеговым как задачу определения движения «лексики разных групп, подсистем, не всегда помещающихся в одной плоскости, но совмещающихся в едином потоке **развития**» и обнаружения внутри этих групп и подсистем «действие то внешних факторов в развитии, то внешних и внутренних во взаимодействии» [3, 48]. Достоинством этой монографии является то, что ее авторам удалось преодолеть чисто внешний подход, как будто бы предопределяемый общей проблематикой (русский язык и советское общество), и дать такую интерпретацию лексических явлений, которая основывается на учете сложного взаимодействия факторов и тенденций, имеющих как внешний, так и внутрилингвистический характер.

§ 7. Для того чтобы язык мог выполнить свои общественные функции, он должен быть организован системно. Но в рамках основных системных отношений и связей в языке существует **«свобода»**. Фактически в языке любому системному, упорядоченному явлению противостоят известные асистемные тенденции. Язык не может быть простым и схематичным: слишком сложны и разнообразны те требования, которые предъявляют к нему люди и которые определяют в конечном итоге его реальное существование.

В лексике асистемные тенденции имеют особенно благоприятную сферу своего проявления. Словарный состав языка постоянно ощущает воздействие импульсов, идущих от общественной деятельности, а она сложна и находится в состоянии **никогда** не прекращающегося развития. И это в первую очередь определяет динамизм лексической системы, ее открытый характер и постоянную изменяемость под воздействием как системных, так и асистемных тенденций.

В самой языковой системе запрограммированы внутренние предпосылки для известной неустойчивости и свободы. Одной из таких предпосылок является то, что в любом языке реализуется только часть возможностей, потенциально заложенных в его системе, притом небольшая. Из нескольких тысяч морфем, существующих в морфологической системе русского языка, можно образовать гораздо большее количество слов, чем отражено в самом большом словаре русского языка и во всех словарях, вместе взятых. В любой момент эти потенциально возможные слова могут стать реальными, если в этом возникнет необходимость. И именно наличие в потенциале лексической системы этих возможных единиц придает ей качества неограниченной системы.

Характеризуя особенности лексических значений слов, обычно отмечают их неопределенность и диффузность. В этих особенностях также заключен источник особой подвижности лексической системы, которая не дает возможности интерпретировать ее как жестко организованную систему. В ней с избытком представлены факты двойственного, промежуточного типа.

Формой проявления свободы лексической системы можно считать способность слов к семантическому варьированию. Именно в процессе семантического варьирования в лексической системе языка создаются те вторичные связи между словами, которые создают национальное своеобразие языков, делают их лексические системы сопоставимыми, но не накладываемыми. С особой силой свобода (как антитеза схематизма) проявляется в словах на уровне их речевой реализации. В речи действуют факторы, идущие от человека, который не может быть только носителем языка или единицей социального коллектива, но всегда остается неповторимой личностью со своими неповторимыми мыслями, чувствами и устремлениями. Слова в речи функционируют не как усредненные, безликие ономаты, они наполнены уникальным смыслом, определяемым ситуацией речи и личностью говорящего.

Ш. Балли в свое время, предостерегая лексикологов от схематизма, подчеркивал, что «словарный состав не представляет собой геометрически правильной конструкции, которая была бы столь желанна ленивой мысли, стремящейся идти легким путем аналогии»¹. К аналогичным выводам приходят современные лексикографы, решающие задачу создания словаря идеографического типа.

¹ *Балла Ш.* Французская стилистика. М., 1961. С. 62.

По мнению Ю. Н. Караулова, синоптическая схема идеографического словаря представляет собой лишь приблизительный анализ целостной лексической системы, и приблизительность эта «является принципиально неустранимой, поскольку обусловлена она фундаментальными свойствами слова как языкового знака»¹. Излишне прямолинейное понимание лексической системности опасно тем, что оно может привести к обеднению содержания языка, которое с наибольшей полнотой проявляется в лексике. Необходимо стремиться к познанию лексической системы языка во всей ее сложной реальности, учитывая ее аспекты, которые существуют в лексикологии и которые нам хотелось бы еще раз напомнить, завершая вводную главу.

Аспекты изучения словарного состава

*Социолингвистическая
систематизация по
признакам:*

- а) происхождения;
- б) степени употребительности;
- в) сферы употребления.

*Системно-семасиологическое
описание с учетом
отношений:*

- а) манифестации;
- б) парадигматических;
- в) синтагматических;
- г) вариантных.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. О формах слова//Избр труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 33—50.
2. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. Казань, 1883.
3. Ожегов С. И. Лексика//Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 46—72.
4. Пешковский А. М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики?//Избр. труды. М., 1959. С. 74—100.
5. Русский язык и советское общество: Лексика современного русского литературного языка. М., 1963.
6. Шведова Н. Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова//Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. М., 1982. С. 142—154.
7. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Глава II. СЛОВО КАК ЕДИНИЦА ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

§ 1. Множественность определений слова § 2. Определение слова как единицы лексической системы. § 3. Факторы, определяющие лексическое значение слова. § 4. Понятийный компонент значения слова. § 5. Эмпирический и мотивировочные компоненты значения. § 6. Коннотативный компонент значения слова.

§ 1. За многие годы своего развития наука о языке накопила очень много определений слова. В лингвистической литературе существуют попытки анализа и классификации самих этих определений. Так, И. Е. Аничков распределяет имеющиеся определения

¹ Караулов Ю. Н. Семантическая иерархия в словаре и ее отражение в письменности//Восточные славяне. Языки, история, культура. М., 1985. С. 200.

по шести группам и приходит к неутешительному выводу о том, что «каждое из этих определений содержит большую или меньшую долю истины: каждое из них недостаточно и само по себе несостоятельно»¹. Широта и разнообразие этих определений породили даже сомнения в возможности и целесообразности определения слова вообще. Дело, однако, заключается не в неопределимости слова, а в его особой сложности, многогранности.

Единица языка, называемая словом, является основной, «узловой», по определению А. И. Смирницкого, с которой так или иначе связаны все остальные единицы. Отсюда особая многогранность слова, порождающая возможность его разноплановых характеристик. Такие характеристики зависят от того, с какой стороны мы подходим к слову, в каком аспекте его рассматриваем. Имея в виду фонетическое слово, мы вправе определить его как комплекс звуков, объединенных ударением. Применительно к **морфологическому** слову возможно его определение как цельнооформленного комплекса морфем, обладающего самостоятельным значением. Говоря о **синтаксическом** слове, мы определяем его как член предложения, обладающий относительно самостоятельным значением. Каждое из определений, объективно верное в рамках какого-либо одного аспекта, все-таки оказывается односторонним и недостаточным. Попытки создания глобальных определений слова, учитывающих максимум его признаков, неизбежно приводят к громоздким формулировкам, которые также дают достаточно оснований для критики.

Очевидно, определение слова, которое охватывало бы все его собственные функциональные и формальные особенности и одновременно все его связи с другими единицами языка, не является (в рамках лексикологии) столь необходимым. Для лексикологии более ценным является определение слова с точки зрения лексической системы языка.

§ 2. Слово как единица лексической системы языка может быть охарактеризовано, во-первых, с точки зрения его собственных, только ему присущих функций, во-вторых, с точки зрения тех особенностей, которые обусловлены его взаимоотношениями с единицами других уровней, непосредственно связанных с лексическим.

Начнем рассмотрение признаков именно с этих взаимоотношений. В языковой системе лексический уровень лежит выше морфологического уровня и предшествует уровню синтаксических единиц. В соответствии с общими законами строения системы слово связано с единицами нижележащего уровня, морфемами, по своей форме. Морфемы являются средством построения слова, и потому — с формальной точки зрения — оно может быть охарактеризовано как комплекс морфем. При этом слово существенно отли-

¹ Аничков И. Е. Об определении слова//Морфологическая структура слова в языках различных типов. М., 1963. С. 150.

чается от морфем своей выделяемостью, обусловленной самостоятельностью его значения.

С основной единицей вышележащего, синтаксического уровня — предложением — слова связаны функционально. Одна из важнейших языковых функций слова — это функция члена предложения. Слово участвует (в качестве средства) в построении предложения, внося свой вклад в его общий смысл. Главным структурным отличием слова от синтаксических единиц, предложения и словосочетания, является его цельнооформленность. Именно эти признаки — выделяемость и цельнооформленность — были сформулированы выдающимся советским лексикологом А. И. Смирницким в качестве важнейших для слова [3]. Главный смысл этих признаков в том, что они дают возможность отграничить слово от других, ближайших и тесно связанных с ним единиц — морфемы и предложения, выявляют специфику слова.

Как единица собственно лексического уровня, слово определяется прежде всего по своей уникальной функции — быть средством **номинации**. Слова существуют прежде всего как наименования различных явлений действительности благодаря тому, что в их значениях содержатся обобщенные образы этих явлений, информация о них.

Рассмотренные существенные признаки слова являются важнейшими для определения слова как единицы лексического уровня, так и основной единицы языковой системы в целом. Ср. определение, данное в работах Д. Н. Шмелева: «Слово — это единица **наименования**, характеризующаяся цельнооформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью» [5, 53].

Признак идиоматичности был выделен в качестве важнейшего признака слова М. В. Пановым. Суть его сводится к тому, что «слово как целое почти всегда значит больше, чем его части» [2, 140]. Применительно к производным словам это означает, что их значение не равно простой сумме значений морфем, из которых состоит их основа, не «выводится» из них. Это положение М. В. Панов убедительно иллюстрирует четырьмя омонимами: **змеевик**¹ — 'горная порода', **змеевик**² — 'растение', **змеевик**³ — 'труба особой формы', **змеевик**⁴ — 'амулет', которые одинаковы по морфемному составу, но имеют разные значения. В той или иной мере идиоматично большинство производных слов.

Но в языке есть и непроеизводные слова (корневые или заимствованные). Какой смысл имеет для них признак идиоматичности, коль скоро он признается одним из важнейших признаков слова? Нам представляется, что более подходящей для всех слов является та характеристика особенностей слова, которая дается М. В. Пановым в той же работе: «Фразеологичность, индивидуальность, «особливость» слова обусловлена номинативной функцией, ему присущей» [2, 143]. Именно «особливость», уникальность семантики слова, ее **целостная** и неповторимая «привя-

занность» к определенному комплексу морфем и составляет самую существенную отличительную черту слова.

Итак, выделим основные признаки слова как единицы лексической системы:

а) признак функциональный: слово служит для наименования отдельных предметов и явлений как само по себе, так и в составе предложения;

б) признак формальный: с внешней стороны слово представляет собой комплекс морфем, фонетически связанных единым ударением;

в) признак семантический: значение слова целостно и уникально, оно существует только в единстве с определенным внешним оформлением.

§ 3. Слово — знаковая единица. В нем органически слиты две стороны — форма и значение. Форма слова, которая представляет собой чаще всего комплекс морфем, манифестирует (выражает) определенное содержание — лексическое значение слова. Именно лексическое значение дает возможность слову выполнять основную номинативную функцию и должно быть подробно рассмотрено при характеристике слова как лексической единицы.

Лексическое значение слова определяется рядом факторов внелингвистических и внутрилингвистических. **Внелингвистические** факторы являются наиболее важными. К ним относятся: 1) связь лексического значения слова с явлениями реальной действительности (денотатами); 2) связь лексического значения слова с понятием как формой мышления, отражающей эти явления действительности. Оба фактора тесно между собой связаны, хотя преломление их в содержании слова различно.

Слова создаются для того, чтобы называть, именовать все то, что существует в **реальной** действительности. Отдельные явления реальной действительности, подлежащие именованию, принято называть **денотатами**, или **референтами**. Денотативный фактор (связь слова с миром реальных явлений) прежде всего обуславливает номинативную функцию слова, возможность его использования как названия применительно к любому реальному предмету определенного типа. Например, словом *окно* может быть названо любое окно, в любом помещении, в любом оформлении (ср. *окно избы, окно гостиницы, окно самолета* и т. п.), если оно соответствует определенной совокупности признаков (часть поверхности, ограничивающей помещение; в виде отверстия; из стекла или другого прозрачного материала; для проникновения света и воздуха). Слово *окно*, таким образом, является единым, **обобщенным** наименованием бесконечного количества реальных предметов, отвечающих данному определению.

Следует отметить, что денотатами слова могут быть не только объекты, доступные нашему непосредственному восприятию (предметы типа дом, дорога, книга и т. п.; качества типа крас-

ный, твердый, узкий; действия типа бежать, кричать, бросать и т. п.), но и так называемые «идеальные **предметы**» — отвлеченные понятия определенной степени абстракции (например, труд, цель, защита, мир; общий, будущий, ценный; победить, приобрести, соответствовать).

Обобщенность значения слова — это результат действия другого и важнейшего фактора: связи языка с мышлением. Язык в целом служит орудием и средством оформления, хранения и передачи содержания человеческого сознания во всем его многообразии. Слова являются средством манифестации таких важнейших форм мышления, как понятия и представления. В процессе познания действительности, рассматриваемом в самом общем виде, представления и понятия разграничиваются в соответствии с двумя этапами этого процесса. Познание начинается с восприятия, которое порождает формирование представлений, обобщающих данные восприятия, но имеющих наглядно-образный характер. В понятии, представляющем высший этап познания-отражения, наглядно-образные компоненты как бы «снимаются» в процессе дальнейшего обобщения и отвлечения мыслительной конструкции от реальных явлений, охватываемых ею. Мыслительный аналог класса однородных явлений, называемых словом, как компонент его значения называется **сигнификатом**, или **десигнатом**. В этом компоненте совмещены обе указанные выше формы мышления — представление и понятие. «Слово через свое понятие обобщенно указывает на определенный предмет, признак, процесс, состояние и т. д. Однако за словом закреплено также чувственное отражение предмета (имеются в виду предметные слова), некоторое представление о предмете, называемое словом» [4, 31]. В речевой деятельности слово может использоваться то как выразитель понятия, то как репрезентант представления, ср.: *В дороге нас застал сильный дождь* (представление о конкретном дожде); *Дождь — обычное явление в этих местах* (обобщенное понятие).

Внутрилингвистические (внутриязыковые) факторы — это связи, которые существуют между словами и которые также участвуют в формировании лексических значений. Одни связи проявляются в контексте в зависимости значения слова от его синтаксического окружения, другие — во всякого рода ассоциациях слов, обладающих тем или иным сходством. Так, например, значение слова *заклятый* мы не можем осмыслить вне его связи с постоянным контекстным партнером — словом *враг*, а значение слова *ластиться* — без опоры на его синоним — слово *ласкаться*.

Иллюстрацией **того**, что все эти факторы действительно участвуют в формировании лексических значений слов, может стать наблюдение над практикой составления кроссвордов, в частности над тем, каким способом задаются в них значения слов. Кроссворды представляют собой задачи, в которых искомыми являются лексемы, а известными, заданными — семемы, точнее — некото-

рые сведения о них. Задание в кроссворде может быть представлено в виде изображения предмета. Так составляются кроссворды в журналах для самых маленьких читателей. И то, что от изображения мяча, зайца, чашки можно прийти к их названиям-словам, убедительно свидетельствует о действии денотативного фактора, связывающего слово с предметами реальной действительности.

Чаще всего значение слова задается в виде определения, в котором указаны (с большей или меньшей полнотой) признаки понятия, составляющего основу его значения. Так, искомое слово *стакан* может быть задано перечнем следующих признаков: 1) сосуд, 2) стеклянный, 3) цилиндрической формы, 4) без ручки, 5) служащий для питья. От таких заданий легче всего прийти к словам, в особенности если перечень признаков в них достаточно полный, и это является прямым свидетельством того, насколько важен для слова понятийный (сигнификативный) фактор.

Но в кроссвордах могут использоваться и такие виды заданий, которые рассчитаны не столько на знание содержания значения слова, сколько на знание его внутриязыковых связей с другими словами. Например, заданным может быть синоним искомого слова: *непогода* при искомом *ненастье*, *довод* при искомом *аргумент* и т. п. Выполнение такого задания гарантируется знанием синонимических связей слов, представляющих собой чисто лингвистическое (внутриязыковое) явление.

Наконец, задание может иметь вид фразы, в которой искомое слово оказывается пропущенным, например, фраза «*Картина была написана масляными ...*» при искомом слове *краска* или «*На столе стоял чайник и несколько граненых ...*» — при искомом *стакан*. Возможность «отгадать» слово в этом случае свидетельствует о соотнесенности в **нашем** сознании одних слов с другими, типичными для них контекстными партнерами. И в этом также проявляется действие внутриязыковых факторов формирования значений слов.

Ведущая роль в процессе формирования лексических значений слов принадлежит, безусловно, внелингвистическим факторам, но без семантического взаимодействия с другими словами внутри самого языка слово как единица лексической системы немислимо. Следует также иметь в виду, что указанные факторы по-разному проявляются в словах различного типа. Так, в именах собственных (*Москва, Урал, Волга, Сахалин* и т. п.) ведущим, естественно, является денотативный фактор, связь слова с тем уникальным явлением действительности, именем, названием которого оно выступает. В терминах различных наук и вообще в словах с достаточно общим, абстрактным значением, например *фонема, морфема, акцентология, графика* или *движение, безопасность, сила, борьба, разум, прогресс*, главным для формирования их значений является фактор логический, связь слов с соответствующими **ПОНЯТИЯМИ**.

В основе стилистических и экспрессивных синонимов лежат **связи** с нейтральными доминантными словами. Так, слова *длинный, высоченный, долговязый* являются стилистическими синонимами к слову *высокий* (человек), употребительными в разговорной речи. По основному, понятийному содержанию они соотнесены с прилагательным *высокий*, подчинены ему, осмысляются как его дублиеты, обладающие дополнительными оттенками экспрессивно-стилистического характера. Ср.: слова *очи, буркалы, зенки, гляделки*, являющиеся экспрессивно-стилистическими синонимами слова *глаза*.

В словах, которые, как правило, употребляются в одном и том же контексте, важнейшим фактором формирования их значений является именно связь с постоянными партнерами, вне которой они не могут быть осмыслены. Например, прилагательное *трескучий* имеет значение 'сильный' только в сочетании со словом *мороз* и без указания на *мороз* охарактеризовать содержание этого **значения** невозможно. Значение глагола *лаять* трудно объяснить без ссылки на *собаку*, обозначение которой всегда имеется в контексте этого глагола, так же как значение глагола *мурлыкать* — без упоминания *кошки*.

В целом же факторы внелингвистические и внутрилингвистические действуют совместно, точнее сказать, взаимодействуют и разграничить их применительно к каждому отдельному слову довольно трудно, да и вряд ли целесообразно.

§ 4. С учетом всех связей лексического значения слова: с действительностью, с мышлением, с индивидуальной и социальной психологией, со значениями других слов — в нем можно выделить некоторые аспекты или макрокомпоненты. Одни из них являются самыми важными и **обязательными** для всех слов, другие присутствуют в значениях не всех слов, и потому их можно трактовать только как возможные. К обязательным относится по н я и й н ы й компонент, который называют также денотативным, или сигнификативным. Ко вторым относят такие компоненты, как **эмпирический**, мотивировочный и коннотативный.

Понятийный компонент составляет основу лексического значения слов. Проблема соотношения слова и понятия является объектом внимания двух наук: лингвистики и логики, интересы которых максимально сближаются именно при решении вопроса о том, как соотносятся между собой основная единица языка (слово) и одна из основных форм мышления (понятие). В разных концепциях, выдвигавшихся и выдвигающихся в науке, слово и понятие то сближаются, вплоть до отождествления, то разводятся, вплоть до противопоставления.

Советское языкознание исходит в трактовке этого вопроса из следующих общетеоретических положений. Во-первых, логические понятия являются мыслительными коррелятами (аналогами) лексических значений слов или языковых понятий. Во-вторых, **первичной** для тех и других понятий является реальная действитель-

ность, обобщенно отраженная в их содержании. В-третьих, понятие и представление являются первичными по отношению к слову. Именно понятия определяют многие особенности значения слов. Рассмотрим их вкратце.

Понятие — это одна из основных форм мышления, с помощью которой реальная действительность обобщенно отражается в нашем сознании. Каждое понятие имеет две основные характеристики — объем и содержание. Объем понятия — это класс определенных явлений, обобщенных в нем, а содержание — совокупность существенных признаков этих явлений.

Лексические значения слов определяются прежде всего содержанием понятий. Содержание понятия имеет сложную структуру, поскольку оно состоит из признаков (обобщенных, существенных), определенным образом связанных друг с другом внутри этой структуры. Соответственно и в значениях слов выделяются компоненты, семантические признаки, соотнесенные с содержательными признаками понятий. Формальное понятие 'дерево' включает в себя такие признаки, как 1) растение, 2) многолетнее, 3) имеющее ствол и ветви, 4) покрытое листьями. Сравним определения значения слова *дерево*: 'многолетнее, крупное или мелкое растение с твердым стволом и ветвями, образующими игловидную или листоносную крону' (БАС, 3, 712) ¹; 'многолетнее растение с твердым стволом и ветвями, образующими крону' (МАС, /, 388). Содержание словарных определений с очевидностью убеждает нас в том, что элементы, из которых складывается лексическое значение слова, соотнесены с признаками соответствующего **понятия**.

Между объемом понятия и его содержанием существует определенная зависимость: чем шире объем **понятия**, тем беднее его содержание, уже круг признаков, из которых оно состоит. Так, объем понятия 'дерево' шире, чем объем понятия 'береза', ибо первое понятие охватывает деревья всех видов, а второе — только деревья определенного вида. Соответственно содержание понятия 'береза' богаче содержания понятия 'дерево', так как в нем содержатся такие специфические признаки, как '**лиственность**', 'белая кора'.

Отмеченная закономерность находит свое отражение и в значениях слов, в частности в том, что содержательность лексических значений закономерно соотнесена с уровнем их абстрактности, обобщенности. Чем более обобщенным является значение слова, тем менее оно содержательно, тем меньше в нем семантических компонентов. Для сравнения проведем наблюдение над словами:

¹ В дальнейшем *Словарь современного русского литературного языка* (в 17 т. М.; Л., 1954—1965) будем обозначать БАС; *Словарь русского языка* (в 4 т., 2-е изд. М., 1981—1984) — МАС; *Ожегов С. И. Словарь русского языка* (18-е изд. М., 1986) — **СО**; *Толковый словарь русского языка* / Под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1934—1940. Т. 1—4) — **СУ**. Цифры, стоящие после условно обозначенного словаря, указывают том и страницу в нем.

вещество — качественная определенность материи, то, из чего состоит физическое тело;
жидкость — **вещество**, обладающее свойством течь и принимать форму сосуда, в котором оно находится;
напиток — **жидкость**, специально приготовленная для питья;
лимонад — сладкий, прохладительный напиток с соком ягод или фруктов.

По мере того как от слова *вещество* к слову *лимонад* понижается уровень абстрактности слов, повышается содержательность их значений. Это проявляется в том, что в определении значения каждого последующего слова входит предшествующее слово со всем его содержанием. Но в определениях помимо выделенных слов есть и другие компоненты, наглядно свидетельствующие о том, что определение значения каждого последующего слова содержательнее определения значения предшествующего слова, составляющего только его часть.

В русском языке имеются слова различной степени абстрактности и, следовательно, различной степени содержательности. Крайними точками являются, с одной стороны, местоимения, обладающие предельно обобщенными значениями, с другой — имена собственные, названия единичных предметов. В значениях имен собственных содержатся все, в том числе и уникальные признаки соответствующих единичных предметов (ср.: *Урал*, *Кавказ*, *Памир*), в то время как значения местоимений минимально содержательны, ср.: **я** — любое говорящее лицо, *это* — любые предметы, явления, действия, события, о которых идет речь.

И еще одна особенность понятий существенно важна для характера лексических значений слов. Мы имеем в виду подвижность понятий, их гибкость, способность изменять глубину своего содержания. Эту особенность понятий замечательно охарактеризовал В. И. Ленин, указав на то, что «человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни»¹.

Понятия изменяют свое содержание в процессе познания, ведущего нас от чисто внешних впечатлений о предметах к их глубинной сущности. В связи с этим в логике различаются понятия формальные и научные. В формальных понятиях содержатся те признаки явлений, которые как бы лежат на поверхности и прежде всего осмысливаются в качестве главных всеми, кто сталкивается с этими явлениями в своей обычной жизни, в своем непосредственном опыте.

Научные понятия складываются в сфере науки, объектом которой становится явление. В процессе научного познания в явлениях открываются глубинные, наиболее существенные признаки, скрытые от взгляда тех, кто не подходит к этим явлениям как

¹ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии» // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 226, 227.

к объектам научного изучения. При этом оба понятия — формальное и научное — выражаются с помощью одного и того же слова, содержание значения которого различно. Наглядно эти различия можно проиллюстрировать, сопоставив данные общих толковых словарей и словарей специальных, терминологических. Определения значений одних и тех же слов в них не совпадают. В обычных толковых словарях раскрывается общепринятое значение слова, которое содержит минимум признаков понятия, известный всем. Например, слово *сорока* определяется: 'птица сем. **вороновых**, с белыми перьями в крыльях, издающая характерный крик — стрекотанье' (МАС, 4, 203); в однотомном «Советском энциклопедическом словаре» дается определение: 'птица сем. **вороновых**. Дл. 45—47 см. Распространена в Евразии. Сев.-Зап. Африке и на с.-з. Сев. Америки. Истребляет вредных насекомых, разоряет гнезда мелких птиц' (с. 1246). В языковом значении отражены внешние, непосредственно воспринимаемые органами чувств признаки птицы, в понятии класс сорок характеризуется по признакам, имеющим значение для орнитологии (науки о птицах).

Гибкость и подвижность понятий находит свое отражение в известной «неопределенности» лексических значений в том смысле, что значения слов как бы не имеют жестких границ, содержание этих значений может быть различным у разных людей, в зависимости от уровня их образования, особенностей профессии, житейского опыта. Имея в виду эту особенность слов, Д. Н. Шмелев отмечает: «... в значительном числе случаев лексическое значение слова невозможно охарактеризовать с полной определенностью...» [5, 21]. Это наглядно проявляется в том, что значения одних и тех же слов в толковых словарях современного русского языка даются неодинаково. Обратимся к примерам:

- Мгла** — 1) непрозрачный воздух (от тумана, пыли, сумерек) (СО, 295),
 2) завеса тумана, пыли (СУ, 2, 167);
 3) пелена тумана, пыли, дыма и т. п. (МАС, 2, 241);
 4) 2. Непрозрачный воздух, насыщенный водяными парами; туман.
 3. Воздух, насыщенный мельчайшей пылью, дымом; сухой туман (БАС, 6, 741)

Итак, основными моментами, в которых проявляется связь слов с понятиями, составляющими стержень их лексических значений, являются: 1) зависимость содержания слов от признаков, составляющих содержание понятий; 2) соотношенность степени абстрактности слов и степени содержательности их значений с объемом и содержанием понятий; 3) семантическая неопределенность слов как отражение подвижности понятий.

Связь слов с понятиями имеет характер взаимообусловленности, единства двух явлений, существование которых невозможно вне этой связи. Слова неразрывно связаны с понятиями по своему содержанию, понятия не могут существовать не будучи оформленными с помощью слов. Понятия объективируются в словах и мо-

гут быть переданы с помощью слов в виде информации в процессе общения людей.

§ 5. Наиболее всего подвижна и индивидуальна та часть значения слова, которая отражает наглядно-чувственный образ денотата, так называемый э м п и р и ч е с к и й компонент.

Эмпирический компонент присутствует в значениях не всех слов, а только таких, которые обозначают явления, доступные для непосредственного чувственного восприятия. Восприятие может быть как реальным, приобретенным в собственном опыте, так и опосредованным теми или иными средствами изображения. В этом компоненте сильнее всего проявляются личные, индивидуальные знания, за счет которых содержание значений одних и тех же слов у разных людей, будучи одинаковым в основной понятийной части, различается в конкретных деталях. Это можно проверить с помощью простого эксперимента, предложив информантам детально охарактеризовать значение таких слов, как *стог*, *пистолет*, *иволга*, *шляпа*, *шомпол*, *шарф* и др. Представления о них могут быть очень разнообразны.

Не обязательным, но возможным компонентом значения производных слов может быть так называемая «внутренняя форма», или **мотивированный** признак. «Внутреннюю форму» могут иметь только производные слова, мотивированные теми словами, от которых они образованы. Производные слова всегда связаны с производящими по своей основе и тем семантическим признакам, которые входят в мотивирующую часть значений. Мотивирующая часть, общая для производного и производящего слов, является воплощением их семантической близости. При этом мотивирующие признаки могут быть прямо представлены в лексическом значении слов в качестве его компонентов, например, *писарь* — 'канцелярский служащий, занимающийся составлением, перепиской и ведением **бумаг**' (БАС, 9, 1225); *письменность* — 'система графических знаков, употребляемых для **писания**' (БАС, 9, 1242).

В других случаях мотивирующий признак может и не входить в состав основных семантических компонентов лексического значения производного слова. В этих случаях в словарных определениях производных слов мы не находим мотивирующих слов, хотя связь с ними может быть установлена через посредство других слов, представленных в толкованиях. Например, одно из значений слова *письмо* определяется так: 'текст, посылаемый, передаваемый кому-либо с целью сообщения о чем-либо, изложения своих мыслей, выражения чувств' (БАС, 9, 1246). В толковании нет глагола *писать*, от которого произведено толкуемое слово, но есть слово *текст*, которое в том же словаре определяется как 'сочиненная кем-либо связная речь (напечатанная, **написанная** или запечатленная в памяти), которую можно воспроизвести в том же виде' (БАС, 15, 193). Значение слова *писатель*, также

образованного от глагола *писать*, определяется так: 'лицо, профессионально занимающееся литературной деятельностью, автор художественных произведений' (БАС, 9, 1225). В толковании нет непосредственного указания на 'писание'. Обратившись к толкованиям слов *литература*, *произведение*, мы убеждаемся, что в их определении признак 'писание' не отражен в качестве существенного. Очевидно, этот признак в содержании лексического значения слова *писатель*, при желании легко осмысляемый нами, является недостаточно существенным.

Во многих случаях мотивировочный признак вообще затухает настолько, что и не осмысляется носителем языка. Например, осмысляя значение слова *подушка*, мы не связываем его с ухом; в данном случае мотивирующий признак 'подкладываемое под ухо' вообще не входит в лексическое значение слова даже в качестве малосущественного, ср. его толкование: 'мешок, набитый пухом, перьями, волосом и т. п., используемый в качестве мягкой, пружинистой подкладки (под голову, для сидения, для других **целей**)' (БАС, 10, 671).

По сравнению с основными факторами, определяющими значение слова (его соотносительностью с миром реалий и системой понятий), мотивировочный признак имеет сугубо внутрисистемный характер, обнаруживая формальную и семантическую связь однокоренных слов. Эта связь имеет важное значение при **ономасологическом** подходе к слову, предполагающем выявление способа образования слова: как, от какого слова образовано данное слово, какой признак был положен в основу наименования. В таких случаях для слова *подушка* устанавливается, что оно образовано от существительного *ухо* и в основе его лежит признак 'то, что кладется под ухо', а слово *сходка* (современное *сход*) образовано от глагола *сходиться* по признаку 'собрания, встречи в определенном месте'.

С точки зрения существования слов в качестве номинативных знаков наличие или отсутствие внутренней формы является мало существенным. Она отсутствует у всех непроемных слов, а ведь именно они составляют основу словарного состава. Не осмысляется она и во многих производных, а также заимствованных словах. Более того, в языке постоянно действует тенденция к забвению внутренней формы, о которой писал в свое время Н. **Крушевский**: «Чем дальше слово употребляется, тем менее нужно ему сохранять следы своего происхождения и морфологического состава. Насколько это лишне для значения слова, видно из того, что происхождение слова ускользает от внимания даже и там, где оно совершенно ясно»¹.

Фонетические и морфологические изменения, способствующие «упрощению» внешнего вида слова, приводят к забвению словопроизводственных связей между словами, например, *будить*

¹ **Крушевский** Н В Очерк науки о языке С 129—130

и *бодрый*, *везти* и *весло*, *новый* и *ныне*, *струя* и *остров*, *зори* и *зрение*, *мука* и *мягкий*, *скудный* и *щадить* и целый ряд других, приведенных в работе Н. Крушевского (с. 99—100) в качестве слов, утративших смысловую связь, заложенную в их этимологии.

§ 6. Более значимым для функционирования, но далеко не обязательным для всех слов представляется **коннотативный** компонент значения, который состоит из ряда характеристик эмоционального, оценочного и собственно стилистического характера. Все эти характеристики не входят в основную денотативно-понятийную часть значения, содержат в себе дополнительную информацию субъективного (в определенном смысле) характера. Эта дополнительная, социально значимая информация может быть двух типов. Во-первых, в ней может быть выражено оценочное отношение к денотату, обозначенному словом. Те или иные явления в сознании носителей языка, общественном сознании могут оцениваться как знаком «плюс», так и знаком «минус». В коннотативном компоненте слов может присутствовать такая оценка (чаще отрицательная), имеющая преимущественно эмоциональный характер. В словарях слова с оценочной коннотацией даются со специальными пометами *шутливое*, *презрительное*, *неодобрительное*, *ироническое* и т. п., например: *благочестивый* (шутл.) — **муж**; *бабуся* (ласк.) — **бабушка**; *балбес* (бран.) — бестолковый подросток; *войка* (шутл. и ирон.) — многоопытный и любящий свое дело боец.

Во-вторых, дополнительная информация может быть связана с социальной оценкой самого слова как устаревшего, стилистически ограниченного, диалектного или специального. Такого рода дополнительная информация дается в словарях также в виде помет, уточняющих толкование. В МАСе используется целая система таких помет: «областное» (обл.) при словах *байка*, *зеленя*, *беляжник*; «просторечное» (прост.) при словах *балаганщина*, *блажить*, *баять*, ***башка***, *барчук*. Пометы указывают на то, что носители языка осмысливают эти слова в качестве средств, лежащих за пределами основного, литературного варианта русского национального языка. Самой распространенной является помета «разговорное» (разг.), которой снабжены в словарях такие слова, как *бабахнуть*, *баклушничать*, *балаболка*, *балагурить*, *баловень*, *болельщик* и др., и которая указывает на то, что данные слова социально оцениваются как ограниченные в употреблении, допустимые только в рамках разговорной речи. Помета «книжное» (книжн.) указывает на ограничение употребления слов рамками научного и публицистического стилей (ср. слова: *авторитетный*, *адепт*, *адекватный*, *алогизм* и др.).

Специальные термины осмысливаются носителями русского языка не только по значению, но и по тому, что они ограничены в своем употреблении рамками речевой деятельности людей определенных профессий. На это указывают соответствующие словар-

ные пометы, например: *абсорбция* (хим., физ); *абсцесс* (мед.); *аврал (морск.)*; *агломерат (геологич.)*; *ададжио* (муз.); *агреман* (дипломат.) и т. п.

Слова, относящиеся к устаревшим, ограниченным в употреблении средствам языка, даются в словарях с соответствующей пометой «устаревшее» (устар.), представляющей собой также социальную оценку, ср. слова *авантажный*, *аглицкий*, *агрикультура* и другие в словарях современного русского языка.

Кроме того, с отдельными словами в сознании носителей языка могут быть связаны разного рода психологические ассоциации, от социально значимых, общих для всех, до индивидуальных. Примером первых могут быть те ассоциации, которые связаны у русских людей со словом *береза* как символом России, не раз воспетым поэтами.

Индивидуальные ассоциации проявляются в том, что люди могут не любить какие-то слова, например *госуниверситет*, *вкуснятина*, *волнительный*, которые воспринимаются как лично «неприятные», ср.: *Этот Ступин меня раздражал. Я вообще не выношу, когда кто-нибудь зовет меня «голубчиком». Это все равно, что называть помидоры томатами, а начальника «шефом». Меня от этих слов трясет* (М. Розовский).

Завершая рассмотрение сложнейшего вопроса о лексическом значении слова, еще раз подчеркнем главное.

1. Лексическое значение слова определяется его соотносительностью в качестве номинативного знака с явлениями реальной действительности, обобщенными в человеческом сознании с помощью представлений и понятий.

2. Помимо понятийного (денотативно-сигнификативного) содержания лексические значения многих слов включают в себя коннотативные компоненты, отражающие различные виды социально-психологических отношений носителей языка к тому, что названо словом.

3. Слово может иметь дополнительные характеристики, отражающие функционально-стилистическую специализацию слова. Эти характеристики не входят в содержание значения слова, а как бы накладываются на слово в целом в качестве дополнительной социально значимой информации о сфере употребления слова, об особенностях его употребления.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 1 Новиков Л А Семантика русского языка М , 1982
- 2 Панов М В О слове как единице языка//Введение в языкознание Хрестоматия Минск, 1984 С 132—143
- 3 Смирницкий А. И К вопросу о слове (проблема «тождества» слова), К вопросу о слове (проблема отдельности слова)//История советского языкознания Хрестоматия М, 1981 С 202—215
4. Стернин И А Проблемы анализа структуры значения слова Воронеж, 1979
- 5 Шмелев Д Н Современный русский язык: Лексика. М., 1977

Раздел I

СИСТЕМНО-СЕМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА

Глава III. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Слово ономата как **элемент** межсловных парадигматических отношений § 2. Типология сем — компонентов лексических значений § 3. Методика компонентного анализа лексических значений § 4. Отношения манифестации в слове § 5. Общая типология словесных оппозиций § 6. Методика анализа словесных оппозиций

§ 1. В основе парадигматических отношений языковых единиц, как известно, лежит сходство единиц, относящихся к одному уровню языковой системы и в этом смысле однотипных. В нашем случае речь пойдет о сходстве лексических единиц, основанном на том, что эти единицы могут быть подобны **друг** другу по тем или иным компонентам своей структуры. Под структурой слова мы понимаем состав и организацию тех компонентов, из которых **состоит слово**.

Парадигматическими отношениями связаны между собой слова как самостоятельные единицы лексической системы в их основной, номинативной функции. Совокупность таких отношений представляет собой межсловную парадигматику. Прежде чем обратиться к рассмотрению этих отношений, необходимо уточнить статус самих лексических единиц как элементов данного типа отношений.

Как уже отмечалось, слова имеют два статуса: статус слов-названий, или **слов-ономатем**, и статус синтаксических слов, функционирующих в предложениях, или слов-синтагм. Значения слова-ономатемы определяются главным образом внелингвистическими факторами, его соотносительностью с миром вещей и понятий. В целом слово-ономатему можно определить следующим образом. Слово-ономатема — это знак, имеющий самостоятельное содержание, которое может быть осмыслено вне контекста, независимо от функционирования в соста-

ве предложений. Это обобщенная виртуальная единица лексической системы, главной функцией которой является номинация. Именно в своем ономатемном статусе слова связываются между собой парадигматическими отношениями.

План выражения слова-ономатемы представлен основой слова, остающейся неизменной при грамматическом варьировании слова в составе предложения. Что касается плана содержания, то здесь вопрос решается по-разному в зависимости от однозначности и многозначности слова. В отличие от слова-синтагмы, функционирующего в речи, которое характеризуется актуальным смыслом и однозначностью, значение слова-ономатемы не имеет четких границ, характеризуется некоторой **«усредненностью»**, охватывает как бы общие, совпадающие части всех его значений, и прежде **‘всего’** основных, наиболее частотных и нейтральных.

Содержание такого значения нетрудно осмыслить, если речь идет о слове, имеющем только одно значение. Для этого следует лишь отвлечься от личных представлений о денотате и от специфических «смыслов», актуализирующихся в речевых словоупотреблениях. Например, отвлекаясь от личных впечатлений о театральном, морских или полевых биноклях, мы можем представить себе содержание слова *бинокль* примерно в том виде, как оно описывается в словаре: 'ручной оптический прибор, состоящий из двух параллельных зрительных труб, для рассматривания удаленных предметов' (МАС, /, 90). Сложнее обстоит дело с многозначными словами. Их значения могут быть настолько разнообразными и порой удаленными друг от друга, что не поддаются сведению к одному понятию. Ср. такие значения глагола *брать*, как 'добывать' — *Если на Черной речке брать глину, то кирпичом хоть завались* (В. Липатов) и 'принять направление движения' — *Нам лучше сейчас, наоборот, взять круто на север* (С. Сартаков).

За содержание многозначного слова-ономатемы теоретически может быть принято так называемое «общее значение», обобщающее всю совокупность частных значений, категория которого хотя и используется в лингвистике, но до сих пор не получила ни общего признания, ни однозначного и убедительного определения. Когда же мы обращаемся к конкретным языковым материалам с целью определения содержания «общего значения», мы сталкиваемся с крайней неопределенностью этого значения. Это дает основание для скептического отношения к возможности выявления «общего значения», а следовательно, к признанию реальности такого значения. Вспомним замечание А. А. Потебни: **«...“общее значение слов”, как формальное, так и вещественное, есть только создание личной мысли и действительно существовать в языке не может»**¹.

¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958 Т. 1. С. 43

Большинство советских лексикологов отрицательно относятся к категории «общего значения». Сторонники «общего значения», трактующие его как «неподвижную понятийную соотнесенность» или как «единое смысловое целое», по существу, не дают конкретного решения вопроса о содержании такого инвариантного значения, ибо оно в принципе невозможно. «Семантическое единство слова заключается, таким образом, не в наличии у него некоего «общего значения», как бы подчиняющего себе все более частные, выделяемые обычно в толковых одноязычных словарях **зн а ч е н и я**, а в определенной связи этих отдельных самостоятельных значений друг с другом и их закреплённости за одним и тем же знаком» [8, 83]. В этих условиях практически за системное значение слова-ономатемы принимается основное (прямое) номинативное значение. Частота реализации этого значения, независимость от контекста, максимальная соотнесенность с внеязыковой действительностью — все это свидетельствует об особом положении этого значения и дает основания для признания его в качестве «эталона», олицетворяющего содержание слова-ономатемы. Признание основного значения в качестве семантического эталона слова-ономатемы оправдано еще и потому, что это значение представляет собой первичную функцию слова, а именно первичные функции языковых единиц и составляют основу лексической системы. «Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но **соединяются... в различные группы**, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность **по** основному значению», — указывал один из основоположников системного изучения лексики М. М. Покровский¹. Аналогичным образом устанавливается образец-эталон и для формы слова — лексемы. За такой эталон принимается словоформа, которая является наиболее независимой или частотной, например форма именительного падежа для имен существительных или неопределенная форма для глаголов.

Условное признание основного значения слова в качестве содержательного инварианта слова-ономатемы не означает, однако, того, что только оно является системной единицей. Семантические варианты слова, существующие в виде вторичных, неосновных его значений, также входят в систему языка, образуя в ней особую, более поверхностную сферу.

§ 2. Обе стороны слова-ономатемы имеют комбинаторный характер: лексема состоит из морфем, семема — из семантических

¹ Покровский М. М. Семасиологические исследования в области древних языков // Избр. работы по языкознанию М., 1959. С. 82.

компонентов. Комбинаторность языковых единиц составляет фундаментальную основу всякой парадигматики. Вспомним замечание А. М. Пешковского: «Грамматика начинается только там, где не только звуки, но и значение слова признается нецельным, **разложенным, расщепленным** на отдельные элементы...» [6, 76]. На это же указывал в свое время Н. Крушевский, утверждавший, что «слово... с внешней стороны состоит из частей. Со стороны внутренней оно также делимо»¹.

Сущность парадигматических отношений составляет **сходство** единиц по одним компонентам и **противопоставленность** — по другим. Формальные компоненты слова были признаны важнейшими особенностями слов, начиная с первых грамматик. В настоящее время формальная (морфемная) структура слов изучается в таких разделах языкознания, как морфология и словообразование.

В лексикологии нас прежде всего интересует структура лексического значения. Комбинаторность лексического значения слов была осознана позднее, но в настоящее время получила широкое признание в лексикологии, в связи с чем метод семантического анализа слов, основанный на выделении компонентов их значений (компонентный анализ), считается одним из наиболее общепризнанных способов лексикологических исследований. Правда, в обозначении компонентов значений слов наблюдается еще терминологическая неустойчивость: их называют «семантическими признаками», «семантическими множителями», «элементарными значимостями», «семами». За последнее время термин «сема» получил явное преимущество перед другими, вероятно, в силу своей краткости.

Парадигматические связи слов основываются на том, что в значениях разных слов присутствуют одни и те же компоненты. Наличие общих сем, их повторяемость в семемах разных слов и делает соответствующие слова парадигматически соотнесенными по смыслу.

Выше, характеризуя структуру лексического значения в общем виде, мы уже установили, что в нем выделяется несколько аспектов (макрокомпонентов): понятийный, эмпирический, коннотативный. Поскольку первый из них является основополагающим, рассмотрим семную структуру слова прежде всего в рамках этого аспекта. Напомним, что семы, из которых складывается содержание лексических значений слов, соотносятся с признаками соответствующих понятий. Признаки понятий, в свою очередь, отражают признаки явлений реальной действительности, поэтому семы в своей основе имеют внелингвистическую природу.

Поскольку семы могут классифицироваться с разных точек зрения, по разным основаниям, сама их типология может быть более или менее широкой, в зависимости от количества таких оснований. Наиболее детальная типология сем предложена в работах Л. М. Васильева [2, 21—26] и И. А. Стернина, который, в час-

¹ Крушевский Н. В. Очерк науки о языке С 86

тности, разграничивает семы: узуальные и окказиональные, системные и личностные, дизъюнктивные и инвариантные (по отношению к системе языка); интегральные и дифференциальные (по различительной силе), яркие и слабые (по степени яркости); эксплицитные и скрытые (по характеру **выявленности**); постоянные и вероятностные (по характеру конкретного содержания); актуализированные и неактуализированные (по отношению к акту речи) [7, 56—70].

Если же рассматривать семы как компоненты семной структуры потенциального, системного значения слова-ономатемы, то главным аспектом их характеристики является их роль в этой структуре.

Семная структура любого слова построена по иерархическому принципу, ее компоненты — семы — неравноправны. В ней выделяются какие-то самые общие семы, которым подчинены все другие, менее общие. Самые общие семы — это семы грамматического характера (граммемы), например: сема 'действие' в глаголах, сема 'признак' в прилагательных, сема 'предмет' в существительных. Эти категориально-грамматические семы уточняются с помощью сем лексико-грамматического характера, которые присутствуют в лексических значениях слов одной части речи, но не являются одинаковыми для всех этих слов. Например, в значении прилагательного *высокий* грамматическая сема 'признак' конкретизируется лексико-грамматической семой 'качественность', а в прилагательном *деревянный* — соответственной семой 'относительность'.

Еще более конкретными и менее общими являются семы собственно лексические, среди которых также можно выделить главные (доминирующие, более общие) и зависимые (подчиненные, менее общие). Первые можно назвать категориально-лексическими семами. Примером такой семы может быть сема 'жидкость', присутствующая в значениях таких слов, как *молоко*, *квас*, *микстура*, *вода* и под., уточняющая в них лексико-грамматическую сему 'вещество' и сама уточняющаяся с помощью еще более конкретных лексических сем дифференциального характера. Такую же роль играет сема 'перемещение' в значениях глаголов типа *ходить*, *летать*, *носить*, *гнать* и под. или сема 'вкус' в прилагательных типа *горький*, *сладкий*, *кислый* и под. Категориально-лексические семы, «архисемы» (по терминологии В. Г. Гака), являются важнейшими как в структуре лексических значений отдельных слов, так и в организации лексической системы в целом. В основе общей лексико-семантической классификации слов лежат именно такие, наиболее общие, категориально-лексические семы.

Категориально-лексическим семам подчинены остальные, менее общие семы, которые уточняют, конкретизируют их, что и придает семной структуре слова иерархический характер. Такие

семы принято называть дифференциальными, **ибо** именно они создают индивидуальность слов, **дифференцируют** их, хотя и не являются уникальными, а могут **повторяться** в ряде слов — в разных комбинациях. Кроме категориальных и дифференциальных сем в значениях отдельных слов могут присутствовать уникальные, «несопоставимые остатки», «интегральные семантические признаки» (Д. Н. Шмелев), а также признаки, имеющие характер «потенциальных сем» (В. Г. Гак).

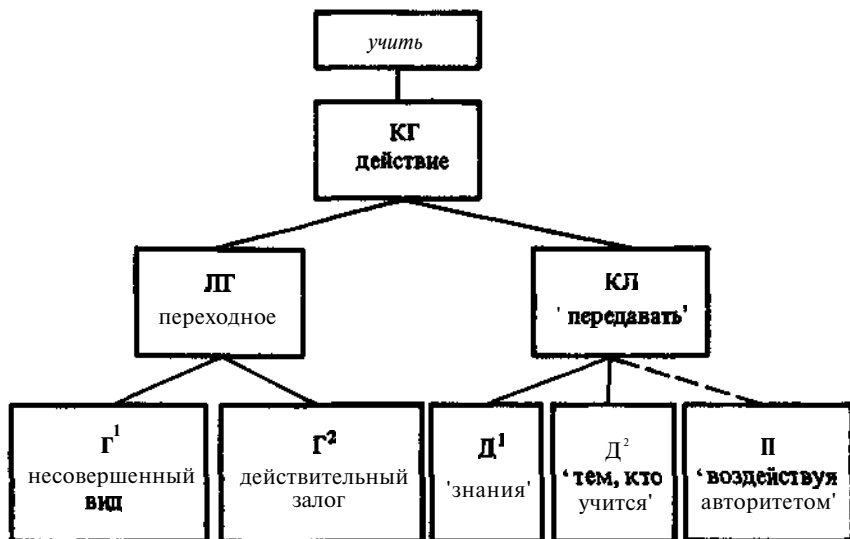
В целом же содержание лексических значений слов, состав их компонентов характеризуется подвижностью. Отвлекаясь от этой подвижности, мы можем представить значение слова в виде комбинации сем. Например, семная структура слова *мед* может быть представлена в виде иерархии сем, связанных отношениями зависимости менее общих от более общих: 1) предмет (грамматическая сема), 2) вещество (лексико-грамматическая сема), 3) имеющее вид жидкости (категориально-лексическая сема), 4) густой, 5) сладкой, 6) вырабатываемой, 7) пчелами, 8) из нектара цветов, 9) растений, 10) являющихся медоносными

Зная то, что содержание лексического значения слова лишено полной определенности, мы должны иметь в виду, что набор сем может быть определен по-разному, в частности, и потому, что в лексическом значении слова могут быть так называемые «потенциальные» семы, которые не осмысляются в качестве существенных при изолированном рассмотрении слова, но которые могут актуализироваться во вторичных значениях слова или в **его** отдельных употреблении. Так, сема 'приятность' является в содержании основного значения слова *мед* только потенциальной, малосущественной, но во вторичных, переносных значениях она может актуализироваться, например в выражении *не мед*, которое употребляется в роли сказуемого в качестве характеристики чего-либо неприятного, ср.: *С дедом за векшами по лесу ходить — тоже не мед* (И. Арамилев).

Таким образом, структура основной, понятийной части лексических значений слов представляет собой единство грамматических, лексико-грамматических, категориально-лексических, дифференциальных и потенциальных сем, связанных отношениями уточнения. Кроме того, как уже указывалось выше, в содержании лексического значения слов присутствуют семантические компоненты эмоционально-оценочного и стилистического характера, создающие коннотативную часть этих значений.

Если обозначить различные семы соответствующими индексами: КГ — категориально-грамматическая, ЛГ — лексико-грамматическая, КЛ — категориально-лексическая, Г — частно-грамматическая, Д — дифференциально-конкретизирующая, П — потенциальная, то схематически содержание лексического значения

(в его понятийной части) или семную **структуру**, например, глагола *учить* можно представить следующим образом:

Иерархичность семной структуры слов — это одно из частных проявлений общего принципа структуры языка

§ 3. Методика компонентного анализа лексических значений является основным и важнейшим видом лексикологического анализа и предполагает выявление в значениях слов сем, из которых складывается их содержание. Выявление этих компонентов может быть осуществлено с помощью интуиции, подкрепляемой семантическими сопоставлениями слова с другими, близкими по значению словами, в ходе которых осмысляются семы, дифференцирующие их значения. Так, сема 'денежная компенсация' может быть выявлена в глаголах *заработать* или *купить* при их сопоставлении с глаголами *получить*, *приобрести*, сема 'периодичность' в слове *журнал* — при его сопоставлении со словом *книга* и т. п.

Однако исчерпывающее выявление компонентов значения слов таким путем требует много времени и таит в себе опасность ошибок, обусловленных тем, что интуиция каждого отдельного исследователя в достаточной мере субъективна. В этих условиях естественно обращение к одноязычным толковым словарям, в основе которых лежит интуиция лексикографов-профессионалов. Роль словарных материалов, составляющих эмпирическую базу современной семасиологии, общепризнана. По сути дела, «определения толковых словарей уже выполнили большую часть работы

по разложению содержания на компоненты» [1, 34]. Хотя в словарях решаются преимущественно практические вопросы описания отдельных слов, многие особенности лексической системы отражены в них с достаточной полнотой. В частности, в одноязычных словарях при толковании значений с необходимостью объективируются системные связи лексических единиц, поскольку определение значений одних слов осуществляется в них с помощью других слов того же языка, семантически связанных с первыми.

Наибольшую ценность для проведения компонентного анализа имеют развернутые, аналитические определения, которые представляют собой образцы более или менее адекватного «разложения» значения одних слов на значения других. Обычно такие определения состоят из двух частей — идентификатора и словарных конкретизаторов, например: *ливень* — '**дождь**' (идентификатор) и '**сильный**' (словарный конкретизатор); *купить* — '**приобрести**' (идентификатор) 'за деньги' (словарный конкретизатор). Идентификатор содержит в себе указание на наиболее общие, родовые признаки того понятия, которое выражено в определяемом слове. Идентификатор как бы полностью «укладывается» в значение определяемого слова, но не исчерпывает его: наряду с наиболее общими признаками, которые выражены с помощью идентификатора, в содержании определяемого слова всегда имеются конкретные признаки дифференциального характера, которые выражаются словарными конкретизаторами.

Сказанное не исключает критического отношения к данным словарей, в частности к содержанию словарных определений. Определения создавались эмпирическим путем и не всегда выдерживают теоретическую проверку. Но любой безупречный с точки зрения лексикологической концепции словарь не может быть создан без опоры на исходные данные ранее созданных словарей.

Лексикографическое описание следует рассматривать как первичные материалы, нуждающиеся в анализе. Семантические компоненты значений обладают обобщенным характером, и слова, которые могут быть приняты за «семантические множители», манифестирующие такие компоненты, должны быть в достаточной мере обобщенными по своему содержанию. Между тем в словарных определениях могут быть использованы любые слова, любой степени обобщенности, и значения их также состоят из компонентов, нуждающихся в выявлении. В частности, идентификаторы можно разложить на компоненты с помощью словарного определителя, ср.: *ливень* — '**сильный дождь**', *дождь* — '**атмосферные осадки**, выпадающие из облаков в виде капель воды'; *осадки* — '**атмосферная влага**, выпадающая на землю'; *влага* — '**вода**'; *вода* — '**жидкость**'.

К словам, представленным в определениях, может быть применена процедура ступенчатой идентификации, которая состоит в последовательном **сведении** слов через идентификаторы к словам с предельно обобщенным характером. Ступенчатую идентифи-

кацию можно рассматривать как способ выявления наиболее обобщенных вербальных манифестаторов семантических компонентов значений. Проиллюстрируем выявление категориально-лексических сем в глаголах одной лексико-семантической группы:

Скупить — закупить многое, все,
закупить — купить в большом количестве,
купить — приобрести за деньги,
приобрести — получить в собственность,
получить — **взять**, что дают,
взять — получить в свое распоряжение.
Выловить — извлечь из жидкой среды,
извлечь — достать изнутри,
достать — **взять** откуда-либо,
взять — **получить**,
получить — **взят** ь

Процедура ступенчатой идентификации продолжается до тех пор, пока в сопоставляемых толкованиях не возникает ситуация «взаимной идентификации»; в наших примерах это взаимная идентификация глаголов *взять* и *получить*. Такая ситуация сигнализирует о том, что дальнейшее разложение значений с помощью слов того же языка невозможно. Конечные идентификаторы можно принять за лексико-семантические единицы, которые как бы олицетворяют семантические компоненты, представленные в значениях всех глаголов и объединяющие их. Так, для всех приведенных выше глаголов конечный идентификатор *взять* является манифестатором категориально-лексической семы 'приобщение объекта', на основе которой они включаются в соответствующую лексико-семантическую группу глаголов.

Проиллюстрируем ход компонентного анализа на примере слов *голова* и *слоняться*.

Основное значение слова *голова* толкуется в словаре следующим образом: 'верхняя **часть** тела человека, верхняя или передняя **часть** тела животного, содержащая мозг' (МАС, У, 325). Идентификатором является слово *часть*. Поскольку значения слов, входящих в определения, состоят из компонентов, в свою очередь отраженных в их толкованиях, необходимо выявить эти компоненты и обобщить. Слово-идентификатор **часть** обладает достаточно общим значением, которое не поддается дальнейшему членению с помощью других слов. Оно связано отношениями взаимной идентификации со словом *доля*, ср.: *часть* — '**доля** целого', *доля* — '**часть** чего-либо'. Дважды представлено в толковании слово *тело*. Его значение — 'организм человека или животного в его внешних физических формах'. Слово *организм* в свою очередь толкуется словосочетанием 'живое существо'. Это же словосочетание составляет основу толкований слов *животное* — 'всякое живое **существо**, кроме растений' и *человек* — '**живое существо**, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими', которые представлены в исходном определении слова *голова*. Таким образом, в трех словах — *тело*, *человек* и *животное* — содержит-

ся один и тот же семантический множитель 'существо', связанный отношениями взаимной идентификации со словом *организм*.

Слово *живой* толкуется как 'который живет', а глагол *жить* — как 'быть живым', так что дальнейшее разложение невозможно. Слово *форма* — 'наружный вид' связано отношениями взаимной идентификации со словом *вид* — 'внешность, наружность'; слова *внешний* и *наружный* также связаны отношениями взаимной идентификации. Толкование слова *физический* — 'относящийся к организму человека' вновь приводит нас к словам *организм* и *человек*, которые мы уже выше выявили в качестве важнейших семантических компонентов значения слова *голова*.

Значения слов *верхняя* и *передняя* сводятся к признакам 'сверху' и 'вперед', так как они толкуются соответственно — 'находящийся сверху' и 'находящийся впереди'.

Приняв выявленные конечные идентификаторы слов, входящих в толкование слова *голова*, в качестве манифестаторов семантических компонентов, попробуем упорядочить полученные данные, подкрепив их сопоставлением со словами противоположного значения. В итоге состав компонентов слова *голова* будет выглядеть так:

- 1) 'верхняя' или 'передняя' (в отличие от 'нижней' и 'задней');
- 2) 'часть' (в отличие от 'целого');
- 3) 'внешней' (в отличие от 'внутренней');
- 4) 'формы' (в отличие от 'содержания');
- 5) 'живого' (в отличие от 'неживого');
- 6) 'существа' (в отличие от 'предмета').

Признак 'содержащая мозг' можно отнести к потенциальным, ибо в наружную характеристику человека это не входит. На том же основании мы можем не учитывать некоторых признаков, указанных в толковании слова *человек* ('обладающий мышлением и речью'), так как они относятся не к внешнему виду человека, а к тем существенным характеристикам, которые выявляются только в процессе обобщающего научного познания человека как существа общественного, а не биологического. Никаких дополнительных компонентов (см. гл. II, § 5), лежащих за пределами понятийного содержания значения, в слове *голова* нет, оно относится к общеупотребительному фонду нейтральной лексики.

Значение глагола *слоняться* истолковано в словаре следующим образом: '**х о д и т ь**, бродить взад и вперед, обычно без цели, без дела' (МАС, 4, 143). Ступенчатая идентификация слова *ходить* приводит нас к конечному идентификатору **п е р е м е щ а т ь с я**, ср.:

ходить — **д в и г а т ь с я**, ступая ногами (о человеке, животном),
двигаться — **п е р е м е щ а т ь с я**,
перемещаться — **п е р е д в и г а т ь с я**,
передвигаться — **п е р е м е щ а т ь с я**

Дальнейшее расчленение на компоненты с помощью словаря невозможно, так как глаголы *перемещаться* и *передвигаться* связаны отношениями взаимной идентификации.

В определении глагола *ходить* имеются словарные конкретизаторы 'ступая ногами (о человеке, животном)'. Попробуем уточнить семантическую структуру этих слов путем дальнейшей идентификации.

Глагол *ступать* сводится к тому же идентификатору **перемещаться** через ступени: *шагать* — *двигаться* — *перемещаться*. Слово *нога* определяется: 'нижняя конечность человека, конечности животного'. Основное в этом определении слово *конечность* в свою очередь толкуется: '**руки, ноги** человека, **органы** движения у животных'. Таким образом, слова *ноги* и *конечности* находятся в отношениях взаимной определяемости, а оборот *органы движения* служит более общим обозначением тех же предметов в специальной терминологии. Конечным элементом идентификации слова *нога* можно считать нижняя **конечность**.

Слова *человек* и *животное* сводятся к сочетанию *живое существо*, не допускающее (как мы уже видели выше) дальнейшего разложения на базе словарных определений. Но здесь мы не нуждаемся в таком сведении, ибо дальнейший анализ слов *цель* и *дело* ('без цели, без дела') исключает сему 'животное' из содержания слова *слоняться*. Обратимся к такому анализу.

Слово *цель* толкуется: 'заранее намеченная задача':

задача — то, что требует **выполнения**,
выполнять — **совершать, делать**,
делать — **совершать**, выполнять какую-либо деятельность.

Идентификация глагола *выполнять* закончилась установлением факта взаимной идентификации его с глаголами *делать, совершать*.

Анализируем слово *деятельность*, входящее в толкование глагола *делать* в качестве словарного конкретизатора:

деятельность — **занятие, работа**,
занятие — **дело, труд, работа**,
дело — **труд, работа, занятие**,
работа — **деятельность**, труд,
труд — целенаправленная деятельность человека

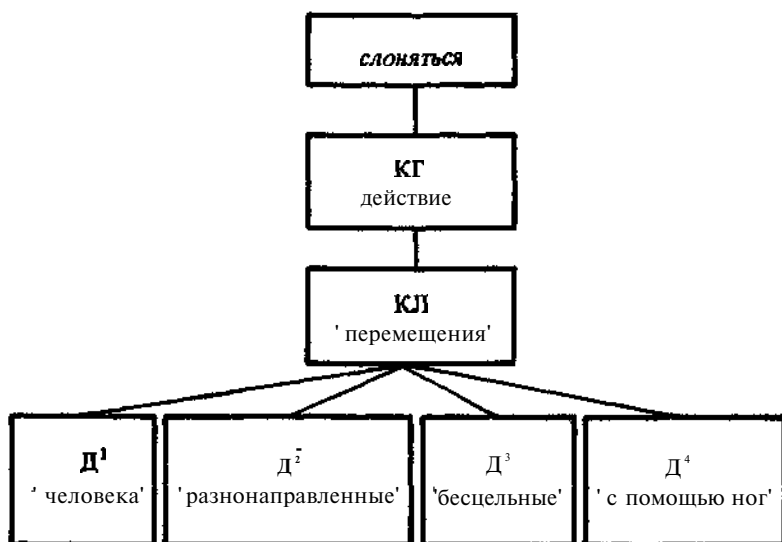
Таким образом, компонентами слова *деятельность* являются семы 'целенаправленный', 'труд', 'человека'. Именно с этими семами несовместима сема 'животное'.

Словарный конкретизатор *взад и вперед*, содержащийся в толковании глагола *слоняться*, толкуется в словаре с помощью фразеологического оборота *из одной стороны в другую*. Анализируем слово *сторона*:

сторона — направление влево и вправо,
направление — **сторона**, в которую устремлено действие,
устремляться — двинуться в каком-либо направлении

В результате у нас есть основания для выделения в содержании конкретизатора *взад и вперед* признака 'разнонаправленное движение'.

В итоге круг компонентов лексического значения глагола *слоняться* может быть определен следующим образом:

Глагол *слоняться* снабжен в МАСе пометой *разг.* Это свидетельствует о том, что данное слово обладает стилистической маркированностью, оно оценивается как средство, допустимое только в разговорной речи. И эта оценка является компонентом коннотативной части его значения. Кроме того, в содержании этой части представлен компонент оценки не слова, а самого явления, обозначенного им, в данном случае — отрицательной. Таким образом, помимо компонентов понятийного характера в значении глагола *слоняться* содержатся два компонента коннотативного характера.

Процедура компонентного анализа значений слов *голова* и *слоняться* была проведена на примере основных словарных значений этих слов. Анализируемые слова были рассмотрены в статусе **слов-ономатем** в их самостоятельных, независимых от контекста значениях. Такой анализ является необходимым этапом, предваряющим анализ системных связей слов в парадигматическом плане, которые проявляются в словесных оппозициях (см. гл. III, § 6)

§ 4. Комплекс морфем, из которых состоит внешняя оболочка слова — **лексема**, образует морфемную структуру слова. Комплекс сем, представленных в значении слова, также является структурой, которую принято называть семной структурой значения (семемы). Лексема и семема связаны между собой отношениями **манифестации**. Лексема манифестирует (выражает) семему. Семема манифестируется (выражается) лексемой. Эта

связь составляет сущность слова как **важнейшей** знаковой единицы языка.

Лексема манифестирует семему в целом, но между морфемной и семной структурами слова нет полного соответствия (изоморфизма): семная структура, как правило, богаче и сложнее морфемной структуры. Возьмем простой пример:

Лексема слова *комната* состоит из двух компонентов: корня-основы и окончания. В семной структуре выделяются компоненты двух типов: а) грамматические семы (граммемы) части речи, рода, числа, падежа и б) собственно лексические семы ('помещение', 'в здании', 'отдельное'). Корневая морфема и окончание являются синтетическими манифестаторами соответствующих комплексов лексических и грамматических сем. О полном изоморфизме морфемной и семной структур не может быть речи уже в силу количественного несовпадения их компонентов. Тем более что морфемная структура линейна, а семная организована иерархически.

Грамматические семы находят обязательное и регулярное выражение в морфемах; слова прежде всего были изучены именно с этой стороны. В традиционной морфологии слово рассматривается с формальной точки зрения: в нем выделяются грамматические морфемы, функционально связанные с теми или иными грамматическими значениями (категориями). То, что остается в лексеме за вычетом грамматических морфем,— это основа, которую принято считать носителем лексического значения, так как она остается неизменной во всех грамматических формах слова.

При таком подходе грамматические семы как бы исключаются из лексического значения слова, с чем нельзя согласиться. Можно согласиться лишь с тем, что в морфологии, изучая слова в грамматическом аспекте, мы вправе отвлекаться (до определенного предела) от той части их лексических значений, которая состоит из собственно-лексических сем, уточняющих грамматические и создающих индивидуальную семантику слов. Так же и в лексикологии: слова как лексические единицы рассматриваются во всем семантическом своеобразии, в отвлечении, насколько это возможно, от грамматики. Еще А. М. Пешковский, рассматривая соотно-

шение «грамматического» и «лексического» в слове, утверждал, что «с известной точки зрения, тоже совершенно научной (так называемой «лексической», а не «грамматической»), мы вправе говорить о **едином** значении слова» [6, 78]. Это и не дает оснований полагать, что выразителем лексических значений являются только основы слов, ибо «грамматические значения не являются чем-то существующим отдельно от лексических значений, они входят в лексическое значение, составляют один из его компонентов»¹. Иначе мы должны были бы считать слова *бегу*, *бег*, *бега* одним словом, так как их основы одинаковы, между тем они имеют разные лексические значения.

Что касается собственно лексических сем, то они характеризуются **имплицитностью** (невывраженностью), так как не имеют специальных средств для своего выявления в лексеме. Часть сем можно соотнести с отдельными морфемами, но в целом лексема служит для нерасчлененной манифестации всего содержания значения слова. Свойство идиоматичности, неразложимости состава семантических компонентов на компоненты формы слова, является наиболее важным и фундаментальным свойством слов, что не исключает возможности различной степени идиоматичности в отдельных словах, ср.: с одной стороны, глагол *отзвучать*, семантические компоненты которого 'перестать', 'звучать' достаточно четко соотнесены с приставкой и корнем, и, с другой стороны, глагол *отказать*, компоненты значения которого 'ответить отрицательно на просьбу, не согласиться дать что-либо' не допускают интерпретации через морфемные компоненты.

Различие в степени идиоматичности слова, обратно пропорциональной степени изоморфизма его морфемной и семной структур, проявляется прежде всего в производных словах, основы которых не равны корню, а включают в себя словообразовательные морфемы, например: *до-школь-ник*, *про-длен-к/а*, *без-тен-ев/ая*, *соглас-и/ть-ся*.

Производных слов с максимальным изоморфизмом и, следовательно, с минимальной идиоматичностью или фразеологичностью (по терминологии О. П. Ермаковой) в русском языке сравнительно немного. И. Г. Милославский приводит в качестве примера такие слова, как *семигранник*, *указатель*, *подлинник*². Имеется в виду, что в таких словах все семы — хотя и не по отдельности, а комплексно — соотносятся с морфемами-манифестаторами.

В подавляющем большинстве случаев даже в четко членяемых словах отдельные семантические компоненты невозможно связать с той или иной морфемой. О. П. Ермакова предлагает называть такие «компоненты смысла, не получающие формального выражения», смысловыми приращениями [4, 6]. Для иллюстрации вос-

¹ Тимофеев К. А. О некоторых вопросах словообразования. Новосибирск, 1966. С. 16.

² См.: Милославский И. Г. Семантическая структура русских производных существительных со значением предмета // Филол. науки, 1975. № 6, С. 55—59.

пользуемся примером И. С. Улуханова >. Однокоренные существительные *певец* и *певун*, формально отличающиеся суффиксами, по значению близки, но не идентичны: *певец* — 'тот, для кого пение является профессией'; *певун* — 'тот, кто любит петь'. Сема 'склонность к действию' в качестве вероятностной присуща суффиксу *-ун*, поэтому *певун* можно рассматривать как слово с небольшой степенью идиоматичности. Сема 'профессиональность' в слове *певец* не «привязана» ни к корню, ни к суффиксу, она представляет собой смысловое приращение, свидетельствующее о достаточной идиоматичности данного слова. Ср. также: *житье* и *жилье*, *житель* и *жилец*, *дикость* и *дичь*, *дикарь*, *дичок*.

Таким образом, отношения манифестации, связывающие форму слова (лексему) и его значение (семему), осуществляются в условиях «непараллельности звуковых и значащих элементов слова» [6, 80].

§ 5. Поскольку в словах одинаковыми могут быть как компоненты значения, так и компоненты формы, а характер этих компонентов и степень их повторяемости различны, парадигматические связи слов являются весьма разнообразными, так же как и формы их проявления. Разграничим прежде всего формы проявления парадигматических связей, противопоставив их по признаку минимальности и максимальной составности элементов, связанных этими отношениями. Минимальными проявлениями этих отношений признаются словесные оппозиции, максимальными — классы слов.

Словесная оппозиция — это пара слов, сходных друг с другом по тем или иным компонентам и в то же время различающихся чем-либо. В рамках оппозиций компоненты слов могут быть квалифицированы как идентифицирующие, сходные или общие для обоих слов, и дифференцирующие, по которым слова различаются. Типология словесных оппозиций предполагает их характеристику с двух точек зрения.

Во-первых, слова могут быть сходными по форме, т. е. по наличию в лексемах общих морфем, и по значению, если в их значениях есть общие семантические компоненты, семы. Различают три основных типа словесных оппозиций: формальные, семантические и формально-семантические.

Формальные оппозиции включают в себя слова, имеющие общие морфемы, но семантически не сходные. Например, *снимать* и *понимать* имеют общую корневую морфему **-ним-**, но в их лексических значениях нет общих сем, ср.: *снимать* — 'брать что-либо, находящееся сверху', *понимать* — 'мысленно воспринимать'. Другой пример: **отметить** — *откочевать* имеют формально общую приставку, но в их значениях нет общих сем, ср.: *отметить* — 'сделать метку на чем-либо'; *откочевать* — 'кочуя, уйти откуда-либо'.

¹ См.: Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977. С. 96.

Семантические оппозиции представлены парами слов, у которых нет общих морфем (за исключением грамматических), но по значению слова сходны и содержат общие семы. Примерами таких оппозиций могут быть следующие: *сын* — 'лицо мужского пола по отношению к своим родителям' и *дочь* — 'лицо женского пола по отношению к своим родителям'. Общие, идентифицирующие семы — 'лицо по отношению к своим родителям', дифференцирующие — соответственно 'мужской' и 'женский пол'. *Берлога* — 'логово медведя' и *медведь* — 'крупное хищное животное'. Общие семы — те, что составляют содержание слова *медведь*, дифференцирующая сема — 'жилище' в слове *берлога*.

Формально-семантические оппозиции объединяют слова, имеющие сходные компоненты как в форме, так и в значении, например *березняк* — *березник*. С точки зрения формальной эти слова сходны по корневой морфеме, в семантическом плане они также очень близки, ср.: *березник* — 'роща или лес, состоящий из одних берез', *березняк* — 'молодой березовый лес'. В словах *плюшевый* — *шелковый* имеется общий суффикс, а в значениях слов — общий семантический компонент 'сделанный из...'.

Во-вторых, слова, входящие в оппозиции, могут быть охарактеризованы по реальному соотношению составляющих компонентов, формальных или семантических, т. е. могут быть сопоставлены либо по форме, либо по значению. Поэтому для каждой оппозиции возможны и необходимы две характеристики: соотношение лексем и соотношение семем. В зависимости от характера соотношения компонентов различаются три вида оппозиций: оппозиция тождества; привативная, или оппозиция включения; экvipолентная, или оппозиция пересечения.

1. Оппозиция тождества проявляется в связи слов, сходных в одном плане, притом сходство их является полным. Примером формальных оппозиций тождества могут быть омонимы: *заготовка*¹ ('дров') — *заготовка*² ('для сапог'), *лунь*¹ ('рыба') — *лунь*² ('канат'), *мешать*¹ ('препятствовать') — *мешать*² ('смешивать'). В семантическом плане данные омонимы абсолютно не-сходны, т. е. не имеют никаких общих компонентов. В качестве примеров семантических оппозиций тождества можно привести так называемые абсолютные синонимы, значения которых совпадают, ср.: *вынуть* — *извлечь*, *отец* — *родитель*, *лингвистика* — *языкознание* и др. Отношения между словами, связанными оппозицией тождества, могут быть изображены с помощью формулы АБ — АБ, которая отображает полное сходство формальных или семантических компонентов двух слов, например морфем *меш-* и *-а-* в лексемах глаголов *мешать*¹ и *мешать*² или сем 'наука' и 'язык' в семемах слов *лингвистика* и *языкознание*.

2. Привативные оппозиции также могут проявляться как в формальных, так и семантических связях слов. Оппозиции этого вида предполагают такое отношение компонентов двух слов,

когда одно из слов как бы повторяется в другом, «включается» в него, и в этом выражается сходство двух слов. При этом в том слове, которое включает в себя другое, помимо общей части есть еще специфическая, дифференцирующая. Поэтому значение данного слова оказывается более содержательным, маркированным компонентами дифференцирующей части. Формально такие отношения укладываются в формулу $AB - ABV$, в которой AB олицетворяет общие компоненты, а V — дифференциальные. Например, в словах *передвигаться* — *лететь* значение 'передвижение' полностью входит в значение глагола *лететь*, но не исчерпывает этого значения: в его содержании имеются еще компоненты 'по воздуху' и 'с помощью крыльев'.

Семантические привативные оппозиции чаще всего реализуются в соотношениях слов, связанных по смыслу родовыми отношениями, например *кушанье* — *каша*. Значение первого слова определяется так: 'продукты питания, приготовленные определенным образом для еды', значение второго слова — 'кушанье из крупы, сваренной с водой или молоком'. Таким образом, все содержание слова *кушанье* представлено в значении слова *каша*, но в последнем, кроме того, присутствуют специфические компоненты 'из крупы', 'сваренной с водой или **молоком**'.

Привативные оппозиции родового характера отражают такой вид системных отношений в лексике, которые получили название **гипонимических**. Слова, выражающие видовое понятие, принято называть гипонимами, а слова, выражающие родовые понятия, — гиперонимами. Так, глаголы *идти*, *лететь*, *плыть*, *ползти* являются гипонимами по отношению к гиперониму *перемещаться*. В рамках привативных оппозиций гипонимы выступают в качестве маркированных элементов, а гиперонимы представляют основу такой оппозиции, ср.: *перемещаться* (гипероним) — *лететь* (гипоним). Второй возможный тип гипонимических отношений в лексике — это оппозиции слов, называющих часть и целое, например: *ветка* — *дерево*, *карбюратор* — *двигатель*. Гипонимы здесь — названия частей, гиперонимы — названия целого

Парадигматические связи слов, представленные в семантических оппозициях привативного типа, играют в организации лексической системы языка большую роль, обуславливая иерархический характер ее внутренней структуры. Чисто формальные привативные оппозиции, напротив, для структуры лексической системы несущественны, так как в основе своей она является прежде всего семантической. Тем не менее такие оппозиции существуют, они представлены, в частности, в этимологических связях слов, в настоящее время лишенных семантической близости. Рассмотрим пример *стол* — *столица*. Формально основа второго слова включает в себя корень первого и отличается наличием суффикса, но семантически эти слова в современном русском языке не связаны. Их связь может быть восстановлена только с помощью этимологи-

ческого анализа. Аналогичный пример из глагольной лексики *пасти — спасти*.

Часто привативно связанными оказываются слова, у которых сходство проявляется как в форме, так и в значении. Такие слова образуют формально-семантическую оппозицию. Наиболее типичным случаем здесь оказываются оппозиции слов, связанные отношениями словообразовательной производности, например: *учить* — 'преподавать' и *учитель* — 'тот, кто преподает', *бросить* — 'кинуть' и *сбросить* — 'кинуть вниз', *свинец* и *свинцовый* — 'содержащий свинец'. Во всех случаях мы наблюдаем параллелизм в соотношениях формальных и семантических компонентов слов, входящих в такую оппозицию. Производное слово включает в себя производящее как формально, так и семантически и в то же время отличается семантическими компонентами, которые выражены словообразовательным формантом, представляющим дифференцирующую часть основы.

Особое положение занимают оппозиции стилистических синонимов, связывающих слова с той или иной стилистической окраской с нейтральными словами, имеющими то же самое понятийное содержание, например: *башка* — *голова*, *балагур* — *шутник*, *кавардак* — *беспорядок*, *тарабарщина* — *бессмыслица*, *колошматить* — *бить*, *кумекать* — *думать* и т. д. Если не принимать во внимание элементы в содержании слов, которые создают стилистическую маркированность, и иметь в виду только совпадение по понятийным значениям с соответствующими нейтральными словами, то такого рода оппозиции можно **интерпретировать** как оппозиции тождества. Но вполне допустима и другая трактовка. Стилистически окрашенный синоним связывается с нейтральным словом привативно, поскольку его содержание маркировано эмоционально-стилистическими оттенками. Правда, эти оттенки имеют общий, социально и психологически обусловленный смысл, что существенно отличает подобные оппозиции от привативных, состоящих из двух нейтральных слов, различающихся компонентами понятийного характера.

3. **Эквиполентные** оппозиции схематически могут быть выражены формулой АБВ — АБГ. Эти оппозиции связывают слова, в которых кроме общих имеются специфические компоненты, по которым они противопоставляются друг другу. Слова как бы «пересекаются» друг с другом, частично совпадая и частично различаясь. В приведенной выше формуле элементы АБ знаменуют общие части, а элементы В и Г — те компоненты, которыми слова различаются. Рассмотрим примеры

Слова могут образовывать чисто семантическую эквиполентную оппозицию, например *котлеты* — *каша*. В значениях этих слов есть общий, идентифицирующий компонент 'кушанье', но в каждом из них имеются и специфические, дифференцирующие их компоненты: в слове *котлеты* — 'из рубленого мяса или рыбы', в слове *каша* — 'из крупы, сваренной с водой или молоком'. Такие

же отношения связывают глаголы *лететь* и *плыть*. Общий компонент — это сема 'перемещение', дифференцирующие семы в глаголе *лететь* — 'по воздуху', 'с помощью крыльев', в глаголе *плыть* — 'по воде', 'с помощью определенных движений тела'.

Эквиполентные оппозиции могут быть чисто формальными. Таковыми, например, являются оппозиции однокоренных глаголов, имеющих разные приставки и семантически не связанных, ср.: *снять* — *понять*, *наградить* — *преградить*, *свесть* — *уест*.

Очень распространены в языке эквиполентные оппозиции формально-семантического типа. Такими оппозициями связаны слова, образованные по одной словообразовательной модели. Формально они сходны по словообразовательному форманту, а различаются производящими основами, ср.: *мечтатель* — *мучитель*, *набрать* — *намолотить*, *мучнистый* — *водянистый* и под. В значениях этих слов также можно выделить общие, идентифицирующие компоненты и компоненты дифференциального характера. В словах *мечтатель* и *мучитель* идентифицирующая сема 'склонный к ...', дифференцирующие — соответственно 'мечтаньям' и 'мучительству'. В глаголах *набрать* и *намолотить* общим компонентом является сема 'количество объекта', которая связана в них с приставкой *на-*. В прилагательных *мучнистый* и *водянистый* общий семантический компонент 'содержащий в избытке' также связан с суффиксом **-ист** — формантом словообразовательной модели, по которой образованы эти прилагательные.

Эквиполентные формально-семантические оппозиции могут быть представлены и однокоренными словами, сохраняющими семантическую близость, например: *мечтатель* и *мечтание*, *набрать* и *отобрать*, *мучнистый* и *мучной* и под. Формально связанные общим корнем, эти слова имеют в своих основах специфические аффиксы, различающие эти основы. В значениях также имеются общие компоненты, связанные с корнем, и специфические, ср.: *мучнистый* — 'содержащий в избытке муку' и *мучной* — 'приготовленный из муки', *набрать* — 'взять много' и *отобрать* — 'взять у кого-то силой', *мечтатель* — 'тот, кто любит мечтать' и *мечтание* — 'действие и состояние по глаголу **мечтать**'.

В рассмотренных примерах формально-семантических оппозиций мы встречаемся с известным изоморфизмом в структуре слов, входящих в оппозицию. Слова эти связаны эквиполентно как в формальном, так и семантическом плане: то, что их идентифицирует или дифференцирует по значению, соотносено с теми компонентами, в которых выражено их формальное сходство и различие. Но в словарном составе русского языка встречаются такие словесные оппозиции, в которых слова связаны формально одним способом, а семантически — **другим**. Поясним примером: глаголы *взять* и *снять* формально связаны эквиполентной оппозицией (общий корень, разные приставки). Но в семантическом плане они связаны привативной оппозицией, ср.: *снять* — 'взять что-либо, находящееся сверху'. Аналогично несовпадение формальных и се-

мантических отношений в глаголах *мешать* и *мешаться*, образующих формально-семантическую оппозицию. В формальном плане они связаны привативно, а в семантическом образуют оппозицию тождества.

Общий обзор словесных оппозиций раскрывает перед нами невероятное богатство и разнообразие парадигматических **связей**, которые существуют между словами даже в таких минимальных парадигмах, каковыми являются словесные оппозиции, **реализующиеся** в парах слов. Полного описания всех возможных их типов в русской синхронной лексикологии пока нет. Круг вопросов, связанных с изучением словесных оппозиций, представляет собой малоисследованную область русской лексикологии, открытую для научных поисков, ожидающую их.

Какое бы слово мы ни взяли, с ним в нашем сознании связан более или менее широкий круг слов, прямо или опосредованно связанных с ним. Связи эти могут быть формальными и семантическими, воплощаться в разного рода оппозициях. Количество словесных оппозиций для каждого слова почти безгранично, даже если брать связи непосредственные, в основе которых лежит общность тех или иных компонентов. Обратимся к глаголу **учить**, в семеме которого мы выделили компоненты: 1) передавать, 2) знания, 3) кому-то (обучающемуся), 4) используя свой авторитет. Формально-семантические оппозиции, в которые включается глагол, могут быть представлены такими, как *учить* — *учитель*, *учить* — *ученик*, *учить* — *обучить*, *учить* — *учение* и т. д. Сема 'знание' связывает этот глагол с такими словами, как *знание*, *предмет* (*физика, химия, математика* и т. д.), *наука, культура, просвещение, образование*; сема 'передача' — с такими словами, как *сообщать, информация, преподавание*; сема 'авторитет' — со словами *наставник, воспитатель, влияние* и т. д. А ведь существуют еще так называемые ассоциативные связи, выявляемые в психолингвистических экспериментах. Эти связи могут быть очень индивидуальными для разных носителей языка: для кого-то учение — труд, иногда тяжелый, для кого-то радостный; кто-то связывает учение с представлением о возможных наказаниях и наградах, кто-то — с возможностями самоутверждения и т. д.

Если учесть все опосредованные связи, то слово оказывается связанным с любым другим словом. По мнению Ю. Н. Караулова, «цепочка, связывающая два любых слова в словаре, не только всегда существует, но для произвольно выбранных слов она никогда в сумме не превышает шести шагов до общего элемента» [5, 77]. В настоящее время достаточно известными, исследованными являются только некоторые типы словесных оппозиций, к более подробному рассмотрению которых мы обратимся в следующей главе.

§ 6. Одной из задач в анализе парадигматических отношений слов является характеристика словесных оппозиций. Одно и то же

слово включено во множество оппозиционных **связей**, единство которых составляет в целом парадигматическую структуру лексической системы языка. Оппозиции слов основываются на их сходстве, а поскольку такое сходство может быть как формальным, так и семантическим, первым шагом в анализе словесных оппозиций должно быть определение того, к какому из трех типов — семантическому, формальному или формально-семантическому — относится данная оппозиция. Формальное сходство проявляется в наличии в составе основ слов одинаковых морфем. Семантическое сходство слов проявляется в том, что в значениях имеются общие семантические признаки. Естественно, что семантическому анализу оппозиций должен предшествовать компонентный анализ значений составляющих их слов. При этом следует иметь в виду, что в качестве элементов словесных оппозиций рассматриваются слова-ономатемы в основных обобщенных значениях.

Итак, на основе компонентного анализа значений слов и морфемного анализа состава основ мы можем определить, к какому из трех типов относится оппозиция, в которую включены данные слова. Проиллюстрируем характеристику оппозиций на примере парадигматических связей слова *голова*.

I. Оппозиция *голова* — *головня*. Эта словесная оппозиция с современной точки зрения может быть признана чисто формальной, так как при наличии в словах общей корневой морфемы *голов-* общих семантических компонентов в значениях нет, ср.: *голова* — 'верхняя часть тела человека или передняя часть тела животного' и *головня* — 'недогоревший, не обратившийся в уголь остаток дерева, полена'. Хотя этимологически слово *головня* безусловно связано со словом *голова*, но в настоящее время семантический признак 'похожий на голову', составляющий внутреннюю форму слова *головня*, в его значении не осмысливается в качестве необходимого и существенного компонента. Семантически не связанным со словом *голова* оказывается и другое значение слова *головня*, очевидно, производное от первого — 'болезнь растений (преимущественно злаковых), вызываемая грибами-паразитами, при которой зерно превращается в черную пыль или в твердый черный **нарост**'. С основным значением слова *головня* данное значение сходно по признаку 'черный', а со словом *голова* оно не имеет общих сем. Такова же, по-видимому, оппозиция слов ***голова*** — *заголовок* ('название литературного, научного, музыкального произведения или его части') — признак 'верх', этимологически связывающий второе слово с первым, в значении слова *заголовок* не осмысливается.

Обратимся к примерам чисто семантических оппозиций, в которые входит слово *голова*.

Голова — *человек*. Содержание слова *человек* является компонентом значения слова *голова* — 'верхняя часть тела человека'.

Голова — грудь. В лексических значениях этих слов — 'верхняя часть тела человека' и 'передняя часть тела человека от шеи до живота, вмещающая легкие' — имеется общий компонент: 'часть тела человека'.

Голова — затылок. Семантика слова *голова* входит в качестве компонента в значение слова *затылок* — 'задняя часть головы'. Аналогична оппозиция *голова — кивать*. Содержание существительного составляет дифференцирующую часть значения глагола 'делать легкие, наклонные движения головой в знак приветствия, согласия, одобрения'.

Особые проявления семантических оппозиций представлены в парах слов, включающих стилистические синонимы, не имеющие морфемного сходства с нейтральными словами. Для слова *голова* это оппозиции типа *голова — башка*, *голова — черепушка* и под.

Наибольшего внимания требует анализ словесных оппозиций формально-семантического типа. Слово *голова* оппозиционно связано со многими однокоренными словами, например: *голова — головной*, *голова — головач*, *голова — головоломка* и т. д. В ходе установления типа оппозиции требуется уточнить, в чем проявляется семантическое сходство слов, входящих в оппозиции.

Голова — головной. Прилагательное является производным от существительного как формально (*голов-* + *-н-*), так и семантически (в значении прилагательного присутствует сема 'голова', ***головной*** — 'предназначенный для головы').

Голова — головач. Те же отношения формально-семантической производности: в содержании слова *головач* присутствует компонент 'голова' — 'жук с большой головой и сильно развитыми ротовыми органами'.

Голова — головоломка. Эта оппозиция имеет особый характер. Слово *головоломка* — 'задача, требующая для своего разрешения большой догадливости, сообразительности' через признак 'сообразительность' связано не с основным значением слова *голова*, с которым мы до сих пор имели дело, а со вторым его значением — 'ум, сознание'. Следует иметь в виду, что слова, входящие в оппозиции словообразовательного характера в качестве производных, мотивированных членов, часто оказываются семантически связанными, мотивированными вторичными значениями производящих слов. Так, прилагательное *головной* во вторичном значении 'идуший вперед, в голове чего-либо' также оппозиционно связано с одним из вторичных значений слова *голова* — 'передняя часть, передние ряды'.

Особого внимания потребует анализ оппозиции *голова — головастик*. Судя по словарному толкованию слова *головастик* — 'хвостатая личинка земноводных животных', признак 'голова' не представлен в составе его семантических компонентов. Тем не менее этот признак хорошо осознается в качестве мотивировочного и затрудняет определение типа данной оппозиции: она занимает как бы промежуточное положение между чисто формальными

и формально-семантическими оппозициями. С такой же двойственностью встречаемся мы в оппозициях *голова* — *головорез* ('отчаянный человек'), *голова* — *головомойка* ('строгий выговор'), *голова* — *головотяп* ('тот, кто небрежно и бестолково ведет какое-либо дело'). Как будто в самих значениях сложных производных слов, судя по словарям, компонент 'голова' не присутствует, но мотивировочная связь этих слов со словом *голова* все-таки легко осмысливается.

II. После определения типа словесных оппозиций переходим к следующему этапу анализа. Задача этого этапа заключается в характеристике отношений между словами, которые существуют в одном из планов — формальном или семантическом. Как по форме, так и по значению слова, образующие оппозицию, могут быть связаны различными видами отношений. В соответствии с этими видами отношений оппозиции могут быть квалифицированы как оппозиции тождества, привативные оппозиции или экви-полентные.

Установить факт семантической оппозиции тождества (абсолютной синонимии) можно с помощью словарей. Поскольку слово *голова* не входит в оппозицию тождества, воспользуемся другими примерами. Так, основное значение глагола *вынуть* определяется в МАСе — 'достать, извлечь откуда-либо', глагола *извлечь* — соответственно 'вынуть, достать откуда-либо'. Содержательная идентичность толкований основных значений глаголов дает основание квалифицировать оппозицию *вынуть* — *извлечь* как оппозицию тождества, притом чисто семантическую, поскольку в основах этих глаголов нет общих морфем.

Привативные семантические оппозиции могут быть установлены также с помощью словарей. Если какое-либо слово употреблено в развернутом определении основного значения другого, это свидетельствует о том, что данное слово связано с определяемым словом привативной семантической оппозицией. Ср. *голова* — *тело*: значение 'тело' полностью представлено в содержании слова *голова* ('верхняя часть тела'), но в этом содержании имеется еще ряд компонентов, выраженных словарными конкретизаторами: 'верхняя' или 'передняя', 'человек' или 'животное' и т. д. Значение слова *ходить* включено в значение слова *слоняться*, в содержании которого, кроме того, имеются еще семы 'без дела', 'без цели'. Как правило, определяемое слово и его идентификатор образуют привативную оппозицию.

Экви-полентные семантические оппозиции наиболее четко проявляются в словах, толкования которых содержат общий идентификатор. Слова *голова* и *рука* экви-полентно связаны общностью идентификатора 'часть тела человека', а глаголы *снять* и *вынуть* совпадают по идентификатору 'достать' и различаются признаками, которые отражены в словарных конкретизаторах 'сверху или с поверхности' и 'изнутри'.

Такую же оппозицию представляют глаголы *слоняться* и *брести*. В их толкованиях имеется общий идентификатор 'ходить', выражающий те общие признаки, по которым эти слова семантически пересекаются. Но кроме общего идентификатора в этих толкованиях имеются словарные конкретизаторы 'без дела', 'без цели' для глагола *слоняться* и 'медленно', 'с трудом' для глагола *брести*. В конкретизаторах отражены семы, дифференцирующие слова.

Общими элементами толкований могут быть не только идентификаторы, но и словарные конкретизаторы. Например, *взбежать* — 'бегом подняться наверх' и *вскинуть* — 'кинуть вверх', *накупить* — 'купить в каком-либо (обычно большом) количестве' и *настроить* — 'построить, выстроить в каком-либо (обычно большом) количестве'.

Формальные оппозиции тождества представлены омонимами, такими словами, форма которых идентична, а значение абсолютно различно, например: *газ*¹ — 'особый вид физических тел' и *газ*² — 'прозрачная шелковая ткань'.

Формальную привативную оппозицию образуют слова, связанные отношениями производности, например *голова* — *головной*. Основа прилагательного *головн-* включает в себя в качестве производящей основу существительного *голов-*, но кроме нее еще и суффикс *-н-*.

В качестве примера формальной эквиполентной оппозиции можно привести пару однокоренных слов *головка* — *головной*. Общим в них является корневая морфема *голов-*, а различаются их основы суффиксами *-к-* и *-н-*. Тождественными в словах могут быть не только корневые морфемы, но и аффиксальные. Например, *прикоснуться* — *прислониться*, с формальной точки зрения эти глаголы эквиполентно связаны общностью приставки *при-* и различием корневых морфем.

Практически конкретные словесные оппозиции очень разнообразны и часто ставят перед анализирующим весьма специфические, уникальные задачи. Не имея в виду давать даже беглый обзор таких задач, укажем только на то, что разные типы оппозиций предполагают, в частности, разный объем этапов анализа. Так, анализ чисто формальных и чисто семантических оппозиций состоит из двух этапов, а анализ формально-семантических оппозиций — из трех. Проиллюстрируем это примерами.

Слоняться—прислоняться

Тип оппозиции — формальный, так как в значениях глаголов нет общих сем, ср.: 'ходить взад и вперед обычно без цели, без дела' и 'стать, лечь или сесть вплотную к чему-либо'.

Вид формальной оппозиции — привативный, так как в глаголах общая корневая морфема, но в одном из них, кроме того, имеется еще приставка *при-*.

Квас — лимонад

Тип оппозиции — семантический, так как в словах нет общих морфем, но общие семантические компоненты в их значениях имеются, ср.: 'кисловатый напи-

ток, приготовленный на воде из ржаного хлеба или из ржаной муки с солодом' и 'сладкий прохладительный напиток с соком лимона или других фруктов и ягод'.

Вид оппозиции — **эквиполентный**, так как в значениях слов есть общая сема 'напиток' и **различительные**: 'кислый', 'приготовленный из ржаной муки или хлеба' — в слове *квас*, 'сладкий', 'прохладительный', 'с соком фруктов' — в слове *лимонад*.

Линия — линейка

Тип оппозиции в целом — формально-семантический, так как слова сходны и по форме, и по значению.

Вид формальной оппозиции — привативный, так как в словах представлен один и тот же корень, но в слове *линейка* имеется еще суффикс *к-*.

Вид семантической оппозиции — привативный, так как значение слова *линия* является компонентом значения слова *линейка* — 'прямая планка для вычерчивания прямых **линий**'.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. и др. Основы компонентного анализа. М., 1969.
2. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М., 1981.
3. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 3-е изд. М., 1986.
4. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984.
5. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
6. Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959. С. 74—100.
7. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
8. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964

-
9. Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка М., 1986.
 10. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь/Под ред. В. В. Морковкина М., 1984
 - 11 Ожегов С. И. Словарь русского языка/Под ред Н. Ю. Шведовой. 18-е изд. М., 1986.
 12. Словарь русского языка/Под ред. А. П. Евгеньевой: В 4 т., 2-е изд. М., 1981 — 1984.
 13. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.

Глава IV. ОТДЕЛЬНЫЕ ТИПЫ СЛОВЕСНЫХ ОППОЗИЦИЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Омонимы как формальные оппозиции тождества § 2. Типы омонимов в зависимости от факторов, определяющих их возникновение. § 3. Абсолютные синонимы как семантические оппозиции тождества § 4. Однокоренные синонимы и варианты слов. § 5. Антонимы как оппозиции эквиполентного типа. § 6. Паронимы. § 7. Типы словесных оппозиций привативного типа. § 8. Функциональная характеристика словесных оппозиций.

Прежде всего рассмотрим такие словесные оппозиции, в которых представлены отношения тождества. Поскольку не может быть разных слов, полностью тождественных как по форме, так

и по значению, такие оппозиции представлены парами слов, тождественных либо только по форме (омонимы), **либо** только по значению (синонимы), при обязательном, полном **или** частичном различии этих слов в противоположном плане.

§ 1. **Омонимы** — это оппозиции слов, тождественных по форме, но абсолютно различных по значению, например: *балка*¹ — 'деревянный или железный брус, укрепленный концами и служащий поддержкой настила' и *балка*² — '*ложбина* образованная водами, длинный овраг с заросшими краями'; *топить*¹ — 'заставлять тонуть' и *топить*² — 'поддерживать огонь в печи'; *худой*¹ — 'тощий, неупитанный' и *худой*² — '*рваный* дырявый'.

Омонимия может быть полной, если слова совпадают во всех своих формах, например: *ключ*¹ ('родник') — *ключа, ключу, ключом, ключей* и т. д. и *ключ*² ('отмычка') — *ключа, ключу, ключом, ключей* и т. д. Это и является собственно лексической омонимией. Ей противопоставлены явления частичной омонимии слов, формально совпадающих в одной или нескольких формах при различии других форм. Например, глагол *знать* и существительное *знать*, совпадающие в своих основных словарных формах, различаются во всех остальных, ср.: *знать, знаю, знал, зная* и т. д. и *знать, знати, знатью*. Глагол *бредить* и существительное *бред* совпадают только в одной из своих форм (ср.: *я брежу* и *я был в брежу*), так же как глагол *беречь* и существительное *берег* (ср.: *я берегу эту вещь* и *я стою на берегу*). Такого рода частичная омонимия возможна и для слов одной части речи, например, глаголы *накупать*¹ ('покупать много') и *накупать*² ('хорошо выкупать'), совпадая в неопределенной форме, различаются в других личных и видовых формах, ср.: *накупать*¹ — *накуплю, накупил* и *накупать*² — *накупаю, накупал*. Ср. также *лететь* и *лечить*, совпадающие в форме *лечу*.

Круг таких явлений достаточно широк, но они не относятся к собственно лексической омонимии и называются обычно **омоформами**. К ним примыкают явления **омофонии**, проявляющиеся в том, что совпадение происходит только в живом произношении: не отражается на письме, например, *глас* ('голос') и *глаз* ('орган зрения'); *молот* и *молод* и т. п. Существует еще явление **омографии**, когда внешне совпадающими оказываются буквенные изображения слов, реально различающихся ударением, например *орган* и *орган*, *засыпать* и *засыпать*, *парить* и *парить* и **под**.

Лексические омонимы — это чисто формальные совпадения слов, которые не предусмотрены законами построения знаковых систем. Во многих случаях их можно трактовать как случайные явления, особенно такие, как омоформы, омофоны и омографы. Тем не менее омонимы достаточно широко представлены в словарном составе русского языка, и формирование их обусловлено определенными факторами, которые могут быть положены в основу типологии омонимов. В зависимости от них разграничиваются четыре основных типа омонимов, которые мы охарактеризуем ниже.

§ 2. I. Особый тип образуют омонимы, возникающие в связи с действием факторов внеязыкового, социолингвистического характера, а именно в результате случайного совпадения заимствованных слов. Иноязычные слова, включенные в словарный состав языка на том или ином этапе его развития, могут в ходе их усвоения совпасть по своей форме с исконно русскими словами, например: **брак**¹ — 'негодная продукция' от нем. *Brack* и русское **брак**² — 'супружество'; **горн**¹ — 'духовой инструмент' от нем. *Horn* и русское **горн**² — 'кузнечная печь', **бор**¹ — 'химический элемент' от лат. *borax*, **бор**² — 'инструмент' от нем. *Bhor* и русское **бор**³ — 'сосновый лес'.

Иногда омонимами оказываются слова, заимствованные из разных языков, например: **кран**¹ — 'запор для воды' от голл. *craan* и **кран**² — 'подъемный механизм' от нем. *Kran*. См. также три омонимичных слова *бар* (МАС, /, 60), заимствованных из английского, греческого, французского языков. Есть и такие случаи, когда омонимичные слова пришли к нам из одного языка, в котором они могут быть семантически связанными или не связанными, но для русского языка это слова, абсолютно не сходные по значению, омонимы. Например, **карьер**¹ — 'быстрый бег лошади' и **карьер**² — 'открытые разработки полезных ископаемых' от соответствующих французских омонимов *carriere*^{1, 2}.

II. Другой тип омонимов связан с факторами языковыми, но не лексическими, а фонетическими. Это омонимы, формальное совпадение которых обусловлено звуковыми изменениями, нашедшими свое отражение в звуковой оболочке слов. Классический пример такой омонимии **лук**¹ — 'вид оружия' и **лук**² — 'растение'. В корне первого слова гласный был когда-то представлен особым носовым звуком заднего ряда, юсом большим, который впоследствии исчез из вокалической системы русского языка, заменившись звуком [y]. Это и привело к совпадению звуковых оболочек слов, ранее различавшихся по этому гласному.

Звуковые закономерности, в частности живые позиционные чередования звуков, действующие в современном русском языке, и сейчас часто приводят к совпадению слов в отдельных формах. Например, [прут]¹ и [прут]² — при различии *прутья* и *пруды*; [валы]¹ и [валы]² — при различии *вал* и *вол*. Такие совпадающие в произношении формы разных слов, как уже отмечалось выше, называют омофонами, так как на письме они различаются. В принципе же это одно из проявлений омоформии, частичного совпадения форм двух слов, не дающих полной омонимии.

Результатом действия живых позиционных чередований может быть и полная омонимия, которая не отмечается в словарях, так как на письме слова различаются. Например, *прибывать* и *пробы-вать* совпадают в произношении в связи с тем, что приставка *пре-*, представленная во втором глаголе, никогда не бывает ударной и гласная фонема никогда не реализует здесь своего **этимологиче-**

ского вида [е], а произносится в виде слабого варианта фонемы [и] — [**прибы**ват'].

В возникновении таких произносительных омонимов и омоформ можно видеть результаты воздействия на лексическую систему закономерностей фонологического уровня. Еще большее воздействие на лексическую систему в плане порождения омонимии оказывают законы словообразования, которые обуславливают наличие в словарном составе русского языка так называемых словообразовательных омонимов.

III. Словообразовательные **омонимы** — это наиболее широко представленный в русском языке тип омонимии, например: *перенести*¹ — 'переместить' и *перенести*² — 'испытать'; *побег*¹ — 'бегство' и *побег*² — 'ветка дерева'.

Словообразовательная омонимия определяется факторами языковыми, но опять-таки не собственно лексическими. Данный тип омонимов всегда представлен производными словами, основы которых состоят из внешне одинаковых морфем, но морфемы в силу собственной омонимичности или (чаще) многозначности имеют в словах разные значения. Свойства многозначности и омонимии могут быть присущи как самим производящим основам, так и формантам, присоединяемым к ним в процессе словопроизводства. В связи с этим среди словообразовательных омонимов можно выделить четыре случая.

1. Производные слова являются омонимами потому, что образованы от омонимичных основ, например: *газовый*¹ от *газ*¹ — 'ткань' и *газовый*² от *газ*² — 'вещество'; *перетопить*¹ от *топить*¹ — 'поддерживать огонь' и *перетопить*² от *топить*² — 'превращать в жидкое состояние'.

2. Слова образованы от разных, но сходных производящих основ, различия которых нейтрализуются в результате определенных морфонологических закономерностей, ср.: *критический*¹ от *кризис* и *критический*² от *критик*; *баловство*¹ от *баловать* и *баловство*² от *баловаться*.

3. Слова могут быть образованы от одного слова, но соотнесены с его различными значениями. Например, омонимы *выходить*¹ — 'много обойти' и *выходить*² — 'заботливым уходом добиться выздоровления' образованы от глагола *ходить*, но от разных его значений. *Выходить*¹ соотнесено с основным значением производящего глагола 'перемещаться с помощью ног', *выходить*² — со значением 'ухаживать за кем-либо, заботиться'.

4. Омонимия производных слов может быть обусловлена многозначностью самих словообразовательных формантов. Например, слова *ягодник*¹ — 'собиратель ягод' и *ягодник*² — 'место выращивания ягод' образованы от одной основы и мотивированы ею, но по разным моделям. Соответственно суффикс *-ник* имеет разное

значение: в первом случае — значение 'лицо' (*дворник, булочник, фокусник, десантник* и др.), а во втором случае — 'место, занятое растительностью' (*малинник, цветник, ельник, виноградник* и др.).

Часто в производных омонимах мы наблюдаем одновременное действие многозначности производящих основ и многозначности формантов, причем первый фактор оказывается более важным, обуславливающим многозначность словообразовательных формантов. Например, глаголы *переиграть*¹ — 'сыграть все, многое' и *переиграть*² — 'победить' образованы от одного и того же глагола *играть*. Но первый связан со значением 'исполнять музыкальное произведение', а поскольку объектов такого исполнения может быть много, в приставке реализуется значение 'большое количество'. Второй глагол *переиграть* соотносится со значением 'участвовать в спортивном состязании', и поскольку состязание предполагает победу одного из участников, в этом значении производящего глагола *играть* содержится сема 'с целью победы'. Наличие этой семы в производящей основе определяет значение приставки *пере-*, которая здесь обозначает 'превзойти другого исполнителя действия'.

Достаточно часто омонимы, имеющие одинаковую формальную структуру, отличаются характером и степенью ее членимости. Значение одного из омонимов легко мотивируется связью с производящим словом, другой же с современной точки зрения является семантически не мотивированным, ср.: *зажить*¹ — 'начать жить' и *зажить*² — 'стать здоровым'; *донести*¹ — 'доставить' и *донести*² — 'сообщить'; *выглядеть*¹ — 'наблюдая, внимательно глядя, увидеть' и *выглядеть*² — 'иметь какой-либо вид'.

Особо следует отметить омонимию сложносокращенных слов, ср.: *комбат*¹ — 'командир батальона' и *комбат*² — 'командир батареи'; *сирена*¹ — 'гудок' и *сирена*² — 'система резервирования авиабилетов'.

IV. Омонимы, возникновение которых связано с явлением лексической многозначности, обусловлены самим устройством лексической системы языка, как бы порождаются ею в ходе развития многозначности слов, точнее, в том пункте этого развития, где происходит так называемый распад многозначности. В норме все значения многозначного слова связаны между собой общностью тех или иных семантических компонентов. Если в силу каких-либо причин одно из значений слова выходит из употребления, исчезает, другие значения, ранее связанные через него друг с другом, могут оказаться разобщенными, семантически не связанными и начинают осмысляться как разные, но омонимичные слова. Такая омонимия с учетом исторической перспективы может быть интерпретирована как результат распада многозначности слов.

В современном русском языке, например, существуют два слова *лайка*¹⁻²: 'порода собак' и 'сорт мягкой кожи'. Когда-то это

были дни **значения** одного и того же слова, связанные между собой особым, промежуточным с исторической точки зрения **значением** 'кожа лайки, обработанная особым способом, предназначенная для изготовления перчаток'. Сема 'лайка' связывала это **значение** с первым, этимологически исходным значением 'порода собак', а сема 'обработанная **кожа**' — со следующим, производным от него значением 'кожа для перчаток'. В ходе развития кожевенного производства лайковую кожу стали изготавливать из шкур разных животных, и сема 'лайка' исчезла как необходимая и существенная для значения 'кожа для перчаток'. В результате производное, вторичное значение оказалось не связанным с основным значением слова, и эти значения закрепились за двумя внешне одинаковыми, омонимичными лексемами.

Так же примерно возникла омонимия глаголов: *привить*¹ — 'свивая, обвивая, прикрепить' и *привить*² — 'пересадить часть одного растения на другое; ввести в организм вакцину; заставить усвоить'. Первоначально в значении одного глагола *привить* совмещались значения 'прикрепить, обвивая' и 'пересадить', связанные семей 'обвивания', так как при пересадке черенки прикрепляли к стволу дерева, обвивая их чем-либо. Затем эта сема перестала осмысляться как существенно важная, в глаголе *привить* развился ряд других значений, в которых эта сема не могла присутствовать даже в качестве потенциальной (ср. значение 'сделать прививку'), эти значения оказались разобщенными, и — как следствие — возникла пара омонимичных глаголов.

Таковы основные типы омонимов с точки зрения факторов, обуславливающих их возникновение. Разграничение не может быть абсолютно точным и четким, так как все указанные факторы могут действовать и одновременно. Выше мы уже отмечали, что словообразовательные омонимы органически связаны с многозначностью производящих основ и формантов. Следует также иметь в виду и то, что семантическое разобщение отдельных значений слов часто сопровождается морфологическими различиями, которые могут способствовать возникновению омонимии или, напротив, снимать ее. Возьмем для примера глаголы с корневой морфемой *вес-*: *весить* — 'иметь вес', *вешать*¹ — 'придавать висячее положение' и *вешать*² — 'определять вес'. Благодаря закреплению в корнях разных вариантов согласной морфемы *вес-* и *веш-* глаголы *весить* и *вешать*², близкие по смыслу, функционируют как разные слова. Но, с другой стороны, существуют два омонимичных глагола *вешать*¹⁻², этимологически связанные как два значения одного и того же слова. С точки зрения современных способов взвешивания значения этих глаголов являются несопоставимыми, и глаголы воспринимаются как разные слова. Интересно, что приставочные глаголы, образованные от указанных омонимов, могут и не быть омонимичными за счет различных реализаций конечной морфемы корня, ср.: *перевесить* — 'переместить' от *вешать*¹ и *перевешать* — 'взвесить все, многое' от

вешать². При этом возникает новая омонимическая пара: *перевесить*¹ — 'переместить' и *перевесить*² — 'превзойти в весе'.

Во многих случаях решение вопроса о том, что перед нами — два самостоятельных слова или два значения одного слова, представляется затруднительным. Поэтому нас не должна удивлять разная трактовка омонимов в словарях; в частности, многое из того, что дано в специальных словарях омонимов в качестве таковых, в общих толковых словарях подается как многозначность. Так, из 188 глаголов, помещенных в «Словаре омонимов русского языка» О. С. Ахмановой, только 35 даны в качестве омонимичных в МАСе. И напротив, две пары глагольных омонимов *перемешивать*¹ —², *перетачивать*¹ —², поданные в последнем как омонимы, отсутствуют в словаре О. С. Ахмановой.

Проблема отграничения омонимии от многозначности существенно важна только для лексикографов, которым приходится практически решать вопрос о том, как поместить слова: в виде омонимов в разных словарных статьях или в виде разных значений одного слова в рамках одной словарной статьи. Сами же носители языка не испытывают затруднений в использовании омонимов, как и многозначных слов, потому что функционирующее слово понимается однозначно благодаря контексту. Именно в контексте снимаются многозначность и омонимия. Мы однозначно понимаем значение слова *перо* во фразе В. Маяковского *Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо*, значение слова *свет* в словосочетаниях *свет луны* и *страны света*, нас не затрудняет понимание смысла слов в сочетаниях *Миру мир!* или *мир во всем мире*, которые состоят из омонимов, поставленных рядом.

В современной русской лексикографии имеются два словаря омонимов, вышедшие в последние годы. Первый из них — «Словарь омонимов русского языка», составленный О. С. Ахмановой (М, 1974, 3-е изд — 1986). Этот словарь интересен тем, что в нем не только даны, но и расклассифицированы омонимы и частично омоформы (если слова совпадают в основных формах). Каждая пара омонимов соотнесена с помощью специальных индексов с одним из семи типов омонимов, подробно описанных в предисловии к словарю. Например, омонимы *бумажник*¹ — 'работник бумажной промышленности' и *бумажник*² — 'вместилище документов и денег' отнесены к типу омонимов, совпадение которых обусловлено омонимией аффиксов, суффикса *-ник* в данном случае; *бунт*¹ — 'мятеж' и *бунт*² — 'связка' — к типу омонимов, возникших в процессе усвоения заимствованных слов [*бунт*² — 'связка' от нем. *Bund*], *бык*¹ — 'домашнее животное' и *бык*² — 'опора моста' — к типу омонимов, возникших на базе многозначности.

Второй опыт словаря омонимов — «Словарь омонимов русского языка», составленный Н. П. Колесниковым (Тбилиси, 1976, 2-е изд — 1978). Состав омонимов в этом словаре значительно расширен за счет включения в него всех возможных омоформ. Типологическая характеристика омонимов в словаре не дается.

§ 3. Перейдем к рассмотрению семантических оппозиций тождества, которые представлены такими явлениями, как абсолютные синонимы и варианты слов.

Абсолютные синонимы — это слова, тождественные по своим основным значениям, что проявляется в совпадении толкований этих значений в словарях, а также в том, что такие слова часто используются в словарях как взаимные определители друг друга. Например: *бросать* — 'взмахом заставлять лететь, падать что-л., находящееся в руке (в руках)' (МАС, /, 117) и *кидать* — 'взмахом заставлять лететь, падать что-л., находящееся в руке (в руках); бросать' (МАС, 2, 47); *красть* — 'присваивать чужое; воровать, похищать' (МАС, 2, 123) и *воровать* — 'похищать принадлежащее другим; красть' (МАС, /, 212). См. также *глядеть* — *смотреть*, *спешить* — *торопиться*, *подлинник* — *оригинал*, *езде* — *всюду*. Такие синонимы можно назвать также номинативными, так как они совпадают в своих основных (или единственных) значениях, составляющих содержание слов-ономатем, слов-названий, соотнесенных прежде всего с внеязыковым денотатом слов. Указанная особенность абсолютных синонимов подчеркивается также в таких применяемых к ним терминах, как «внеконтекстные», «парадигматические», «системные» синонимы.

Абсолютная синонимия — это лишь одно из многих проявлений синонимии в широком смысле слова. Проблема синонимов является едва ли не самой древней лексикологической проблемой. В изучении слов, близких по смыслу (а именно такое определение синонимии можно считать традиционным), накопилось много различных концепций, которые отличаются друг от друга прежде всего определением синонимии, объемом тех явлений, которые включают (или не включают) в сферу синонимии. В рамках рассмотрения парадигматических отношений в лексике в поле нашего зрения попадает только абсолютная синонимия, которую можно также назвать ономатемной. Мы рассматриваем слова в качестве носителей основного, к тому же «усредненного» значения, отвлеченного от тех смыслов, которые может иметь слово в разных случаях его употребления.

Слова, не тождественные, а только близкие по значению, называемые идеографическими синонимами или квазисинонимами (по терминологии Ю. Д. Апресяна), не образуют семантических оппозиций тождества, так как в значениях таких слов всегда имеются компоненты, специфические только для одного из них. Например, прилагательные *высокий* и *рослый*, будучи сходными по компонентам 'большой' и 'вертикальное измерение', отличаются тем, что в слове *рослый* имеются семы 'человек' и 'рост'. Они образуют привативную семантическую оппозицию, так же как глаголы *закрывать* и *укрывать*, существительные *жалость* и *сострадание*, наречия *близко* и *рядом*.

В других случаях слова, близкие по смыслу, связаны отношениями семантической эквивалентности, например: *тапить* — 'переводить в жидкое состояние путем небольшого нагревания' и *плавить* — 'переводить в жидкое состояние путем сильного нагревания'.

Наличие в лексической системе языка двух слов с одинаковым содержанием создает в ней известную избыточность средств, которая частично снимается при функционировании этих слов в речи. В конкретных предложениях в зависимости от конкретной сочетаемости в синонимах могут актуализироваться потенциальные семантические признаки, которые обычно не отражаются в словарных толкованиях. В таких случаях синонимы теряют свойство взаимозаменяемости. Кроме того, в абсолютных синонимах «прослеживаются дополнительные оттенки, связанные с происхождением слов и их словообразовательными связями»¹, имеют место грамматические различия.

Поясним эти различия на примере глаголов *вынуть* и *извлечь*, которые имеют одинаковые основные значения 'достать объект, находящийся внутри чего-либо'. Эти глаголы могут заменять друг друга в большинстве фраз: *Мину извлекли [вынули] из ствола — причиной осечки оказалась...* (К. Симонов); *Вынул [извлек] из кармана очки, надел их на кончик носа* (В. Липатов). Ограничения взаимозаменяемости наблюдаются в следующем случае: глагол *извлечь* «сопротивляется» замене глаголом *вынуть* тогда, когда объектом действия является лицо: *Мы извлекли Ваську, как стручок гороха, из общей кучи* (В. Смирнов). В целом сочетаемость глагола *извлечь* оказывается более широкой, чем у глагола *вынуть*, а значение в связи с этим более обобщенным. С другой стороны, замена глагола *вынуть* глаголом *извлечь* затруднительна тогда, когда в контексте отсутствует позиция места-источника, из которого извлекается объект. Глагол *вынуть* очень часто употребляется без соответствующего дополнения (*и з ч е го*), в то время как глагол *извлечь* предполагает его обязательность в контексте. Кроме того, глагол *извлечь*, старославянский по своему происхождению, несколько архаичен и употребляется преимущественно в текстах официально-деловых, например: *Канал атомного реактора извлекают из активной зоны и переносят в хранилище* (М. Колесников); либо используется для передачи легкой иронии: *Решительно вскрыл конверт, извлек совсем маленькую бумагу и читал ее долго-долго* (М. Алексеев). Это свидетельствует о том, что глагол *извлечь* обладает определенной стилистической маркированностью, что также отличает его от глагола *вынуть*.

§ 4. Абсолютные, номинативные синонимы могут быть представлены не только в чисто семантических оппозициях, но и в оппозициях формально-семантического типа, тогда семантическое тождество слов сопровождается их частичным морфемным сходством. Чаше всего это однокоренные синонимы типа *лебединый* — *лебязжий*, *хвастать* — *хвастаться*, *скопить* — *накопить*, *явиться* — *появиться*, *редис* — *редиска*, *мотоцикл* — *мотоциклет*. В семантическом плане такие слова представляют собой оппозицию тожде-

¹ Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение М.; Л., 1965. С. 74.

ства, а в формальном их соотношении может иметь характер оппозиций иного рода. Например, слова *отварить* — *сварить*, *влезть* — *залезть*, *читальня* — *читалка*, *обогнать* — *перегнать* представляют собой формально оппозиции эквиполентного типа, а слова *стучать* — *стучаться*, *табурет* — *табуретка*, *чистить* — *очищать* — оппозиции привативного типа.

Достаточно регулярными являются и такие синонимы, в которых формальное сходство проявляется в идентичности приставок, например: *поднять* — *подобрать*, *разместить* — *расположить*, *заглядеться* — *засмотреться*. Формально такие пары слов являются эквиполентными оппозициями.

Пределом формально-семантических оппозиций являются фонетические и морфологические **варианты** слов. Они представляют чисто формальные модификации слова, выражающие одно и то же лексическое значение, например: *галоши* — *калоши*, *эдак* — *этак*, *прикорнуть* — *прикурнуть*, *чтобы* — *чтоб*, *полдень* — *полудень* (фонетические варианты) или *искренний* — *искренний*, *рельс* — *рельса*, *зайчишко* — *зайчишка*, *занавес* — *занавесь*, ***запасный*** — *запасной* (морфологические варианты), различия которых проявляются в окончаниях. По мнению Р. П. Рогожниковой, «варианты слов не представляют собой различных слов, они не имеют семантических различий, полностью совпадают в значении» [5, 13]. Однако в словарях многие из них даются в разных словарных статьях, так как обладают стилистическими различиями, ср.: *песнь* (**трад.-поэт.**) — 'то же, что **песня**' (МАС, 3, 113), *вроглагозый* (разг.) — 'то же, что **остроглазый**' (МАС, 1, 218).

Существование абсолютных синонимов (как и вариантов слов) противоречит принципам построения знаковых систем, тем не менее такие номинативные эквиваленты имеются во всех **языках**, в том числе и в русском. Их наличие в языке определяется факторами внешнего и внутреннего порядка. К внешним факторам можно отнести заимствование слов, в результате которого в русском языке существуют такие абсолютные синонимы, как *аэроплан* — *самолет*, *лингвистика* — *языкознание*, *акцент* — *ударение*, *осьминог* — *спрут*.

К внутренним факторам можно отнести, во-первых, возможную синонимию словообразовательных формантов, которая может порождать отмеченные выше однокоренные синонимы (*скопить* — *накопить*), а также наличие корневых синонимов, от которых могут быть образованы одним и тем же способом тождественные по значению производные слова (***заглядеться*** — *засмотреться*). Во-вторых, состав абсолютных синонимов пополняется за счет внутриязыковых ресурсов в связи с изменением значений слов в процессе развития многозначности. Глагол *найти*, первоначально обозначавший действие перемещения, стал синонимом глагола *отыскать*, глагол *захватить* — синонимом глагола *овладеть*.

Длительное и вполне равноправное существование абсолютных синонимов не является типичным для языка. Как правило, такая синонимия постепенно преодолевается тем или иным способом.

Первый способ преодоления абсолютной синонимии — это постепенное ограничение употребительности одного из синонимов, заканчивающееся полным выходом его из лексической системы языка. Такова судьба многих русских и старославянских слов, существовавших на определенном этапе развития русского литературного языка в виде синонимических пар: *владеть* — *володеть*, *берег* — *брег*, *город* — *град*, *ворог* — *враг* и т. п. В современном русском языке остался только один из членов этих пар — *владеть*, *берег*, *город*, *враг*. Одним из проявлений процесса преодоления синонимии часто бывает стилистическое ограничение употребления одного из синонимов, своеобразное стилистическое **размежевание** их, например: *болеть* — *хворать* (разг.), *замерзнуть* — *застыть* (разг.), *волчица* — *волчиха* (прост.).

Второй способ преодоления абсолютной синонимии — это семантическое размежевание синонимов. Оно связано с тем, что у синонимичных слов развиваются различные, специфические для каждого из них вторичные значения. Если какое-либо из вторичных значений получает широкое употребление, поддерживается производными словами, оно может стать основным. Тем самым ситуация абсолютной синонимии будет преодолена, потому что она может быть связана только с основными значениями **слов**. Примером этого могут быть глаголы *догнать* и *достичь*, **которые** раньше были абсолютно синонимичными. Но в дальнейшем в глаголе *достичь* развивается и укрепляется в качестве основного значение 'добиться' (ср. *достижение*), при этом прежнее основное значение этого глагола 'догнать' отходит на задний план и вообще становится неупотребительным в рамках литературного языка. Вследствие этого указанные глаголы перестают быть **синонимами**.

Такова же может быть судьба глаголов *отобрать* и *отнять*. В первом из них активно проявляется вторичное значение '**вы-**брать с определенной целью', оно становится более употребительным и, подкрепляемое существительным *отбор*, может стать основным значением глагола *отобрать*, что естественно повлечет **за** собой разрушение абсолютной синонимии этих глаголов.

И наконец, в качестве третьего способа устранения абсолютной синонимии возможно объединение абсолютных синонимов в одну лексическую единицу, обладающую супплетивными **формами**, в которых представлены основы разных слов, бывших до этого синонимами, например: *человек* — *люди*, *ребенок* — *дети*, *ловить* — *поймать*, *взять* — *брать*, *говорить* — *сказать* и т. п.

В русской лексикографии существуют давние традиции составления особых синонимических словарей. Круг их за последние годы пополнился очень интересным, полным и убедительным двухтомным «Словарем синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (Л, 1970—1971) и его сокращенным вариантом — однотомным «Словарем синонимов» (Л, 1975). Большим достоинством

этих словарей является их теоретическая основательность, при их составлении учтены положительные результаты многочисленных исследований русских синонимов, в которых приняли участие русисты-лексикологи

§ 5. Обратимся к эквиποлетным оппозициям слов. Одним из наиболее известных видов эквиποлетных семантических оппозиций слов являются антонимы — слова, значения которых осмысливаются как противоположные, например: *болезнь — здоровье, прошлое — будущее, быстро — медленно, брат — давать*. Семантические антонимы связаны между собой отношениями «пересечения»: объединены общими семами и противопоставлены особыми, специфическими. Общие семы антонимов имеют достаточно абстрактный характер, например: значение 'физическое состояние организма' в паре *болезнь — здоровье*, 'время' в паре *прошлое — будущее*, 'скорость' в паре *быстро — медленно*. Особенностью специфических сем является их противоположность, ср.: 'плохое' и 'хорошее' состояние здоровья в паре *болезнь — здоровье*, 'большая' и 'малая' скорости в паре *быстро — медленно*, 'большая' и 'малая' масса в паре *тяжелый — легкий*, 'большая' и 'малая' цена в паре *дорогой — дешевый*, 'предшествующее' и 'последующее' время в паре *прошлое — будущее* и т. д.

В формальном плане антонимы могут быть полностью несходными, в этом случае их оппозиции являются чисто семантическими, например: *дорогой — дешевый, ночь — день, редкий — частый*. Но во многих случаях антонимы сходны друг с другом и в формальном отношении, чаще всего по корневой морфеме, например: *вкусный — невкусный, восход — заход, вбегать — выбегать*. При этом формальные оппозиции антонимичных слов могут быть как эквиποлентными (*долгосрочный — краткосрочный, закрыть — открыть*), так и привативными (*идейный — безыдейный, известный — неизвестный, демократический — антидемократический*). Последний вид оформления антонимов особенно характерен для прилагательных.

Особый тип эквиποлентных оппозиций представляют так называемые **конверсивы**. «Конверсивные отношения характеризуют прежде всего глагольную лексику» [1, 264]. Примерами их могут быть глаголы типа *покупать — продавать, выигрывать — проигрывать, выдать — получить* или семантически близкие к ним существительные типа *победа — поражение, купля — продажа, выигрыш — проигрыш* и под. Сущность конверсивных отношений трудно осмыслить вне предложений, в которых соответствующие глаголы выступают в качестве предикатов. Ср.: *Брат владеет домом — Брату принадлежит дом* — во фразах отражена ситуация владения, в которой участвуют лицо-владелец и объект владения. Но связь лица и объекта передается с помощью разных глаголов, хотя денотативное содержание фраз одинаково. В первом случае глагол обозначает «владение» как признак лица-владельца, во втором — те же самые отношения переданы предикатом *принадлежать* уже как признак объекта (принадлежать кому-то).

Конверсивы рассматриваются то как один из видов антонимии [4, 201 и след.], то как особый тип семантических словесных оппозиций [1, 256—283].

Современная русская лексикография располагает несколькими специальными словарями антонимов (*Введенская Л А* Словарь антонимов русского языка Ростов н/Д, 1971, 2-е изд — 1982, *Колесников Н П* Словарь антонимов русского языка/Под ред Н М Шанского Тбилиси, 1972, *Львов М Р* Словарь антонимов русского языка/Под ред Л А Новикова М, 1978, 3-е изд — 1985), большой список антонимов содержится в монографии Л А Новикова [4, 268—288].

§ 6. Еще одним видом эквиполентных словесных оппозиций, привлекающим к себе внимание исследователей, являются паронимы. Эти оппозиции всегда бывают формально-семантическими и объединяют в себе однокоренные слова с частично сходными значениями, например: *побелить* — *побелеть*, *сытый* — *сытный*, *соседний* — *соседский*, *поменять* — *обменять*, *представить* — *предоставить*. В формальном плане сходство паронимов представлено единой корневой морфемой, а различие — аффиксальными морфемами. В своем значении паронимы обычно содержат какие-то общие семы, соотнесенные с корневой морфемой, ср.: *сытый* — 'насытившийся' и *сытный* — 'способный насытить', *белить* — 'делать белым' и *белеть* — 'быть, становиться белым', *соседний* — 'находящийся по соседству' и *соседский* — 'принадлежащий тем, кто живет по соседству'.

От паронимии следует отличать явление **паронимазии**, которое проявляется в максимальном, но случайном с семантической точки зрения сходстве фонетических оболочек слова, например: *пытать* и *питать*, *родник* и *рудник*, *звание* и *знание* и под.

Исследование паронимов актуально прежде всего в аспекте культуры речи. Дело в том, что их формально-семантическая близость порождает речевые ошибки. Так, в речи можно встретить ошибочное употребление *представить* — 'показать, предъявить' вместо глагола *предоставить* — 'дать возможность', например: «Разрешите *представить* слово...» или «Они были *представлены* самим себе». Другой пример — употребление прилагательного *закоренелый* — 'неисправимый' в значении и вместо слова *коренной* — 'исконный': «Я — *закоренелая* москвичка».

В связи с этим возникает настоятельная потребность в нормативных словарях паронимов, и опыты таких словарей у нас имеются (*Колесников Н П* Словарь паронимов русского языка Тбилиси, 1971, *Вишнякова О В* Словарь паронимов русского языка М, 1984, и др.)

§ 7. Словесные оппозиции привативного типа, или гипонимические оппозиции, представляют собой очень важный для структуры лексической системы тип межсловных связей. В них находят свое выражение отношения рода и вида, представленные соответ-

этих словарей является их теоретическая основательность, при их составлении учтены положительные результаты многочисленных исследований русских синонимов, в которых приняли участие русисты-лексикологи.

§ 5. Обратимся к эквиποлетным оппозициям слов. Одним из наиболее известных видов эквиποлетных семантических оппозиций слов являются антонимы — слова, значения которых осмысливаются как противоположные, например: *болезнь — здоровье, прошлое — будущее, быстро — медленно, брат — давать*. Семантические антонимы связаны между собой отношениями «пересечения»: объединены общими семами и противопоставлены особыми, специфическими. Общие семы антонимов имеют достаточно абстрактный характер, например: значение 'физическое состояние организма' в паре *болезнь — здоровье*, 'время' в паре *прошлое — будущее*, 'скорость' в паре *быстро — медленно*. Особенностью специфических сем является их противоположность, ср.: 'плохое' и 'хорошее' состояние здоровья в паре *болезнь — здоровье*, 'большая' и 'малая' скорости в паре *быстро — медленно*, 'большая' и 'малая' масса в паре *тяжелый — легкий*, 'большая' и 'малая' цена в паре *дорогой — дешевый*, 'предшествующее' и 'последующее' время в паре *прошлое — будущее* и т. д.

В формальном плане антонимы могут быть полностью несходными, в этом случае их оппозиции являются чисто семантическими, например: *дорогой — дешевый, ночь — день, редкий — частый*. Но во многих случаях антонимы сходны друг с другом и в формальном отношении, чаще всего по корневой морфеме, например: *вкусный — невкусный, восход — заход, вбегать — выбегать*. При этом формальные оппозиции антонимичных слов могут быть как эквиποлетными (*долгосрочный — краткосрочный, закрыть — открыть*), так и привативными (*идейный — безыдейный, известный — неизвестный, демократический — антидемократический*). Последний вид оформления антонимов особенно характерен для прилагательных.

Особый тип эквиποлетных оппозиций представляют так называемые **конверсивы**. «Конверсивные отношения характеризуют прежде всего глагольную лексику» [1, 264]. Примерами их могут быть глаголы типа *покупать — продавать, выигрывать — проигрывать, выдать — получить* или семантически близкие к ним существительные типа *победа — поражение, купля — продажа, выигрыш — проигрыш* и под. Сущность конверсивных отношений трудно осмыслить вне предложений, в которых соответствующие глаголы выступают в качестве предикатов. Ср.: *Брат владеет домом — Брату принадлежит дом* — во фразах отражена ситуация владения, в которой участвуют лицо-владелец и объект владения. Но связь лица и объекта передается с помощью разных глаголов, хотя денотативное содержание фраз одинаково. В первом случае глагол обозначает «владение» как признак лица-владельца, во втором — те же самые отношения переданы предикатом *принадлежать* уже как признак объекта (принадлежать кому-то).

Конверсивы рассматриваются то как один из видов антонимии [4, 201 и след.], то как особый тип семантических словесных оппозиций [/, 256—283].

Современная русская лексикография располагает несколькими специальными словарями антонимов (*Введенская Л. А.* Словарь антонимов русского языка. Ростов н/Д, 1971; 2-е изд.—1982; *Колесников Н. П.* Словарь антонимов русского языка/Под ред. Н. М. Шанского. Тбилиси, 1972; *Львов М. Р.* Словарь антонимов русского языка/Под ред. Л. А. Новикова. М., 1978; 3-е изд.—1985); большой список антонимов содержится в монографии Л. А. Новикова [4, 268—288].

§ 6. Еще одним видом эквиполентных словесных оппозиций, привлекающим к себе внимание исследователей, являются паронимы. Эти оппозиции всегда бывают формально-семантическими и объединяют в себе однокоренные слова с частично сходными значениями, например: *побелить* — *побелеть*, *сытый* — *сытный*, *соседний* — *соседский*, *поменять* — *обменять*, *представить* — *предоставить*. В формальном плане сходство паронимов представлено единой корневой морфемой, а различие — аффиксальными морфемами. В своем значении паронимы обычно содержат какие-то общие семы, соотнесенные с корневой морфемой, ср.: *сытый* — '*насытившийся*' и *сытный* — '*способный насытить*', *белить* — '*делать белым*' и *белеть* — '*быть, становиться белым*', *соседний* — '*находящийся по соседству*' и *соседский* — '*принадлежащий тем, кто живет по соседству*'.

От паронимии следует отличать явление **парономазии**, которое проявляется в максимальном, но случайном с семантической точки зрения сходстве фонетических оболочек слова, например: *пытать* и *питать*, *родник* и *рудник*, *звание* и *знание* и под.

Исследование паронимов актуально прежде всего в аспекте культуры речи. Дело в том, что их формально-семантическая близость порождает речевые ошибки. Так, в речи можно встретить ошибочное употребление *представить* — '*показать, предъявить*' вместо глагола *предоставить* — '*дать возможность*', например: «*Разрешите представить слово...*» или «*Они были представлены самим себе*». Другой пример — употребление прилагательного *закоренелый* — '*неисправимый*' в значении и вместо слова *коренной* — '*исконный*': «*Я — закоренелая москвичка*».

В связи с этим возникает настоятельная потребность в нормативных словарях паронимов, и опыты таких словарей у нас имеются (*Колесников Н. П.* Словарь паронимов русского языка. Тбилиси, 1971; *Вишнякова О. В.* Словарь паронимов русского языка. М., 1984; и др.).

§ 7. Словесные оппозиции привативного типа, или гипонимические оппозиции, представляют собой очень важный для структуры лексической системы тип межсловных связей. В них находят свое выражение отношения рода и вида, представленные соответ-

ственно основным и маркированным членами таких оппозиций, ср.: *рабочий* — *металлург*, *двигаться* — *лететь*, *цветной* — *синий*. Каждое слово может входить в такие оппозиции как в качестве основного, так и в качестве маркированного, уточняющего члена. Например, глагол *достать* является маркированным членом, выражающим более частное понятие в оппозиции *взять* — *достать*, но в оппозиции *достать* — *вынуть* тот же глагол является основным членом, выражающим более общее понятие, уточняющееся с помощью глагола *вынуть*, выполняющего в этой оппозиции роль маркированного члена. Существительное *дети* является маркированным членом в оппозиции *родственники* — *дети* и основным в оппозиции *дети* — *сыновья*. Каждое слово с помощью привативных оппозиций уточняется как бы в двух направлениях: за счет соотносительности с более общим словом и за счет соотносительности с менее общим, конкретизирующим его словом. В этом отражаются закономерности человеческого мышления, в котором тенденция к обобщению органически сочетается с тенденцией к конкретизации мысли. Межсловные связи, реализующиеся в привативных семантических оппозициях, придают иерархический характер как отдельным группам слов, так и лексической системе в целом.

Формально-семантические оппозиции привативного типа представлены в парах слов, связанных отношениями производности, например: *куст* — *кустарник*, *куст* — *кустистый*, *куст* — *куститься*; *кусать* — *кусачки*, *кусать* — *кусаться*; *куча* — *кучный*, *куча* — *кучевой*, *кучный* — *кучно* и т. п. В рамках таких пар слова со стороны формальной всегда представляют собой привативную оппозицию: основа производящего слова повторяется в производном, где она дополняется, маркируется тем или иным аффиксом, ср.: ***куст*** — *куст-ист-ый*, ***бежать*** — *до-беж-ать*.

В большинстве случаев производное слово и в семантическом плане является маркированным, более содержательным по сравнению с производящим. В нем помимо тех семантических компонентов, которые манифестируются производящей основой и определяют семантическое сходство слов, связанных отношениями производности, как правило, есть и такие компоненты, которые специфичны для производного слова и отличают его от производящего, ср.: ***куст*** — 'древовидное растение, разветвляющееся от самого основания' и *кустарник* — 'заросли кустов' или *кустистый* — 'растущий кустом'. В таких случаях можно говорить о полной привативной оппозиции формально-семантического типа.

Но в силу тенденции к идиоматичности лексического значения слов в ряде случаев производные слова, оставаясь **привативно** связанными с производящими по своей форме, в семантическом плане изменяют характер своей соотносительности с производящими. В частности, при затемнении внутренней формы пары слов, этимологически связанных отношениями производности, превращаются в более или менее формальные оппозиции, например:

жить — жир, дать — дарование, лицо — личинка, рука — поручиться и т. п.

Особое место среди привативных оппозиций занимают слова, связанные отношениями стилистической **СИНОНИМИИ**. Такие оппозиции связывают нейтральные слова с их коннотативными дублерами, например: *лицо* — *рожа*, *лекарство* — *снадобье*, *обманывать* — *врать*, *ложь* — *враки*, *лечить* — *врачевать*, *обычный* — *всегдашний* и т. п. Вторые элементы в этих парах совпадают по понятийному значению с первыми, но отличаются от них наличием коннотативных компонентов, которые и создают их маркированность. Подробнее эти оппозиции будут рассмотрены в гл. XI.

Таковы наиболее известные типы словесных оппозиций. Следует отметить, что между разными типами этих оппозиций существуют зоны взаимодействия, что обуславливает известные трудности в их трактовке, исключая возможность однозначного их осмысления. Так, по-разному трактуются такие, например, оппозиции, как *птичий* — *птичный*, *бычий* — *бычий*, в которых как бы пересекаются признаки паронимов, однокоренных синонимов и вариантов слов. Варианты слов нередко могут иметь статус стилистических синонимов (ср.: *острый* — *вострый*, *шкаф* — *шкан*). Существуют глубинные связи между такими явлениями, как антонимы и синонимы, подробно рассмотренные в работах В. А. Ивановой [3] и А. А. Брагиной [2].

§ 8. Охарактеризованные выше словесные оппозиции имеют различную значимость прежде всего в структуре лексической системы. Одни из них, такие, как привативные, эквиполентные (в частности, антонимические), выполняют системообразующие функции. В них отражаются связи и отношения самой реальной действительности, преломленные в языковом сознании в соответствии с общими законами человеческого мышления. В антонимических оппозициях находят свое выражение явления противоположности вещей и понятий (*день* — *ночь*), в привативных семантических оппозициях — родо-видовые отношения (*месяц* — *январь*) и отношения *части* — целого (*сутки* — *ночь*), в эквиполентных — явления **соподчиненности** понятий (*январь* — *март* и другие названия месяцев).

Другие, такие, как омонимы, паронимы, варианты слов с точки зрения системы языка как знаковой системы не являются системообразующими. Они представляют собой побочный продукт развития языковой системы, противоречащий основным принципам ее организации, в частности идеальному закону однозначности знаков. Тем не менее они существуют во многих языках, в том числе и в русском, и могут даже находить свое специфическое применение в речи. Так, омонимы в речи могут быть использованы как средства создания каламбура, ср.: *У меня сегодня весь день в голове стреляет. — Сами виноваты, зачем завели в ней так много*

дичи. Каламбур построен на обыгрывании омонимов *дичь*¹ — 'дикие птицы и звери, мясо которых добывается на охоте' и *дичь*² — 'вздор — чепуха' на фоне многозначного глагола *стрелять*.

В качестве средств остроты (языковой игры) могут использоваться паронимы и паронимазы, ср.: *Не надо благородных поз, Сергей Петрович. Между **позой** и **позицией** нет ничего общего. А нам нужна **позиция*** (Г. Бокарев); *Победителей не судят. — Судят. И даже **с а д а т*** (Г. Бокарев).

Что касается абсолютных синонимов, то их значимость для лексической системы как системы номинативных единиц, предназначенных для **разного** обозначения **разных** понятий, тоже представляется незначительной. Но определить такую синонимию как явление случайное, малопродуктивное, попросту избыточное было бы неправильно. Всякая синонимия — это источник богатства. Абсолютная синонимия может породить стилистическую синонимию, а этот вид синонимии является особенно ярким проявлением богатства языка. Она дает возможность дифференцировать близкие понятия в ходе семантического размежевания. И наконец, главная функция любой синонимии — это обогащение средств речевой деятельности, обеспечение возможности выбора таких средств, которые наиболее функционально целесообразны в том или ином случае. Конечно, этот запас создается не только и не столько за счет абсолютной синонимии (синонимии в узком смысле слова), сколько за счет возможностей смыслового варьирования слов в речи, за счет синонимии в широком смысле слова, которая будет подробно рассмотрена в гл. VIII.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
2. Брагина А. А. Синонимы в литературном языке. М., 1986.
3. Иванова В. А. Антонимия в системе языка. Кишинев, 1982.
4. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке. М., 1973.
5. Рогожникова Р. П. Варианты слов в русском языке. М., 1966.

-
6. Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. 3-е изд. М., 1986.
 7. Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. 2-е изд. Ростов н/Д, 1982.
 8. Вишнякова О. В. Словарь паронимов русского языка. М., 1984.
 9. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка/Под ред. Л. А. Новикова. 3-е изд. М., 1985.
 10. Словарь синонимов русского языка/Под ред. А. П. Евгеньевой: В 2 т. Л., 1970—1971.
 11. Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка: Словарь-справочник/Сост. Ю. А. Бельчиков, М. С. Панюшева. М., 1968.

Глава V. КЛАССЫ СЛОВ

КАК ЯВЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМАТИКИ

§ 1. Формальные и семантические классы слов. § 2. Грамматические и лексико-семантические классы слов. § 3. Лексико-семантические группы слов как важнейший для лексической системы тип классов. § 4. Части речи и лексико-семантические классы слов. § 5. Словарный состав как система пересекающихся классов слов.

Из рассмотрения типов словесных оппозиций, представленных в предыдущей главе, становится ясно, что каждое слово связано разнообразными отношениями с сотнями слов непосредственно и тысячами слов (вплоть до словаря в целом) опосредованно. Главным типом отношений являются при этом семантические, которые в той или иной мере дублируются формальными сходством и различиями. С учетом тех связей, которые проявляются в рамках словесных оппозиций (представляющих элементарный вид лексической парадигматики), словарный состав предстает перед нами как сложная и многослойная сеть, образуемая пересекающимися связями отдельных слов друг с другом. Такое сложное переплетение слов и их соотношений трудно было бы интерпретировать в качестве системы, если бы не существовал иной, более важный, чем словесные оппозиции, тип лексической парадигматики, каковым являются классы слов.

Классы слов — это максимальные формы проявления лексической парадигматики. Классы существуют в виде более или менее широких объединений слов, представляющих собой словесные парадигмы, более объемные и более сложные, чем словесные оппозиции, которые входят в такие парадигмы в качестве составных частей. В основе любого объединения (класса) слов лежит принцип сходства слов по каким-либо общим компонентам. Типы классов слов чрезвычайно разнообразны и взаимосвязаны.

§ 1. Классы слов могут быть охарактеризованы в зависимости от того, какие компоненты — формальные или семантические — являются общими для слов, объединенных в данном классе. С этой точки зрения можно выделить три типа классов слов: формальный, формально-семантический и семантический.

Формальный класс объединяет в себе слова, сходные по аффиксальным морфемам, за которыми не скрыто никаких общих семантических признаков, например глаголы, относящиеся к одному типу спряжения, существительные одного типа склонения. Так же может быть интерпретирован класс существительных среднего рода, поскольку эти существительные не имеют общих семантических характеристик, за исключением отрицательного признака: среди них нет личных существительных. С известными оговорками к формальному классу можно отнести и все однопри-

ставочные глаголы или все глаголы с постфиксом *-ся*, поскольку единого семантического признака у таких глаголов нет. Семантически возвратные глаголы очень разнообразны, при этом только часть из них может быть объединена по общности функции частицы *-ся* в некоторые подгруппы, большинство же их несводимо к таким группам в силу уникальности значения постфикса или полной его асемантичности (ср.: *смеяться, бояться, улыбаться* и под.)

Среди глаголов с одной и той же приставкой также можно выделить ряд подгрупп, объединяющих глаголы с одинаковым значением приставки, но при этом всегда имеется «остаток» — такие глаголы, в которых приставка имеет только грамматическое значение или вообще не осмысливается. Так, глаголы *выбежать, вынести, вывести, выбросить, вырыть* и под. образуют парадигматическую группировку на основе общности значения приставки ('направленность изнутри'), глаголы *выиграть, выхлопотать, вымолить* и под. также могут быть объединены по значению приставки ('получение чего-либо'). Глаголы *вырасти, выбрить, выявить, вызубрить* и под. представляют собой формальный ряд глагольных форм совершенного вида, образованных с помощью приставки *вы-*. Функционально эта приставка в глаголах аналогична другим приставкам такого типа, выступающим в других глаголах (*сделать, написать* и т. п.).

Наиболее типичными для языка являются формально-семантические **классы** слов. Они представляют собой совокупность слов, сходных как по форме, так и по значению. Сюда можно отнести части речи, гнезда однокоренных слов (*нести, носить, занести, отнести, носильщик, ноша, перенос, переносный* и т. п.), группы слов, образованных по одной словообразовательной модели (ср.: *читатель, писатель, мечтатель, учитель, воспитатель, соискатель* и т. п.).

Чисто семантические **классы** в языке встречаются редко. Они могут быть представлены синонимическими рядами слов, не имеющих формального (морфемного) сходства, например: *украсть — воровать — похищать — стянуть — стащить* или *блестеть — сверкать — сиять — гореть*.

Классы слов, имеющих регулярное формальное сходство (словообразовательные и грамматические парадигмы), являются предметом специального рассмотрения традиционной морфологии. В лексикологии нас интересуют прежде всего парадигмы — классы слов, сходных по семантике. Семантика слова, как известно, определяется факторами внелингвистическими (реальный мир и отражающее его человеческое сознание) и внутрилингвистическими. Классы слов соответственно могут выявляться либо на основании критериев чисто внелингвистических, либо с опорой на лингвистические признаки слов.

В первом случае, когда в основу объединения слов кладется реальная сущность явлений, обозначаемых словами, мы имеем

дело с семантическим **полем**, которое «должно иметь определенное соответствие в структуре мышления носителя языка» [4, 175]. Границы таких полей принципиально лишены четкости, в них представлены слова различных частей речи, которые могут быть связаны прямыми оппозициями, а могут соотноситься только ассоциативно. Рассмотрим в качестве примера состав поля «болезнь», представленного в Приложении к работе Ю. Н. Караулова «Общая и русская идеография». В него включены существительные (*болезнь, ангина, кровь, орган, операция, здоровье* и др.), глаголы (*болеть, ломать, кашлять, ослаблять, лежать* и др.), прилагательные (*внутренний, вредный, нервный, медицинский* и др.) — всего 52 слова. Среди них представлены слова, связанные прямыми привативными оппозициями, например: *болезнь — грипп, болезнь — простужаться, средство — покой*, но во многих случаях связь отдельных элементов поля оказывается не прямой и только вероятной, ср.: *разбивать, тревога, старость, плохой, забота, лежать, поддерживать*. Такой состав вполне согласуется с тем определением семантического поля, которое дается Ю. Н. Карауловым и в котором подчеркивается связь семантического поля с тематическими, понятийными и ассоциативными полями, имеющими по преимуществу внелингвистическую природу.

Имеются и другие определения семантических полей. В одних из них дается максимальный, даже избыточный перечень признаков семантического поля (обширность, смысловая аттракция¹, а не бинарное противопоставление, целостность, упорядоченность, взаимоопределяемость элементов, полнота, произвольность и размытость границ, непрерывность) [3, 127], в других подчеркивается включение в поле слов различных частей речи [7, 49], в третьих — связь с одной и той же темой.

Известной неопределенностью отличается также характеристика классов слов, получивших название **тематических групп**. В такие группы объединяются обычно имена существительные с конкретно-предметными значениями, например названия частей человеческого тела, названия населенных пунктов, названия транспортных средств, домашних животных и т. п. Единство элементов тематических групп определяется прежде всего денотативным фактором, общностью самих явлений. Семантические связи между словами в рамках таких групп довольно разнообразны: часть и целое (*щека — лицо*), функциональные связи предметов (*поезд — рельсы*), а также родо-видовые отношения (*скот — корова*), но исчислимы и могут быть интерпретированы в терминах словесных оппозиций. Другими словами, «группы слов, выделяемых на основании предметно-логической общности, во многих случаях характеризуются и некоторыми общими для них собственно языковыми признаками, иначе говоря,

¹ *Аттракция* — то же, что выравнивание по смежности, т. е. изменение формы в сторону большего сходства с другими формами парадигмы

многие тематические группы слов оказываются при ближайшем рассмотрении также и лексико-семантическими группами, если применять данное обозначение к тем разрядам лексики, которые могут быть отграничены на основании определенных языковых показателей» [9, 103—104].

§ 2. К классам слов, которые могут быть охарактеризованы как имеющие «определенные языковые показатели», можно отнести части речи, лексико-грамматические разряды, лексико-семантические группы и синонимические ряды. Они могут быть охарактеризованы в одном ряду прежде всего потому, что в основе их лежит сходство слов по семантическим компонентам их значений. Различаются они в зависимости от количества и качества сем, лежащих в основе этих классов, являющихся общими для всех слов, входящих в данный класс.

Самыми широкими классами слов являются части речи. Они объединяют в себе слова, сходство которых минимально, т. е. в значениях этих слов есть лишь одна общая сема категориально-грамматического характера: 'предметность' в именах существительных, 'действие' в глаголах, 'признак предмета' в значениях имен прилагательных. Перечисленные семы повторяются в тысячах русских слов, что определяет максимальную широту грамматических классов.

Слова каждой части речи характеризуются регулярным формальным сходством, связанным с определенными способами выявления в морфемной структуре слов общих и частных грамматических значений. Содержание грамматических значений и способы их выражения в рамках отдельных частей речи составляют основной предмет морфологии, одного из самых традиционных разделов языкознания.

Внутри частей речи существуют классы слов лексико-грамматического характера — **р а з р я д ы**, например качественные и относительные прилагательные, переходные и непереходные глаголы, собственные и нарицательные существительные и т. п. Основой объединения слов в разряды являются не только категориально-грамматические семы, но и уточняющие их лексико-грамматические семы, которые, как правило, не имеют формальных показателей в морфемной структуре слов. Например, прилагательные *горячий* и *висячий*, *плавный* и *горный*, *крепкий* и *ковкий* сходны по своей морфемной структуре, поскольку в их основах представлены одни и те же суффиксы *-яч-*, *-н-*, *-к-*, но **внутри** пар они семантически противопоставлены по семам 'качественность' и 'относительность', которые уточняют категориально-грамматическую сему 'признак предмета' и относят соответствующие прилагательные к разным лексико-грамматическим разрядам. Не имея различий в своей морфемной структуре, слова, относящиеся к одному разряду, тем не менее характеризуются определенными грамматическими различиями. Так, парадигма

переходных глаголов шире, чем парадигма непереходных за счет наличия у первых форм страдательного залога. Парадигма качественных прилагательных отличается от парадигмы относительных наличием форм сравнительной степени.

§ 3. Самым важным с точки зрения лексической системы типом классов слов являются лексико-семантические группы (ЛСГ). Они объединяют в себе слова одной части речи, в которых помимо общих грамматических сем имеется как минимум еще одна общая сема — категориально-лексическая (архисема, классема). Такие семы занимают в семантике слов как бы промежуточное положение между грамматическими семами, уточнителями которых они являются, и всеми другими лексическими семами, служащими для уточнения их самих. Например, в значении глагола *идти* есть грамматические семы 'действие', 'непереходность' и категориально-лексическая сема 'перемещение'. От нее зависят, ее уточняют дифференциальные семы 'с помощью ног', 'по твердой поверхности'. В значении слова *стул* грамматическая сема '**предмет**' уточняется с помощью категориально-лексической семы 'мебель', которой подчинены в качестве ее уточнителей такие семы, как 'предназначенный для сидения', 'имеющий спинку'. Категориально-лексические семы имеют достаточно общий характер и в этом сближаются с грамматическими семами, но их существо отличает от последних то, что они не имеют специальных формальных средств своего выражения. Эти особенности категориально-лексических сем дают основание относить их к сфере так называемой «скрытой грамматики». Такие категориально-лексические семы лежат в основе отдельных лексико-семантических групп, примерами которых могут быть: глаголы мышления (*думать, размышлять, вспоминать, представлять, обдумывать, мечтать, предполагать* и многие другие), прилагательные, обозначающие вкус (*горький, кислый, сладкий, соленый, пряный, пресный, терпкий* и др.), существительные со значением мебели (*стол, стул, кровать, диван, кресло, табурет, шкаф* и т. п.).

Внутри лексико-семантической группы могут быть выделены подгруппы (подпарадигмы), в которых слова объединены не только категориальной семой, но одной и той же, общей для них дифференциальной семой. Например, в ЛСГ глаголов приобщения объекта в качестве такой подгруппы может быть интерпретирован ряд глаголов с дифференциальной семой 'местонахождение объекта'. В значениях этих глаголов имеется указание на то, где находится приобщаемый объект, например: *вынуть* — 'взять и з н у т р и', *вырвать* — 'извлечь **откуда-либо**', *достать* — 'взять **откуда-либо**', *вытащить* — 'извлечь **откуда-либо**', *заимствовать* — 'взять **откуда-либо**', *зачерпнуть* — 'взять, черпая **откуда-либо**', *откопать* — 'извлечь **из-под чего-либо**', *поднять* — 'взять с **земли, с пола**', *снять* — 'взять **сверху**', *черпать* — 'брать **снизу, из глубины**'.

Такого же типа подгруппа может быть выделена по наличию семьи 'усилие', как средства осуществления приобщения, в нее войдут глаголы *овладеть* — 'взять, **силой**', *добыть* — 'приобрести с **трудом**', *захватить* — 'взять **силой**', *отобрать*, *отнять* — с одним значением 'взять у кого-либо **силой**', *выпросить* — 'получить в результате **усиленных** просьб', *выхлопотать* — 'получить в результате **усиленных** хлопот' и под.

В ЛСГ глаголов перемещения такие подгруппы могут быть представлены глаголами с семей 'удаление' (*уйти*, *унести*, *откочевать*, *отплыть*, *уплыть*, *отогнать* и т. п.), глаголами с дифференциальной семей 'с помощью ног' (*идти*, *ходить*, *бежать*, *плестись*, *маршировать*, *топать*, *вести*, *шагать*, *отпрыгнуть* и т. п.). В группе существительных со значением мебели тоже могут быть выявлены определенные, обычно небольшие подгруппы, например существительные с дифференциальной семей 'вместилище' (*шкаф*, *шифоньер*, *сервант*, *стеллаж*, *секретер*, *тумбочка*).

При этом каждое слово может входить в несколько подгрупп в зависимости от характера и количества его дифференциальных сем и объединяться в них с разными словами. Глагол *перебрать* — 'разбирая одно за другим, пересмотреть все, многое', с одной стороны, по семе 'конкретное орудие' сближается с глаголами *взять*, *вынуть*, *схватить*, *поддеть*, *черпать*, *удить*, в значении которых имеется указание на какое-либо конкретное орудие, с помощью которого осуществляется приобщение объекта (рука, вилка, удочка и под.). С другой стороны, тот же глагол *перебрать* входит в подгруппу глаголов с дифференциальной семей 'количество объекта' (*набрать*, *скупить*, *наловить*, ***разобрать***, *нажить*, *переловить*, *скопить* и т. п.)

Образцы расчленения лексико-семантических объединений на все более мелкие подгруппы даны в работе А. И. Шрамма¹, посвященной системному описанию имен прилагательных. Все «эмпирические» прилагательные, которые обозначают признаки, воспринимаемые органами чувств, автор делит на семь родовых групп. В первой из них объединяются прилагательные со значением зрительно воспринимаемых признаков (*черный*, *усатый*, *пологий* и др.). В рамках этой группы выделены три видовые группы, одна из которых представлена прилагательными, обозначающими свойства поверхности предмета (*гладкий*, *потный*). В видовых группах разграничиваются «подвидовые», а внутри них подгруппы, названные разрядами. Так, в подвидовой группе, обозначающей «свойства поверхности предмета, не обусловленные воздействием света», автор выделяет пять разрядов прилагательных по признакам 1) **ровности** — неровности (*гладкий* — *морщинистый*); 2) **наличия** — отсутствия на этой поверхности чего-либо (*голый*, *лысый*, *закоптелый*); 3) наличия следов от воздействия огня (*обгорелый*, *опаленный*); 4) наличия следов механического

¹ Шрамм А. И. Очерки по семантике качественных прилагательных Л., 1979

воздействия (*мятый, стертый*); 5) отражения на поверхности внутреннего строения предмета (*губчатый, щелеватый*).

Минимальные подпарадигмы, которые существуют в рамках отдельных ЛСГ, образуют ряды синонимов, т. е. слов-ономатем с идентичными значениями, например: *впадать — вливаться — втекать; извлечь — вынуть — вытащить; отнять — отобрать; государство — страна — держава*. Здесь имеются в виду абсолютные синонимы или номинативные варианты, в значениях которых представлены одинаковые наборы семантических компонентов.

Сопоставляя грамматические, лексико-грамматические, лексико-семантические группы (классы) слов, нетрудно заметить одну общую закономерность, регулирующую соотношение объемов этих классов с количеством общих признаков, составляющих их основу. Чем шире класс слов, тем меньше у слов, входящих в него, общих, обязательных сем; чем больше в словах таких общих сем, тем органичнее состав группы. В минимальных группах (синонимических рядах) представлен максимальный случай полного совпадения семного состава слов.

Другой общей закономерностью является единый иерархический принцип соотнесенности таких групп, который проявляется в том, что классы с меньшим объемом всегда составляют части классов слов большего объема.

§ 3. Итак, основным для лексической системы типом классов слов являются лексико-семантические группы. Будучи соотнесенными с определенным кругом сходных явлений в качестве их названий, слова одной группы объединяются не только этим внелингвистическим фактором. Они обладают рядом общих лингвистических характеристик.

Во-первых, основная парадигматическая особенность слов одной ЛСГ заключается в том, что в их значениях имеется единая категориально-лексическая сема. Эта сема составляет семантическую основу группы и в каждом отдельном слове уточняется с помощью дифференциальных сем. Например, в значении глагола *дубить* — 'обрабатывать кожу путем вымачивания в специальных растворах' можно выделить категориально-лексическую сему 'обработка' и дифференциальные семы: 'специализированный объект' (кожа), 'способ обработки' (вымачивание), 'средства' (раствор).

Очень важной характерной особенностью слов одной группы является то, что дифференциальные семы, уточняющие категориальную сему, оказываются в них однотипными, повторяющимися. Категориальная сема предполагает, «задает» не любые, а какие-то определенные аспекты своего уточнения. В рамках этих аспектов формируются типовые дифференциальные семы. В связи с этим в каждой отдельной лексико-семантической группе набор дифференциальных сем оказывается специфическим. Так, категориальная сема 'перемещение' в соответствующих глаголах уточняется в следующих аспектах: 'направление', 'средство перемеще-

ния', 'среда перемещения', 'участники перемещения', 'интенсивность' и некоторые другие. Аспект 'направление' представлен в значениях отдельных глаголов дифференциальными признаками: 'вверх' (*взбежать*, ***взлётеть***), 'внутри' (*войти*, *внести*, *влететь*), 'прочь' (*отплыть*, *отпрыгнуть*, *отбежать*) и т. п. К аспекту 'средство' относятся такие дифференциальные семы, как 'с помощью ног' (*идти*, *бежать*, *плыть*), 'с помощью транспортных средств' (*везти*, *ехать*), 'с помощью крыльев' (*лететь*, *порхать*) и т. п. Глаголы *идти*, *лететь*, *ползти*, с одной стороны, и *нести*, *вести*, *гнать* — с другой, противопоставлены в рамках аспекта 'участники перемещения' по семам 'субъектность' и 'субъектно-объектность'. Дифференциальные семы аспекта 'среда перемещения' реализованы в глаголах *лететь* ('по воздуху'), *плыть* ('по воде'), *ползти* ('по земле').

В существительных, обозначающих мебель, соответствующая категориальная сема может быть уточнена в аспектах: а) 'назначение', ср.: ***кровать*** — 'для лежания', ***шкаф*** — 'для помещения предметов'; б) 'особенности формы', ср.: *стол* — 'плоская поверхность на ножках', *шкаф* — 'прямоугольный ящик с дверцами'; в) 'качественные особенности', ср.: *кресло* — 'мягкое', *банкетка* — 'низкая' и т. д. О наличии в значении слов указанных признаков свидетельствуют словарные конкретизаторы, представленные в их развернутых определениях, из которых, в частности, были взяты ***намы*** приведенные выше характеристики.

Следует отметить, что в лексических значениях отдельных слов группы встречаются и не повторяющиеся в других семантических компоненты, которые можно определить как уникальные [5, 30—32], присутствующие в значении только одного слова и отражающие наиболее эмпирические признаки соответствующих явлений, например: компонент 'на французский манер' в значении глагола *грассировать* — '**произносить** звук «р» на французский манер' или компонент 'с крючками и колышками' в существительном *вешалка* — 'полка или стойка с крючками или колышками для вешания платья или головных уборов'.

Во-вторых, наличие однотипных, повторяющихся сем делает все слова в пределах группы связанными определенными оппозициями. Совокупность всех оппозиционных связей формирует внутреннюю парадигматическую структуру таких групп. Структура имеет иерархический **характер**, так как все элементы группы — слова — привативно связаны с базовым, опорным словом (архисемой).

Как показывает исследовательская практика, для большинства ЛСГ типично наличие базовых слов, которые олицетворяют семантическое единство группы и обладают в качестве таковых определенными свойствами. Как правило, они являются наиболее употребительными; так, глагол *брать* (*взять*), являющийся базовым для ЛСГ глаголов приобщения объекта, зафиксирован в 4227 фразах из 20 тысяч фраз¹, в которых передана ситуация

¹ Приведены данные исследований автора

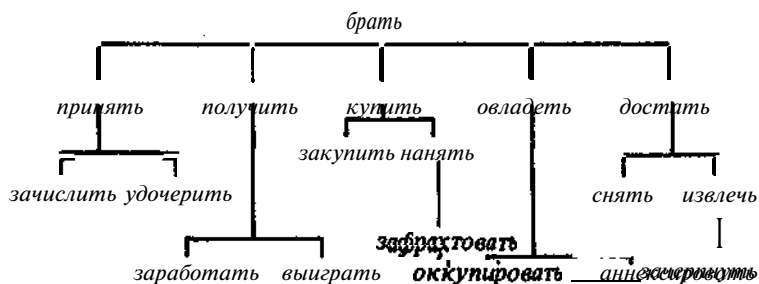
приобщения объекта. Это значительно превышает употребительность остальных глаголов данной группы.

Наиболее существенной характеристикой базовых единиц является специфика их значений, проявляющаяся в их обобщенности и малосодержательности. Так, в семной структуре основного значения глагола *брать (взять)*, выступающего в роли базового слова **лексико-семантической** группы глаголов приобщения объекта, помимо грамматических и лексико-грамматических сем, присутствует категориально-лексическая сема 'приобщение объекта' (цель действия) и дифференциальная сема 'с помощью руки' (способ действия). Когда мы осмысливаем этот глагол как базовый глагол указанной ЛСГ (по терминологии Ю. Н. Караулова — имя поля), то дифференциальный признак 'с помощью руки' становится несущественным, семантика глагола в целом становится более обобщенной, сводится, по существу, только к категориальной (грамматической и лексической). Именно в своем обобщенном значении ('получать в свое распоряжение, начать иметь') глагол *брать* функционирует в качестве опорного элемента всей группы глаголов приобщения объекта и используется в словарях как самый типичный идентификатор, ср.: *красть* — 'брать тайком', *нанимать* — 'брать для использования на какой-либо работе', *получать* — 'брать то, что дается...' и т. д.

С базовыми словами привативно связаны другие слова, более содержательные, но достаточно употребительные и многозначные. Для глагола *брать (взять)* такими ближайшими уточнителями являются глаголы *набрать* — 'взять определенное **количество**', *получить* — 'взять то, что выдается, направляется', *отнять* — 'взять у кого-либо силой', *достать* — 'взять откуда-либо', *купить* — 'взять за деньги', *менять* — 'взять одно взамен другого', *овладеть* — 'взять силой', *приобрести* — 'взять в свою собственность'. В значениях этих глаголов кроме категориальной семы 'приобщение' имеются дифференциальные семы, уточняющие понятие приобщения объекта в том или ином аспекте.

Указанные глаголы в рамках данной ЛСГ русских глаголов в свою очередь уточняются еще более содержательными глаголами, выступающими в роли маркированных элементов соответствующих привативных оппозиций. Примерами таких оппозиций могут быть: *принять* — *зачислить*, *получить* — *выиграть*, *достать* — *снять*, *купить* — *закупить*.

На этом иерархические цепочки привативно связанных слов не заканчиваются, в них включаются все более конкретные и специализированные обозначения действий приобщения. Ср.: *брать* — *получать* — *заработать* — *приработать*; *взять* — *принять* — *удочерить*; *брать* — *доставать* — *извлекать* — *черпать*; *взять* — *нанять* — *зафрахтовать* и т. п. Представим такую цепочку от глагола *брать* в виде схемы:

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что «чем ниже в классификационной структуре расположена та или иная лексема, тем более специфические, уникальные смысловые элементы определяют ее содержание» [5, 30].

Те же многоступенчатые цепочки привативно связанных слов встречаем мы в других ЛСГ, например в группе глаголов перемещения: *перемещаться* — *ходить* — *шагать* — *маршировать*; *лететь* — *взлететь* — *парить* — *порхать*; *ходить* — *бродить* — *слоняться* и т. п., или в группе существительных с семой 'мебель': *мебель* — *стул* — *кресло* — *качалка*; *табуретка* — *банкетка* и т. п.

Эти цепочки слов, последовательно связанных привативными оппозициями, придают внутренней структуре лексико-семантических групп слов вид многоступенчатой иерархической системы. При этом такого типа связи слов являются важнейшими и для структуры лексической системы в целом. Слова с более общими значениями и слова со значениями более конкретными существуют во взаимном единстве, уточняя друг друга. «Без опорных слов не была бы выражена общая семантическая идея лексико-семантической группы, а без производных она была бы обеднена», — указывает Ф. П. Филин [8, 238], понимая под производностью слов прежде всего их семантическую зависимость от основных, более общих по значению лексических единиц.

Связями привативного типа парадигматические отношения в рамках групп не исчерпываются. В них широко представлены оппозиции эквиолентного типа, что определяется наличием в семантике единиц одной группы общей категориальной семы и повторяющихся дифференциальных. Оппозиции эквиолентного типа являются производными от привативных, их образуют слова, привативно связанные с одними и теми же более общими единицами. Например, глаголы *достать* и *набрать* привативно связаны с глаголом *брать* (*доставать* — 'брать откуда-либо' и *набирать* — 'брать определенное количество'), между ними существуют эквиолентные отношения. Основание оппозиции — категориальная сема 'приобретение', дифференциальные семы: 'откуда-либо' — в глаголе *достать* и 'определенное количество' — в глаго-

ле *набрать*. Можно привести еще примеры такого рода оппозиций, существующих в той же группе: *вдохнуть* — *всосать* (при общем компоненте 'вобрать'), ***снять*** — *вынуть* (при общем 'достать'), *зафрахтовать* — *арендовать* (при общем 'нанять'), *удочерить* — *усыновить* (при общем 'принять в семью') и т. д.

Семантическая соотнесенность слов одной и той же ЛСГ зачастую сопровождается формальным (морфемным) сходством. В семантических группах существуют типичные корневые морфемы, представленные в целом ряде слов. Для глаголов приобщения такими морфемами являются корень *-бр-/-бер-/-бир-* (*забрать, отобрать, подобрать, набрать, вобрать* и др.) и корень *-ня-/-ним-* (*нанять, отнять, снять, поднять, принять* и др.).

Достаточно часто слова одной группы оказываются сходными по словообразовательным формантам, поскольку в рамках таких групп реализуются какие-то определенные словообразовательные модели/Например, большинство глаголов соединения образованы с помощью приставки *с-*: *собрать, соединить, сшить, склеить, связать, сколотить* и др. В семантической группе имен существительных, обозначающих орудия действия, выделяется отглагольная модель с суффиксом *-л-*: *сверло, зубило, точило, опахало* и т. п. Наличие морфемного сходства у слов одной группы приводит к **гому**, что многие из них связаны друг с другом не только семантически, но и формально-семантически.

В-третьих, сходство слов, относящихся к одной лексико-семантической группе, проявляется в однотипности их синтагматических характеристик. Наличие общих семантических компонентов в содержании лексических значений слов предопределяет способы их функционирования в составе предложений — единиц вышележащего уровня. Типичность функционирования создает единообразие **синтагматических** свойств слов сходной семантики. Особенно ярко это проявляется в сфере глагольной лексики.

Характеризуя глагол как часть речи, объединяющую слова с категориально-грамматической семьей '**действие**', мы обязательно указываем и на его синтагматические свойства, которые проявляются в синтаксических функциях и в правилах сочетаемости. Основная функция глагола в предложении — это функция сказуемого, основной тип словосочетательных связей — с зависимым существительным и зависимым наречием.

В значениях глаголов, относящихся к одной ЛСГ, имеется не менее трех общих сем: категориально-грамматическая, разрядная (лексико-грамматическая) и категориально-лексическая. Соответственно их синтагматическое сходство проявляется в еще более конкретных формах. При характеристике синтаксических функций таких глаголов мало указать на роль сказуемого, необходимо уточнить, в каких семантических моделях предложений они выступают, например: глаголы речи — в предложениях, обозначающих ситуацию речи; глаголы перемещения — в предложениях, обозначающих движение в пространстве. Указание на семантику предло-

жений необходимо дополнять при этом перечнем тех позиций, которые непосредственно связаны с глаголом-предикатом и которые служат для уточнения его значения. Совокупность этих позиций составляет общую характеристику моделей предложений с глаголами определенной семантики, относящимися к одной ЛСГ. Семантические модели глагольных предложений, таким образом, соотнесены с определенными семантическими группами глаголов.

Так, глаголы приобщения объекта помимо синтаксических признаков, общих для всех глаголов (функция сказуемого, способность управлять существительными), и синтаксических признаков, общих для всех переходных глаголов (обязательное наличие прямого дополнения), обладают еще специфическими синтагматическими свойствами: во-первых, эти глаголы выполняют функцию сказуемого в предложениях, содержащих в себе информацию о ситуации приобщения объекта; во-вторых, они обладают типовой сочетаемостью. В контексте этих глаголов типичны существительные, обозначающие: местонахождение объекта (*взять со стола, с полки; получить в деканате, в библиотеке; купить в магазине* и т. п.); лиц, владеющих объектом (*взять у приятеля, приобрести у соседа* и т. п.); компенсирующий объект (*купить за десять рублей* и т. п.); орудия действия (*взять рукой, зачерпнуть ложкой* и т. п.).

В сфере имен существительных в рамках определенных семантических групп также проявляется специфика синтаксических признаков (типовая сочетаемость и типовое **функционирование**). Так, существительные, называющие орудия действия, чаще всего функционируют в роли дополнений с орудийным значением (*забить молотком, поддеть на вилку, вскопать лопатой* и т. п.). В их контексте, очевидно, наиболее типичны глаголы, обозначающие определенные способы конкретного воздействия на объект с помощью орудия; определениями при таких существительных могут быть прилагательные соответствующей семантики (*хороший, удобный, острый нож*, но не «*сладкий*» или «*злой*» *нож*).

При этом набор типовых позиций контекста обычно в той или иной степени соотнесен с набором дифференциальных признаков, типичных для слов данной лексико-семантической группы. Так, способы уточнения действия 'приобщения объекта' с помощью дифференциальных сем, выявленных на парадигматическом уровне, совпадают с типовыми позициями контекста глаголов приобщения объекта на синтагматическом уровне. Признак 'орудия', например, присутствует в качестве дифференциальной семы в значениях глаголов *взять, черпать, удить, заарканить*, этот же признак является содержанием соответствующих контекстных партнеров наших глаголов, ср.: *ловить удочкой, зачерпнуть ложкой, взять в руки* и т. п.

В-четвертых, сходство слов, принадлежащих к одной ЛСГ, проявляется на уровне их вторичных связей, в сфере вариантных отношений. Прежде всего это сходство выражено в явлении

регулярной многозначности, которая представлена тем, что у слов, семантически сходных по основным значениям, развиваются одинаковые вторичные значения. Например, для многих глаголов соединения (*связать, сшить, склеить* и др.) характерно наличие вторичного значения созидания (*связать кофту, склеить конверт, сшить платье*).

Семантическое варьирование глаголов определенных семантических групп как бы ограничено рамками каких-то типовых значений, и это вполне объяснимо. Такие глаголы обозначают однотипные ситуации, выступают в предложениях однотипной структуры, обладают однотипной сочетаемостью. Сходство компонентного состава значений, однотипность условий синтаксической реализации предопределяют развитие в глаголах одинаковых семантических вариантов, представляющих вторичные значения. Так, например, значение 'приобрести за деньги' может быть выражено не только глаголом *купить*, для которого это значение является основным, но и рядом других глаголов той же семантической группы приобщения объекта, в которых данное значение является неосновным, порой даже окказиональным, ср.: *Захожу в булочную взять хлеб; Туески эти берут за любую цену; Автофургон подвез продукты, и люди без суеты и суетоки получили хлеб, колбасу, сахар; Он отправился в магазин приобретать новые погоны*.

Регулярная многозначность имеет своей естественной оборотной стороной регулярную синонимичность слов одной семантической группы. Так, базовый для ЛСГ приобщения объекта глагол *брать* связан синонимическими отношениями (на уровне вторичных значений) со многими глаголами той же группы, ср.: *взять (взыскать) налог, взять (захватить) с собой запасные вилы, взять (заимствовать) выражение, взять (извлечь) из шкафа, надо взять (набрать) воды, взял (поднял) на руки, его взяли (приняли) на завод* и т. д.

Слова одной лексико-семантической группы как бы пересекаются друг с другом на уровне своих вторичных значений, становятся функционально-эквивалентными. Явление функциональной эквивалентности слов характерно для всей лексической системы, но в рамках лексико-семантических групп оно дает себя знать с особой силой, и потому может быть признано наряду с явлением регулярной многозначности в качестве одной из существенных особенностей этих групп.

В целом парадигматическая структура лексико-семантических групп имеет так называемый «полевой» характер. Центр «поля» представлен наиболее употребительными, наиболее многозначными, наиболее общими по своим основным значениям словами, которые окружены более конкретными и менее употребительными. Чем более специализированным является значение слова, тем реже оно используется, тем более тяготеет к периферии. К периферии относятся также все слова, имеющие стилистическую марки-

рованность, а также слова, которые «втягиваются» в сферу группы из других семантических групп.

§ 4. Завершая обзор классов слов, необходимо обратить внимание на то, что, хотя в основе их лежит один и тот же принцип сходства компонентов, они имеют существенные различия, в частности это относится к грамматическим и лексико-семантическим классам.

Грамматические слова в качестве элементов одного грамматического класса, по существу, являются адекватными друг другу и противопоставлены только единицам других грамматических классов. Это находит свое выражение в одинаковом и регулярном оформлении. Грамматические слова — это не реальные слова в полном объеме содержания, а абстрактные «конструкты», отвлеченные от более конкретных (вещественных) частей содержания, представленных лексическими семами.

Лексические слова — это слова в полном объеме содержания. В рамках лексико-семантических групп они обязательно **противопоставлены** друг другу. Их противопоставленность есть необходимое условие существования языка как знаковой системы.

Грамматические классы и лексико-семантические группы отличаются также характером взаимосвязей элементов одного с элементами других, аналогичных объединений слов. Слова разных частей речи пересекаются друг с другом в сфере синтаксических функций; например, прилагательные, выступая в основном в роли определений, используются в составе сказуемого, сближаясь с глаголами. Имя существительное кроме основных функций подлежащего и дополнения может выполнять обстоятельственные функции, сближающие его с наречием. Широки и разнообразны словообразовательные связи слов разных частей речи, но все они подчинены общим закономерностям системы словообразовательных моделей. Особой формой взаимосвязей грамматических классов слов являются так называемые **«гибридные»** формы, примером которых могут быть причастия, обладающие признаками глагола и прилагательного.

Что касается лексико-семантических групп, то для них пересечение **друг** с другом составляет одну из характернейших особенностей существования и имеет две основные формы своего проявления.

Во-первых, одно и то же слово (в одном и том же значении) может быть включено в разные ЛСГ по разным семантическим компонентам. На это мы уже указывали в связи с характеристикой глагола *переплести* (с. 74). Особо хотелось бы выделить такие слова, в семантике которых присутствуют две категориально-лексические семы, и потому их тяготение к двум различным ЛСГ как бы запрограммировано их семантикой, например глаголы «сложного действия». Они обозначают комплекс действий, органически связанных между собой отношениями причинно-

следственного, условного или временного характера. Отмеченная особенность их семантики находит свое отражение в их словарных толкованиях. Такие глаголы толкуются либо с помощью двух идентификаторов, имеющих разные категориально-лексические семы [например, при толковании основных значений глаголов *вынуть*, *вырезать*, *вытащить*, *выхватить* в МАСе используется двойная идентификация — глаголы *извлечь* и *удалить*. Эти идентификаторы отражают две разные категориально-лексические семы 'действия' и 'перемещения', по наличию которых указанные глаголы могут быть отнесены к двум разным группам], либо с помощью деепричастных словарных конкретизаторов [например, *прожевать* — 'жуя, доест до конца' или *отломить* — 'ломаю, отделить'. Толкуемые таким образом глаголы, как правило, тяготеют одновременно к разным группам: *прожевать* — к ЛСГ 'физического воздействия' и 'питания', *отломить* — к ЛСГ 'отделения' и 'разрушения'].

Во-вторых, наиболее широко разные лексико-семантические группы взаимодействуют на уровне вторичных значений. Так, очень широко включаются в периферийную сферу ЛСГ глаголов приобщения объекта в своих вторичных значениях глаголы перемещения: *Враг гребет [захватывает] богатства невероятные* (Д. Еремин); глаголы удаления: *Он стал совладельцем фирмы., выкачивал [добывал] нефть* (Д. Еремин); глаголы отделения: *Три раза поднимали людей в атаку, хотели ~~станци~~отбить [захватить]* (А. Чаковский); глаголы сильного физического воздействия на объект с целью извлечения из него того, что заключено внутри: *Материалы для своего «Бюллетеня» буквально выколачивал [добывал] у каждого* (М. Колесников); и даже антонимичные по своим основным значениям глаголы давания: *Вкладывая миллионы в какого-либо политика, толстосумы рассчитывают с лихвой вернуть их [получить обратно]* (В. Зорин). В этом проявляется действие центробежных сил в рамках той или иной ЛСГ, которые обуславливают широкое включение в ее периферийную часть глаголов из других групп в их неосновных, вторичных значениях.

Одновременно действует и противоположная, центробежная сила, которая приводит к тому, что у слов одной ЛСГ развиваются значения, выводящие их за пределы данной группы и включающие в другие. Так, глаголы приобщения объекта в своих вторичных значениях функционируют в качестве периферийных элементов других ЛСГ; например, глаголы *брать* и *забрать* в значении 'принять определенное направление' (*Дорога здесь резко брала [забрала] влево*) относятся к ЛСГ 'направления', а в значении 'овладеть мыслями, **чувствами**' те же глаголы относятся к ЛСГ 'состояния человека' (*Иной раз страх такой берет [забирает]*).

Аналогом этого явления на грамматическом уровне можно считать переход слов из одной части речи в другую. Но если такие явления, как субстантивация (переход прилагательных в **сущес-**

твительные) или адъективация (переход причастий в прилагательные), представляют собой факты частного порядка, известное отклонение от основного закона противопоставленности единиц разных грамматических классов, то в сфере лексической взаимопереход слов из одной лексико-семантической группы в другую, точнее — одновременная принадлежность слов к нескольким разным группам, является нормой существования.

Несмотря на указанные различия, части речи и лексико-семантические группы слов органически связаны друг с другом. Лексическая система языка — это не просто совокупность лексико-семантических групп, а прежде всего система частей речи, внутри которых существуют разнообразные лексико-семантические группировки.

§ 5. Все типы классов слов, рассмотренные выше, так же как и те, которые не вошли в поле нашего зрения, образуют сложную сферу лексической парадигматики, и каждый из этих классов слов может рассматриваться как частное, видовое проявление категории семантических **парадигм**. Сложность и многослойность таких парадигматических объединений в рамках лексической системы языка были охарактеризованы в свое время В. В. Виноградовым. «Смысловые явления («значения») в языке образуют внутренне связанные ряды, основанные на общем элементе или признаке, и прежде всего соотносятся внутри этих рядов. Эти ряды — в свою очередь и следуя тому же принципу — являются членами рядов высшего порядка и так далее. Само собой разумеется, что «все эти ряды» не только соотносительны, но и взаимосвязаны и взаимозависимы» [2, 296].

В свете такой характеристики лексическую систему следует представлять не как сеть оппозиционных связей отдельных слов, а как сложное взаимодействие словесных групп и рядов. Значимость каждого отдельного слова может быть выявлена только с учетом всех его «вхождений» в те или иные классы слов. Проиллюстрируем это на примере связей глагола *набрать* с различными типами парадигм (классов).

Прежде всего этот глагол входит в грамматический класс глаголов, затем — в лексико-грамматический разряд переходных глаголов по наличию в значении семы 'переходности'. Чисто формально он связан с глаголами *драть* и *звать*, представляющими особый подтип первого непродуктивного класса глаголов, а также со всеми глаголами, имеющими в своей основе приставку *на-*: *нагнуть*, *набрести*, *набухнуть*, *набросать* и др. Класс одноприставочных глаголов семантически неоднороден, и внутри него *набрать* объединяется, во-первых, с глаголами, в которых приставка манифестирует значение 'накопительного' способа действия: *налить*, *набраковать*, *насажать* и др. Во-вторых, этот глагол связан с глаголами, относящимися к одному словообразовательному типу со значением 'постепенно накопиться в опреде-

ленном количестве'. По категориально-лексической семе глагол *набрать* входит в лексико-семантическую группу глаголов приобщения объекта, объединяясь в нем с глаголами *брать*, *покупать*, *приобретать*, *ловить*, *добывать* и др. Внутри лексико-семантической группы он входит в подгруппу, объединяющую глаголы, в которых имеется сема 'количество приобщаемого объекта': *накупить*, *черпать*, *копить*, *наменять*, *намолотить*, *переловить*, *разобрать*. Большинство этих глаголов сходно с глаголом *набрать* и по морфемной структуре, поскольку в них имеется приставка *на-*. Такие глаголы образуют своеобразную формально-семантическую подгруппу внутри указанной семантической группировки. В ней можно, в свою очередь, разграничить два ряда глаголов: в одних глаголах приставка *на-* манифестирует только сему 'количество объекта' (*набрать*, *накупить*, *наловить*), в других она является, кроме того, средством выражения категориально-лексической семы 'приобщение объекта', поскольку соответствующие производящие глаголы этой семы в себе не содержат (*намолотить*, *настрелять*, *натопить*).

В качестве еще одного класса, в который входит глагол *набрать*, можно рассматривать все глаголы, объединенные общностью корня: *забрать*, *добрать*, *прибрать*, *отобрать*, *перебрать* и т. д. В большинстве своем эти глаголы относятся к лексико-семантической группе приобщения объекта, но часть из них, те, что имеют категориально-лексические семы иного характера, выходят за рамки указанной группы в своих современных основных значениях, ср.: *собрать*, *убрать*, *прибрать*.

Кроме того, следует иметь в виду и то, что в своих вторичных значениях глагол *набрать*, утрачивая сему 'приобщение объекта', может входить в периферийные сферы других лексико-семантических групп. Таковым, в частности, для глагола *набрать* является значение 'напечатать': *Объявление было набрано жирным шрифтом*.

В свете тех результатов, которые получены в ходе описания различных явлений лексической парадигматики, лексическую систему можно представить как единство «незамкнутых и многократно пересекающихся семантических группировок, любые две из которых связаны, как и отражаемый ими мир вещей, процессов и идей, непрерывной цепью посредствующих семантических звеньев, независимо от того, насколько далеко друг от друга отстоят в семантическом пространстве языка эти группировки» [/, 255]. Важным следствием таких характеристик лексической системы языка, как непрерывность, пересекаемость и взаимодействие словесных парадигм, составляющих ее, является допустимость и даже неизбежность неоднозначной интерпретации ее внутренней структуры. «Сложность лексической системы языка объясняет возможность существования разных моделей, различного членения и выделения разных группировок в одном и том же материале» [6, 89]. При этом возможность неоднозначной интерпретации

структуры лексической системы языка — это не свидетельство нереальности этой структуры, но лишь «следствие недостаточной разработанности в языкознании приемов описания подобных объектов» [4, 275].

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка, М., 1974.
2. Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях//Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 295—312.
3. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980.
4. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
5. Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984.
7. Степанова Г. В., Шрам А. Н. Введение в семасиологию русского языка. Калининград, 1980.
8. Филін Ф. П. О лексико-семантических группах слов//Очерки по теории языкознания. М., 1982. С. 227—239.
9. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики М., 1973.

Глава VI. СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКSIKE

§ 1. Слово-синтагма и его смысл. § 2. Основной закон сочетаемости слов. § 3. Компонентный анализ слов-синтагм. § 4. Типовая сочетаемость и типы контекстных факторов. § 5. Потенциальная сочетаемость и ее реализация в различных видах контекстов. § 6. Контекстологический анализ как средство выявления типовой сочетаемости.

§ 1. Синтагматические отношения в лексике проявляются в правилах сочетаемости слов, в связях слов с контекстными партнерами в рамках конкретных высказываний. Эти связи определяются реальными связями явлений действительности, которые составляют содержание мысли, выраженной в предложении. Так, прилагательное *большой* может сочетаться с широким кругом существительных, обозначающих явления, которые допускают соответствующую количественную характеристику: *большой дом, большой город, большая собака, большая демонстрация, большая смелость, большое движение* и т. д. С другой стороны, прилагательные типа *гнедой, вороной, каурый* могут сочетаться только с существительными, обозначающими лошадей.

Однако сфера синтагматических отношений не исчерпывается влиянием внелингвистических факторов. В ней имеется целый ряд аспектов чисто лингвистического характера, которые мы и рассмотрим ниже. В основе синтагматических связей лежат отношения внешней смежности, рядоположенности слов в линейном, синтагматическом ряду. В связи с этим следует уточнить статус слова как члена синтагматического ряда.

Синтагматическими отношениями слова связаны в рамках предложений, в которых они выступают в качестве составных элементов, участвующих в выражении общего смысла. Это слова-синтагмы. Их можно также называть синтаксическими словами, имея в виду при этом не столько грамматические функции (которые традиционно обозначаются термином член предложения), сколько семантические функции, которые синтаксические слова выполняют в предложениях, реализуя свои лексические значения.

Функционирующие в предложениях или высказываниях слова-синтагмы могут быть охарактеризованы как актуальные (однозначные) и противопоставлены словам-ономатамам, которые являются скорее потенциальными носителями известных значений (одного или нескольких). Синтагматические отношения в словах-ономатамах потенциально заложены, но реализуются они только на уровне слов-синтагм.

Содержание слова-синтагмы обычно называется **актуальным смыслом** и противопоставляется системному значению слова-ономаты по нескольким основаниям. Во-первых, системное значение слова является инвариантом по отношению к его реальным смыслам в разных контекстах употребления. Здесь можно провести аналогию между фонемой как звукотипом и оттенками (по терминологии Л. В. Щербы), в которых воплощается речевое варьирование фонемы.

Во-вторых, если значение слова-ономаты определяется главным образом действием внелингвистических факторов, то смысл слова-синтагмы в той же мере формируется под воздействием внутрилингвистических факторов, в частности контекста. С реальной действительностью и мышлением смысл отдельного слова связан не прямо, а через общий смысл фразы, частью которой является слово.

Актуальный смысл слова-синтагмы также имеет комбинаторный характер, состоит из компонентов — сем, которые на этом уровне получают еще один тип характеристик — по отношению к акту речи. Они могут быть **актуализированными**, т. е. представленными в данном конкретном смысле, или **неактуализированными**, т. е. не существенными для данного смысла. Например, во фразе *С удовольствием обменял бы взвод деловых людей на одного порядочного* (Г. Бокарев) в слове *взвод* актуализирована только сема 'множество людей' (в противоположность одному), а семантический комплекс 'войсковое подразделение' устранен из смысла этого слова. Во фразе *Кнопки у нас, понимаешь, маловато. Зато лопат хватает* (Г. Бокарев) — в словах *кнопки* и *лопаты* актуализированы, акцентированы соответственно семы 'деталь автоматики' и 'орудие ручного труда'.

Механизм семной модификации смыслов слов-синтагм очень разнообразен. Основные типы этих модификаций с достаточной полнотой описаны в монографии И. А. Стернина [4, 106—127]. Проиллюстрируем некоторые примеры смысловых модификаций

на примере слова *трактор*¹. В рамках нетрадиционных, но прямых употреблений слова могут актуализироваться смыслы: 'тяжелый предмет' — *Там в ростель вода поверх льда пошла. А сейчас уже новый ледок в ладонь — трактор выдержит* (О. Гончарова); 'мощно преодолевающий препятствия' — *Неуютный он был человек, — размышлял Лева, — пер вперед как трактор* (Н. Леонов); 'сложная современная машина' — *У нас в механическом оборудовании новейшее, а у них древнейшее. Это все равно, что трактор в телегу запрягать* (В. Кожевников) и еще 10 других. В качестве переносного употребления того же значения слова *трактор* И. А. Стернин приводит следующий пример: *Ты, говорит, ни о чем не думай. Ты тракторная тележка, а я трактор. Куда еду я, туда двигайся и ты...* (А. Лиханов), в котором слово *трактор* использовано для характеристики лица, обладающего свойством 'быть средством тяги'.

В любом случае главным фактором семных модификаций смысла слова является контекст, но механизм его воздействия обобщенно можно свести к двум основным типам: 1) акцентирование, усиление отдельных сем, в том числе и периферийных, и потенциальных; 2) «наведение» (термин И. А. Стернина), включение в смысл слова отдельных компонентов, не свойственных его значению, но присутствующих в качестве актуализированных в смыслах других слов. Проиллюстрируем эти типы на примерах, взятых из текстов В. М. Шукшина. Глагол *распускаться* содержит в своем значении семы 'раскрыться', 'о почках и бутонках', в том числе 'в процессе расцветания'. Потенциально с семой 'расцветания' связан смысл 'приятного впечатления', который становится основным в этом глаголе, актуализированном во фразе *И сразу у него распускалась в душе тихая радость*. В другом примере: *А вокруг попа, подбоченься, меАко работал Максим и бабьим голосам вторил* — глагол *работать* выступает в значимости 'танцевать', и это значимость, полностью «наводимая» контекстом.

Актуализация может коснуться и такого, казалось бы, необязательного компонента значения слова, как внутренняя форма (мотивировочный признак), если в контексте есть соответствующие слова, например: *Самостоятельным тот называется, кто сам стоять может. На своих ногах! Без подпорок!* (Г. Бокарев). Возможны и такие смыслы, в которых намеренно актуализированы одновременно компоненты двух разных значений, например: — *Ударимся в жуткий загул! Напьемся... кофе и начнем гулять! Вокруг озера* (Г. Бокарев) — в данном контексте в глаголе *гулять* актуализируются значения 'веселиться' и 'прогуливаться'.

Чаще, однако, наблюдается обратное явление: семантическая неопределенность слова-ономатемы снимается в тексте однозначностью смысла слова-синтагмы. Возьмем для иллюстрации этого

¹ См.: Стернин И. А. Системное значение слова и его реализация в речи // Экспрессивность на разных уровнях языка. Новосибирск, 1984.

положения глагол *вытащить*, значение которого определяется в словаре следующим образом: 'таща, извлечь, удалить откуда-л.; таща, вывести, вынести' (МАС, **1**, 286). Во фразах, приведенных в качестве словарных иллюстраций, глагол *вытащить* осмысливается неоднозначно. Ср.: *Его [Дубенко] сонного вытащили из кузова и уложили на землю* (В. Попов). В этой фразе акцентируется признак 'перемещение', смысл глагола *вытащили* ближе всего к значению глагола '**вынести**'. То же видим во фразе *Были такие [силачи], что могли вытащить на берег затонувшую лодку с водой* (Скиталец). В другом примере *Иван Ильич вытащил из автомобиля кожаные плащи и погребец с провизией* (А. Н. Толстой) в глаголе *вытащил* сильнее проявляются признаки 'доставание', 'взятие', нежели признак 'перемещение'.

Благодаря семной модификации в речи (тексте) могут возникнуть окказиональные антонимы, например: — *Лежачего побейшь — не утетишься. — А он не лежачий. Он ползучий* (Г. Богарев); окказиональные синонимы, например, глагол *получить* в разных контекстах может иметь значимость: 'принимать' — *Награжденные по очереди выходили на сцену, получали [принимали] из рук председателя подарок и выступали с краткими речами* (И. Калашников), 'извлечь' — *Этот парень не пренебрегал советом, учился, от каждой встречи старался получить [извлечь] полезное* (Н. Сизов); 'достать, добыть' — *По воинскому литеру едва получил [добыл] место в общем вагоне* (К. Симонов).

§ 2. Внешне смежные, рядоположенные, слова-синтагмы связаны между собой внутренними, семантическими отношениями. И эти связи являются для них главными, определяющими возможность их совместного употребления в рамках одной фразы, одного образца, одного текста. Основной закон лексической синтагматики — это семантическая согласованность слов, которая проявляется в том, что слова, образующие состав предложения, имеют в своих значениях общие компоненты. «Подобно грамматическому, семантическое согласование есть формальное средство организации высказывания, достигшее, однако, значительно меньшей формализации» [2, 380]. Общие семы, повторяясь в словах, стоящих в одном ряду в рамках предложений, как бы поддерживают друг друга, обеспечивая взаимную однозначность слов. Например, во фразе *Шофер поставил машину в гараж* дважды повторяется сема 'помещение' (в глаголе *поставить* и существительном *гараж*), дважды представлена сема 'вождение' (в словах *шофер* и *машина*), **трижды** — сема 'транспортное средство' (в словах *шофер*, *гараж*, *машина*). Во фразе *В садах цвели яблони, ветерок дул с поля и чуть шевелил в палисадниках ветви деревьев* (Н. Коняев) сема 'растение' присутствует в значениях слов *деревья*, *яблони*, *ветви*, *цвети*, *палисадник*; сема 'движение' имеется в значениях слов *ветерок*, *дует*, *шевелил*; сема 'участок земли' — в словах *сад*, *палисадник*, *поле*.

К словам-синтагмам вполне применимо понятие позиции вообще и сильной и слабой позиции в частности. Сильной **позцией** (позиция наименьшей обусловленности) для слова является контекст, который поддерживает в слове семантические признаки, содержащиеся в основном, внеконтекстном значении. Таким контекстом, например, для глагола *брать* будет существительное *рука* и существительные, обозначающие предметы, которые можно взять рукой, потому что сема 'рука' присутствует в основном значении этого глагола: *брать в руки книгу, тарелку, портфель, папиросу, камень, яблоко, ведро*. Прилагательное *зеленый* хорошо сочетается с существительными типа *лист, трава, куст*, в значениях которых имеется сема 'зеленый цвет'. Существительное *глаз* часто сочетается с глаголами *смотреть, щурить, наблюдать*, в значениях которых присутствует сема 'глаз', ср.: *щурить* — 'сближая веки, прикрывать (глаза)' (МАС, 4, 744). В этих случаях слова (*брать, зеленый, глаз*) реализуют свои основные значения, а во фразе в целом наблюдается некоторая избыточность средств, обеспечивающая высказыванию определенный запас «информационной прочности».

В слабой позиции (позиции наибольшей обусловленности) контекст не поддерживает всех компонентов основного значения слова, напротив, может противоречить им. Под влиянием такого контекста отдельные семантические компоненты «отходят на второй план («погашаются») и могут совсем исчезнуть из семантической структуры слова» [2, 371]. И напротив, могут актуализироваться такие семы, которые для основного значения были только потенциальными. В конечном итоге все это и обуславливает темные модификации значений слов, о которых уже говорилось выше, а также семантическое варьирование слова, о котором пойдет речь в следующей главе.

§ 3. К словам-синтагмам также применим метод компонентного анализа. При анализе слов-синтагм следует учитывать все явления актуализации или неактуализации семантических компонентов, обусловленные особенностями контекста, общим смыслом фразы и содержанием текста в целом. Попытаемся конкретизировать это общее положение на примере известной горьковской фразы *Над седой равниной моря ветер тучи собирает*.

Прилагательное *седой* в данной фразе не может реализовать своего основного значения 'белый, потерявший цвет (о волосах человека)', так как контекст исключает здесь сему 'человек'. Оно выступает во вторичном значении, которое толкуется в словаре: 3. 'Серовато-белый, белесый' (МАС, 4, 69). Соответственно *белесый* — 'белесоватый, тускло-белый' (МАС, 1, 77). Значение прилагательного *седой* в данном тексте содержит в себе семы: 'оттенок', 'белый', 'цвет'. Это значение является переносным: в нем достаточно ясно осмысливается внутренняя форма, связывающая его с основным, прямым значением прилагательного *седой*.

Слово *равнина* также выступает не в основном значении 'ровная поверхность земли, без гор и холмов', так как наличие во фразе слова *море* не допускает реализации семы 'земля'. Идентификатор 'поверхность' сводится к идентификатору 'пространство', который олицетворяет категориально-лексическую сему основного значения, сохраняющуюся в данном неосновном. Но под влиянием контекста, и прежде всего слова *море*, в целом значение слова *равнина* трансформируется, в нем помимо сем 'ровная', 'поверхность' появляются признаки 'водная' и 'большая'. Ср. толкование этого значения в словаре: 2. 'О водной поверхности больших размеров' (БАС, 12, 35). В МАСе это значение особо не выделяется.

Слово *море* выступает здесь в своем основном значении — 'большое водное пространство с горько-соленой водой, окруженное более или менее сушей'. В данном контексте актуальными являются семы 'большое', 'водное', 'пространство'. Признаки 'с горько-соленой водой' и 'окруженное сушей' здесь не актуализируются.

Слово *ветер* толкуется: 'движение потока воздуха в горизонтальном направлении' (МАС, 1, 158). В данном контексте наиболее важными являются, по-видимому, семы 'движение' и 'направленность **вдоль**'.

Слово *туча* толкуется: 'большое, обычно темное облако, несущее дождь, град, снег' (МАС, 4, 430). В данном контексте более актуальным сказывается представление о туче как о носителе того, что может обрушиться на землю.

Предикатом (организатором) фразы здесь является глагол *собира́ть*. Он реализует в данном случае особую разновидность своего основного значения 'сосредоточивать в одном месте', которое дано в МАСе под знаком ||, указывающим оттенок значения 'созвать или согнать вместе, в одно место (людей, животных)'. Категориальной семой здесь является сема 'сосредоточение', которая поддерживает соответствующую сему в слове *туча*. Наряду с этой основной семой имеется сема 'принуждение' (*согнать* — 'заставить уйти'). Дифференциальная сема 'живые объекты, способные к собственному передвижению' в данном контексте не может быть реализована, поскольку позиция объекта замещена неодушевленным существительным *тучи*, но, будучи затемненной, эта сема тем не менее осмысливается, составляя часть подтекста одушевления сил природы, который характерен в целом для «Песни о Буревестнике».

Таким образом, проводя компонентный анализ слов в тексте, необходимо постоянно ориентироваться на контекст, учитывать взаимодействие слов в рамках предложения, в результате которого содержание слов трансформируется в ходе их взаимного приспособления друг к другу в рамках общего смысла фразы. В каждой фразе всегда могут быть выделены опорные слова, которые выступают в основных значениях: в рассмотренной фразе

такowymi являются слова *моря, ветер, тучи*. Слова *седой, равнинной, собирает* реализуют свои неосновные или трансформированные значения, обусловленные наличием в контексте указанных опорных слов. Но и значения опорных слов тоже видоизменяются в результате подчеркнутого усиления, актуализации одних сем, ослабления других и связанной с этим трансформации третьих, ср. преобразование семы 'несущий снег и дождь' в слове *туча* в сему 'содержащий угрозу'.

§ 4. Синтагматические связи одного слова или группы семантически близких слов проявляются в сумме тех реальных контекстов, в которых они употребляются. Анализируя контекстные окружения слова и обобщая их, мы можем выявить его типовую **сочетаемость**, в которой воплощается комплекс его синтагматических характеристик.

Для выявления типовой сочетаемости следует использовать категорию **контекстных факторов**, в которых отражены конкретные виды синтагматической зависимости слов от текста. Эти факторы можно свести к трем основным: словесно-грамматический, лексический и синтаксический. В основе своей они семантические, мы разграничиваем их в зависимости от характера значения (лексического или грамматического) и форм проявления.

Словесно-грамматический, или морфологический, фактор проявляется в соотносительности слова с грамматическими **значениями** контекстных партнеров. Наиболее ярко эта соотносительность выражена в глаголах сильного управления, требующих от именных уточнителей определенной грамматической формы, например: *состоять из чего* и *состоять в чем*, *справиться с чем* и *справиться о чем*. Степень специализации такого словесно-грамматического контекста может быть различной, так же как степень обязательности его реализации в каждом отдельном случае употребления слова. Так, объектное дополнение в винительном падеже, обязательное при переходных глаголах, представляет собой пример наиболее сильных синтагматических связей. Для глаголов определенных семантических групп существует типовая сочетаемость как набор определенных, часто встречающихся в контекстах позиций, обязательность которых, или частота встречаемости, неодинакова. Так, глаголы давания характеризуются почти обязательным двойным управлением (*дать что — кому*), но кроме указанных позиций в контексте этих глаголов могут быть представлены и другие, факультативные позиции, ср.: *Я передал книгу для вас со своим товарищем И*, наконец, существуют уникальные, семантически не мотивированные виды управления отдельных глаголов, например *овладеть чем*.

Наиболее типичным такой контекст оказывается для глаголов, но не только: отдельные имена существительные и прилагательные, в зависимости от своей семантики, также характеризуются

обязательным морфологическим контекстом, например: *литр* чего, *положение* о **чем**, *помощник* **чей** или *способный* на **что**, *склонный* к **чему**, *зависимый* от чего и т. д.

Лексический фактор проявляется в соотносительности значения слова с семантическими признаками, которые содержатся в лексических значениях его контекстных партнеров. Специфика лексического контекста проявляется в том, что круг слов, с которыми обычно сочетается данное слово, ограничен словами определенной семантики. При глаголе *резать* обычные существительные *нож*, *ножницы*, в контексте глагола *заработать* — существительные, обозначающие виды денежных знаков, в контексте глагола *лаять* — существительные *собака*, *щенок* и т. д. При глаголе *ставить* в значении 'осуществлять медицинскую процедуру' позиция прямого объекта замещается словами *компресс*, *градусник*, *горчичник*, *банки* и др., входящими в тематическую группу названий средств медицинского воздействия. При этом же глаголе в значении 'осуществлять постановку какого-либо вида зрелища' в той же позиции стоят слова *фильм*, *опера*, *спектакль* и др., объединенные семей 'зрелище'.

Лексическая сочетаемость может иметь количественную характеристику; в одних случаях она является очень широкой, почти неисчислимой, в других — контекстные партнеры того или иного слова могут быть заданы списком, например объектные дополнения при глаголах *вдыхать* (**воздух**, **запах**, **пар**), *пить* (**молоко**, **квас**, **лимонад**), *удить* (**рыба**, **щука**, **сом**) и др. Случаи крайней узости лексической сочетаемости представлены в явлениях так называемого «постоянного контекста», когда сочетаемость слов ограничена их обязательной связанностью только с одним-двумя словами: *возлагать надежды*, *жгучий брюнет*, *крошечная тьма* и др. Подобного рода сочетания квалифицируются как устойчивые и относятся к сфере фразеологии.

Синтаксический фактор проявляется в зависимости значения слова от структуры предложения, точнее, от функции, какую оно выполняет в этой структуре. Такая функция имеет в конечном итоге семантическую природу, и ее семантика влияет на лексическое значение слова. Так, глагол *везти* выражает значение 'иметь удачу', только выступая в качестве главного члена односоставного безличного (преимущественно отрицательного) предложения типа *Ему не везет с этим делом*. Местоимение *что* имеет вопросительное значение, функционируя в простом вопросительном предложении (*Что нужно сделать?*), и относительное значение, если оно выступает в роли союзного слова в придаточной части сложного предложения (*Мы еще не знали, что произошло*).

Разграничивая при анализе грамматические и лексические контекстные факторы, **следует** учитывать, что реально контекст всегда имеет единый лексико-грамматический характер, поскольку в словах грамматические и лексические семы существуют в един-

стве. Так, для реализации в глаголе *брать* значения 'добиваться успеха' необходимо, чтобы в его контексте присутствовало имя существительное в творительном падеже (морфологический фактор), обозначающее определенные качества людей (лексический фактор), например: *Он берет удалю, храбростью, коварством, упорством.*

Тем не менее один из контекстных факторов может быть ведущим, что дает основания квалифицировать соответствующие значения слов в зависимости от этого ведущего фактора и в соответствии с терминологией В. В. Виноградова как конструктивно обусловленные (при ведущем словесно-грамматическом или морфологическом факторе), фразеологически связанные (при ведущем лексическом факторе) и синтаксически обусловленные (при ведущем синтаксическом факторе) [*§ 1*].

В русской лексикографии имеется первый опыт словаря, отражающего типовую сочетаемость слов,— Словарь сочетаемости слов русского языка под редакцией П. Н. Денисова, В. В. Морковкина [2-е изд. М., 1983; в первом издании (1978) он назывался «Учебный словарь...»]. Несмотря на сравнительно небольшой объем, он содержит в себе синтагматические характеристики наиболее употребительных русских слов и открывает большие возможности в освоении законов сочетаемости, в частности, в учебных целях.

Определенные сведения о типовой сочетаемости можно извлечь и из общих словарей. Так, в толковых словарях русского языка регулярно отмечается специфика словесно-грамматической сочетаемости путем местоименных указателей на падежную форму зависимых слов, например: *овладеть* — кем-чем, *надеяться* — **на что**, *наготовить* — **что и чего**, *наговорить* — обычно **на кого** (в значении 'наклеветать'). Определенную информацию о грамматической сочетаемости можно извлечь из самих толкований, например: *наблюдать* — 1. 'Внимательно следить глазами за кем-, чем-л.' (МАС, 2, 326). Местоименные определители выявляют наличие у глагола способности «сильно» управлять предложно-падежной формой «за -\»- твор., ср.: *Отец внимательно наблюдал за сыном.*

Узкая лексическая сочетаемость отражена в словарях в виде перечня специализированных контекстных партнеров, даваемого в скобках, в самом толковании, например: *надеть* — 1. 'Натянуть, надвинуть (одежду, обувь, чехол и т. п.), покрывая, облекая' (МАС, 2, 343). Имеются также указания на синтаксическую специализацию **контекста** при некоторых значениях слов, например: *ломать* — 6. **перен.** 'Раззв. в безличном употреблении' — 'вызывать болезненное ощущение ломоты' — *Его знобило и ломало* (МАС, 2, 198).

§ 5. Обобщение наблюдений над типовой сочетаемостью слова в том или ином значении дает возможность установить модель сочетаемости, характерную для данного значения слова и — шире — для всех других слов определенной семантической группы.

Эта модель может быть представлена в виде обобщенной характеристики тех позиций, которые чаще всего представлены в контексте слова. Например, в контексте глагола *находиться* в значении 'пребывать, быть расположенным' обязательно присутствует позиция места, ср.: *Он находится в доме отдыха; Дом их находился на окраине города.* В контексте глагола *ссориться* обычно представлены позиции двух участников ссоры, ср.: *Отец часто ссорился со своим братом; Николай и Сергей часто ссорились и быстро мирились.* Существительное *вид*, как правило, имеет при себе определительную позицию: *строгий вид, здоровый вид, лукавый вид* и т. п.

П о з и ц и я — это компонент типового контекста слова. В основе каждой позиции лежит определенное семантическое содержание, которое складывается из общих грамматических и лексических сем слов, которыми могут замещаться позиции. При этом грамматические семы могут манифестироваться различными формальными средствами. Так, позиция места-источника, типичная для глагола *получить*, реализуется в предложно-падежных формах от **кого**, у **кого**, в **чем**, из **чего**, **где**, ср.: *получить письмо от отца, получить у бухгалтера деньги, получить справку в деканате, получить бумагу на складе (со склада), получить посылку из дома* и т. д.

Семантика каждой позиции складывается не только из грамматических сем, иначе позиции совпали бы с категориальными значениями членов предложения. В семантику входят также **самые** общие по значению лексические семы, присутствующие в словах, замещающих данную позицию. Например, позиция орудия разделения, типовая для глаголов разделения (*резать, рубить, пилить, рвать* и т. п.), возникает в результате обобщения не только грамматического значения 'орудие', представленного формой творительного падежа, но и лексической семы 'предназначенный для разделения **объекта**', присутствующей в значениях существительных *топор, нож, пила* и под. Прямое дополнение, обязательное для всех переходных глаголов, в качестве контекстной позиции характеризуется по-разному, в зависимости от принадлежности глаголов к семантической группе. В глаголах перемещения в прямом дополнении (как члене предложения) представлена позиция пассивного участника (*вести сына, гнать гусей*), в глаголах разделения — позиция разделяемого объекта (*резать бумагу, рубить полено*), в глаголах созидания — позиция продукта (*шить платье, построить мост*), при глаголах восприятия — позиция воспринимаемого объекта (*услышать голос, увидеть небо*).

Потенциальная предопределенность сочетаемости слов содержанием значений не означает, однако, обязательности полной реализации в каждом случае употребления слов. Это может зависеть, во-первых, от того, насколько релятивным является значение слова. Ярko выраженный релятивный характер имеют значения глаголов сильного управления, которые обозначают

обычно действия-отношения, связывающие субъекта-деятеля с объектом его деятельности. Объектная позиция в контексте таких глаголов является важнейшей, обязательной и практически очень редко нереализуемой. То же можно сказать, например, о существительных, обозначающих меру чего-либо, при которых позиция, уточняющая, чего именно, является обязательной, ср.: *литр молока* или *метр ткани*.

Во-вторых, реализация позиции определяется тем, насколько важной и информативной является позиция с точки зрения актуального смысла предложения. Так, например, дополнения *рукой, в руки*, теоретически возможные при любом употреблении глагола *брать* в его основном значении, практически встречаются только во фразах, где позиция орудия акцентируется и получает дополнительную характеристику, ср.: *Он взял записку дрожащими руками*; *Он бережно взял сосуд в обе руки*.

В-третьих, имеет значение и то, в основном или во вторичном значении употребляется слово. Вторичные значения всегда контекстно обусловлены, и реализация типовой сочетаемости при них является более необходимой, чем при использовании слов в основных значениях, не зависящих от контекста (подробнее об этом см. в гл. VII).

Следует иметь в виду, что слова в тексте или в речи соединяются не только с языковым контекстом, представленным непосредственно окружающими словами, но и с широким контекстом, который может быть текстовым в письменной речи или ситуационным в условиях непосредственного устного общения. Иногда неполная реализация типовой сочетаемости слова в его ближайшем контексте определяется тем, что широкий контекст помогает однозначно понять смысл слова. Так, мы осмысливаем в глаголе *брать* значение 'купить', если в ближайшем словесном окружении этого глагола представлена сема 'покупка', например: *Покупатели (те, кто покупают) охотно берут эти товары*; *Хлеб мы берем в ближайшей булочной* (магазин, где покупают хлеб); *Я бы взял у вас эту вещь за сто рублей* (денежная компенсация покупки). Наконец, указанное осмысление глагола *брать* обусловлено самой речевой ситуацией или речевым, внелингвистическим контекстом, например, когда мы слышим обращение к человеку, направляющемуся в магазин: *Хлеба не надо, возьми только молока*. Безусловно, фиксирование и анализ такого контекста значительно сложнее, чем непосредственного, словесного, но при конкретном рассмотрении речевых материалов обойтись без учета такого контекста невозможно.

§ 6. Рассмотрим методику контекстологического анализа. Прежде всего следует разграничить два вида применения такого анализа. С первым мы уже познакомились при характеристике

методики компонентного анализа слов-синтагм. Объектом *анализа* в этом случае являются значения слов, реализующиеся в условиях контекста конкретных фраз и зависящие от этих условий. Целью анализа является выявление специфики значений слов-синтагм, обусловленной влиянием контекстных партнеров и смысла предложения в целом. Это максимально конкретный, речевой уровень семантического анализа слов, вернее — словоупотреблений. Контекстологический анализ в этом случае органически слит с компонентным.

Второй, основной вид контекстологического анализа имеет своей целью выявление и характеристику типовых условий реализации определенных значений слов. Такой анализ предполагает не только наблюдение над особенностями конкретных контекстных окружений слова, но и обобщение этих окружений. Компонентный анализ значений слова и его контекстных партнеров здесь также необходим как предварительный этап, основа, опираясь на которую можно установить типовую сочетаемость слов.

Контекстологический анализ предполагает: умение определять значения слов в тексте в терминах семантических компонентов; умение подбирать фразовый материал, в котором наблюдаемое слово представлено в одном и том же значении; умение обобщать конкретные позиции и давать им семантическую интерпретацию, опираясь на знание семной структуры слов, замещающих позиции; знание таких категорий, как контекстный фактор, типы контекстов, контекстная позиция.

В контекстологическом анализе выделяются следующие **основные** этапы:

- 1) подбор фразового материала,
- 2) выявление контекстных позиций, семантически связанных с анализируемым словом,
- 3) обобщение и семантическая интерпретация позиций,
- 4) определение контекстных факторов, выделение среди них ведущих.

Проведем контекстологический анализ слова *голова*. Начать можно с любой фразы, в которой употреблено это слово, например: *Глеб снял шлем с головы, положил его на стол* (Ф. Гладков). Слово *голова* выступает здесь в значении 'верхняя часть тела человека'. Для осуществления контекстологического анализа слова в данном значении необходимо подобрать ряд фраз, в которых слово *голова* выступает в том же самом значении. Это можно сделать с помощью иллюстративных материалов, имеющихся в словарях.

Например, из словарной статьи *голова* (БАС) можно взять: *Вошла она в зал заседаний, высокая, статная, с тяжелой косой, уложенной венцом на гордо посаженной голове* (Б. Полевой); *Из-за спин и затылков людей показалась ... седая, курчавая, львиная голова [графа Безухова]* (Л. Толстой); *Сосед отрицательно мотнул головой* (А. Чехов). Для однозначного понимания

слова необязательно учитывать весь состав фразы, можно ограничиться указательным минимумом контекста, представленного словосочетанием, в которое входят только такие слова, которые непосредственно связаны с анализируемым словом и достаточны для однозначного понимания его значения, например: *снять шлем с головы; коса, уложенная на голове; седая, курчавая, львиная голова графа; кивнуть головой* и т. п.

На втором этапе необходимо выявить слова, которые семантически согласуются со словом *голова* и поддерживают его значение. Так, следует отметить, что в значениях контекстных партнеров слова *голова*, представленных в перечисленных выше фразах, повторяется комплекс сем, составляющих содержание данного **его** значения, что и обеспечивает слову *голова* реализацию именно этого значения, ср.: *шлем* — 'головной убор'; *кивать* — 'делать легкие движения головой'; *коса* — 'заплетенные волосы', а *волосы* — 'растительность на голове человека'.

Третий этап контекстологического анализа сводится к констатации широты, разнообразия и неспециализированности контекста. Поскольку в контексте значения слова *голова* отсутствуют какие-либо специфические, ярко выраженные особенности, анализ для данного значения слова на этом может быть закончен

При реализации в слове *голова* иных значений, в большей мере обусловленных контекстом, контекстологический анализ предполагает последовательное осуществление всех четырех этапов. Рассмотрим это на примере другого значения слова *голова* — 'передняя часть, передние ряды чего-либо' во фразе Он *возвращался на свое обычное место в голове отряда* (К. Симонов).

Первый этап — подбор фразового материала. Выберем фразы: *Голова колонны уже спускалась с горы к селу* (Н. Островский); *Голова войск Нея уже выходила из Большой Ордынки* (Л. Толстой) Можно использовать также словосочетания *голова поезда, голова каравана, голова демонстрации*.

Второй этап — на основе фразового материала устанавливаем типовые особенности контекста, характерного для данного значения слова *голова*. Во-первых, обязательное наличие при слове несогласованного определения, выраженного существительным в родительном падеже (*голова колонны, эскадры* и т. п.). Во-вторых, устанавливается семантическая однотипность этих существительных, которая проявляется в том, что все эти слова обозначают нечто движущееся (или способное к движению) и имеющее продолговатую, вытянутую форму, ср.: *колонна* — 'группа лиц или предметов, расположенных или движущихся вытянутой линией, друг за другом'; *поезд* — 'состав сцепленных вагонов, приводимых в движение локомотивом'; *караван* — 'движущаяся вереница (ряд однородных предметов или существ, расположенных или движущихся одно за другим)'.

Третий этап — семантическая интерпретация типового контекста. Форма родительного падежа существительного, стоящего при слове *голова* в качестве несогласованного определения, выражает здесь значение целого по отношению к части. Такого рода морфологический контекст усиливает в слове *голова* сему 'часть', а семы 'тело человека' или 'тело животного' в данном контексте погашаются, так как существительные, называющие целое, обозначают не живые существа, а совокупность движущихся предметов, людей **или животных**.

Четвертый этап — выявление контекстных факторов. Данное значение слова *голова* является контекстно-обусловленным. Здесь действуют факторы: морфологический (обязательное наличие в контексте имени существительного в родительном падеже) и лексический (в значениях существительных содержатся семы 'составное единство', 'способное к движению', 'имеющее вытянутую форму').

Рассмотрим еще одно значение слова *голова*, реализованное во фразе *Николай — голова!* Содержание этого значения — 'умный, толковый человек'. Сколько бы фраз с данным значением слова *голова* мы ни взяли, в каждой оно выступает в роли сказуемого при подлежащем, выраженном личным существительным, ср.: *О нем [о Василии Павловиче] говорят рабочие, степенные, пожилые:— Ну, брат, Василий Павлович,— это, брат, голова* (Н. Гусев). Из этого можно сделать вывод, что значение слова обусловлено его синтаксической функцией. Сказуемое — это характеризующий член предложения, определяющий подлежащее, а так как в подлежащем указано название лица, то слово *голова* может обозначать только свойство человека. В слове *голова* имеется потенциальная сема 'мозг, мышление, ум', в данном контексте эта сема актуализируется

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Виноградов В В* Основные типы лексических значений слов//**Избр** труды: Лексикология и лексикография М, 1977 С **162—189**
- 2 *Гак В Г К* проблеме семантической **синтагматики**//**Проблемы** структурной лингвистики 1971 М, 1972
- 3 *Котелова Н З* Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании) Л, 1975
- 4 *Стернин И А* Лексическое значение слова в речи Воронеж, 1985

5 Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред П Н Денисова, В. В Морковкина 2 е изд М, 1983

Глава VII. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СЛОВА — МНОГОЗНАЧНОСТЬ

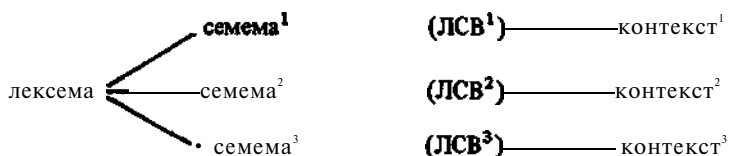
§ 1. Многозначность как проявление вариантных отношений в лексике
§ 2. Различия типовых контекстов реализации семантических вариантов слова
§ 3. Внутрисловная семантическая парадигма
§ 4. Факторы, определяющие семантическое варьирование **слов**
§ 5. Типология значений (лексико-семантических вариантов) слов
§ 6. Анализ многозначных слов
§ 7. Однозначные слова и их смысловое **варьирование** (модификация)

§ 1. Между единицами лексической системы существует еще один вид отношений, универсальных для системы языка в целом и органически связанных с рассмотренными выше видами системных отношений. Это отношения **вариантности**. Проявляются они, во-первых, в том, что одно и то же слово, без изменения своей формы (лексемы), может быть соотнесено с несколькими разными значениями и, наоборот, одно и то же значение (семема) может быть выражено несколькими различными словами. Эти два проявления вариантных отношений в лексике получили названия многозначности (полисемии) и синонимии (полилексии).

К явлению многозначности мы не раз уже приближались в предыдущих главах и в особенности при рассмотрении синтагматических отношений. Явление грамматического варьирования слова составляет главный объект изучения русского языка в школе. Одно и то же слово как номинативная единица, функционирующая в речи в качестве компонента предложения, предстает каждый раз в одном из своих вариантов, грамматических или лексических. Характер варианта зависит, во-первых, от функции, выполняемой словом, во-вторых, от контекста, который его окружает. Например, слово *марш* в строке из песни В. Лебедева-Кумача *По площади Красной торжественным маршем могучая армия наша идет* выполняет функцию обстоятельства образа действия и выступает в одном из своих грамматических **вариантов** — форме творительного падежа; в данном контексте оно выражает значение 'способ ритмической мерной ходьбы в строю'. То же слово представлено во фразе *Военный оркестр грянул с эстрады веселый марш* (А. И. Куприн) в функции прямого **объекта, соответственно** в форме винительного падежа, и в другом своем значении — 'музыкальное произведение в четком ритме и в размеренном в соответствии с шагом такте'. Соотношение слова-ономатемы как **и н в а р и а н т а** с его конкретными репрезентантами, или **в а р и а н т а м и**, в рамках предложения и составляет сущность функционально-семантического варьирования **слов**.

Все значения многозначного слова или лексико-семантические варианты (ЛСВ) связаны между собой прежде всего общностью

лексемы — единого и главного их манифестатора. Поэтому, отвлекаясь от того, что сама лексема также может варьироваться в морфонологическом плане, и принимая ее за олицетворение слова-ономатемы, мы можем представить себе многозначное слово в виде следующей схемы:

Многозначное слово представляет собой как бы пучок нескольких семантических вариантов, значений, соотнесенных с одной лексемой. Эти варианты или отдельные значения образуют внутрисловную семантическую парадигму слова, являются семантически связанными друг с другом и реализуются в различных типовых контекстах.

§ 2. Конкретизируем эту схему на примере глагола *вести*, выбрав для рассмотрения несколько его значений (лексико-семантических вариантов) и обратив особое внимание на типовой контекст их реализаций в следующих фразах:

1. *Мать ведет ребенка за руку.* 2. *Ученик ведет указкой по карте.* 3. *Лестница ведет на чердак.* 4. *Неопытность ведет к беде.*

В четырех фразах представлена одна и та же лексема в одной и той же словоформе. Основание для различного осмысления содержания, манифестируемого этой лексемой, дает нам контекст. Рассмотрим его особенности.

Значение 'идя, заставлять перемещаться вместе с собой существо, способное к самостоятельному передвижению' (1) реализуется при наличии в контексте позиции субъекта действия, замещенной одушевленным существительным *мать*, позиции объекта, замещенной также одушевленным существительным *ребенка*, позиции способа соединения субъекта с объектом, представленной предложно-падежной группой с соответствующим значением *за руку*.

Значение 'двигать что-либо по какой-либо поверхности' (2) реализуется при наличии в контексте той же субъектной позиции *ученик*, но при отсутствии прямого дополнения. Здесь необходимыми являются позиция орудия, замещенная существительным в творительном падеже *указкой*, и позиция поверхности, представленная предложно-падежной группой *по карте*.

Глагол *вести* выступает в значении 'иметь то или иное направление, служить путем куда-то' (3), реализация которого осуществляется в следующих контекстных условиях. В позиции субъек-

та — неодушевленное существительное со специфическим значением (*лестница, дорога, тропинка*), позиция прямого объекта отсутствует, обязательной является позиция места-направления, которая может быть замещена предложно-падежными **группами** на **что**, во **что**, в приведенной фразе — *на чердак*.

Наконец, в значении 'иметь своим следствием, быть причиной' (4) позиция субъекта в контексте глагола *вести* замещена неодушевленным существительным с отвлеченным значением *неопытность*, позиция прямого объекта отсутствует, но обязательна позиция следствия, представленная предложно-падежной группой *к беде*.

Обобщая характеристики типового контекста четырех лексико-семантических вариантов глагола *вести*, их можно представить в следующем виде.

1. Сущ. Им. **одуш.** — **ведет** — сущ. Вин. одуш. 2. Сущ. Им. одуш. — *ведет* — сущ. Твор. неод. **+по** сущ. Дат. неод. 3. Сущ. Им. неод. — *ведет на/в* сущ. Предл. неод. (лексически специализированные). 4. Сущ. Им. неод. — *ведет к* сущ Дат. неод. (отвлеченные).

При сопоставлении позиций типового контекста разных ЛСВ особенно наглядно проявляется роль этого контекста в реализации и разграничении отдельных значений многозначного глагола *вести*.

Поскольку без участия контекста разные значения одного и того же глагола не могут быть выражены, следует признать, что формой манифестации (представления) этих значений является не только лексема **вести**, но и определенные элементы контекста, в частности предложно-падежные формы существительных. Это дает основание еще раз подчеркнуть, что понятие «формы» применительно к содержанию слов-синтагм является более широким, чем то же понятие применительно к слову-ономатеме, где оно сводится только к лексеме.

§ 3. Набор всех возможных лексико-семантических вариантов слова образует внутрисловную семантическую парадигму слова, называемую также семантической структурой многозначного слова. Каждое отдельное значение слова связано с другими значениями теми или иными общими семами и в то же время отличается от любого из них уникальностью своей семной структуры, составом тех компонентов, из которых складывается его содержание. Это и обуславливает то, что отдельные значения, будучи особыми семантическими единицами, являются вариантами одного слова. В рамках семантической парадигмы лексико-семантические варианты, с одной стороны, связаны друг с другом, с другой — противопоставлены друг другу. Проиллюстрируем это прежде всего на примере рассмотренного выше глагола *вести*.

Первое значение глагола 'совместное перемещение' связано со вторым (*вести указкой*) общностью сем 'движение', 'направленность', 'активный субъект' и 'пассивный субъект'. Отличает эти значения то, что в первом из них есть сема 'объект, способный к самостоятельному передвижению', а во втором — семы 'орудие' и 'поверхность'.

Третье значение (*лестница ведет*) связано с двумя первыми семой 'направленность', но сема 'движение' является для этого значения только потенциальной. Четвертое значение (*вести к беде*) связано с первым семой 'совместность', которая в нем трансформирована в сему 'причинно-следственная зависимость'.

Отдельные семантические варианты слова могут быть связаны общностью категориально-лексической семы. Например, первое и второе значения глагола *вести*, в которых присутствует категориально-лексическая сема 'перемещение', или два значения существительного *марш*, в которых общей также является сема 'перемещение', категориальная для его основного значения, ср.: 'способ ритмичной мерной ходьбы в строю' — *По площади Красной торжественным маршем могучая армия наша идет (В. Лебедев-Кумач)*; 'передвижение войск походным порядком' — *Козлов делал с эскадроном большие марши в метель и распутицу (К. Симонов)*.

Категориальная сема основного значения может быть представлена в качестве таковой в нескольких значениях многозначного слова. Так, по данным МАСа, категориальная сема 'перемещение' присутствует в семи из двадцати значениях глагола *идти*, а сема 'приобщение объекта', категориальная для глагола *братъ*, есть в шести значениях глагола из тринадцати. Но наличие единой категориальной семы во всех семантических вариантах слова не обязательно. В отдельных значениях сема, которая является в основном значении слова категориальной, может функционировать в качестве дифференциальной. Например, в значении слова *марш* — 'музыкальное произведение четкого ритма и размеренного в соответствии в ходьбой такта' сема 'перемещение, ходьба' является дифференциальной, уточняющей категориальную сему 'музыкальное произведение'. Категориальная сема основного значения может быть только потенциальной в другом значении того же слова, например сема 'перемещение' во фразе *Лестница ведет на чердак*, или та же сема в значении существительного *марш* — 'часть лестницы между площадками'.

Во многих значениях категориальная сема основного значения слова вообще отсутствует. Так, в значениях глагола *братъ* — 'преодолевать' (*поезд с трудом брал подъем*) или 'принимать какое-либо направление' (*дорога берет здесь налево*) — отсутствует сема 'приобщение объекта', категориальная для основного значения глагола.

Отдельные семантические варианты слов могут быть связаны между собой такими признаками, которые являются для основно-

го значения дифференциальными и даже потенциальными. Например, два значения слова **разбить** — 'расколоть ударом' (*разбить кусок угля*) и 'победить' (*разбить неприятеля*) — связаны дифференциальным признаком 'сильное воздействие', который уточняет в них разные категориальные семы 'разделение' и 'победа'. При этом далеко не каждое значение должно быть прямо связано с основным, т. е. иметь в своем содержании общие с ним компоненты. Многие значения оказываются связанными с основным значением слова опосредованно, через другие значения. Например, особое значение слова *голова* — 'человек большого ума' — прямо не связано с основным значением этого слова ('часть тела'), но связано с его ближайшим производным значением ('ум, сознание'), а через него и с основным.

Семантическое сходство разных значений одного слова, таким образом, не может быть сведено к наличию во всех этих значениях какого-либо одного, обязательного для всех семантического компонента. Это сходство выражается в семантической соотнесенности значений между собой по любым семам — категориально-лексическим, дифференциальным и даже потенциальным. Если какое-либо значение слова является связанным с другим значением хотя бы минимумом сем, оно остается членом внутрисловной семантической парадигмы этого слова в качестве одного из семантических вариантов. Связь отдельных значений слова может и не иметь четко выраженного компонентного характера. Во многих случаях в основе единства семантических вариантов лежат сложные психологические ассоциации, которые трудно интерпретировать как простое сходство значений по отдельным компонентам.

Отсутствие единого для всех значений слова семантического компонента (или компонентов) не дает возможности свести все эти значения к некоему инвариантному «общему» значению, содержанием которого могли бы быть общие компоненты. Даже если такой компонент прослеживается во всех значениях слова (в качестве категориального или дифференциального), он не может быть признан представителем всех значений, так как не соответствует интуитивным представлениям о лексическом значении слова. Например, признак 'острый' присутствует во всех значениях слова *игла* (*игла швейная, иглы хвои, иглы ежа, иглы острот*), но свести значение слова *игла* только к признаку 'острый' было бы **нецправомерно**, так же как нельзя свести значение глагола *вести* к значению 'направленность' на том основании, что соответствующая сема так или иначе представлена во всех его семантических вариантах.

Все это является подтверждением правильности мнения Е. Куриловича, который высказывал сомнение в полезности категории «общего значения», которое он называл «абстракцией, с трудом поддающейся формулировке» [2, 245]. Такого же мнения по этому вопросу придерживаются многие советские лексикологи. См.,

в частности, вывод Д. Н. Шмелева: «Семантическое единство слова заключается, таким образом, не в наличии у него некоего «общего значения», как бы подчиняющего себе более частные, выделяемые обычно в толковых одноязычных словарях значения, а в определенной связи этих отдельных самостоятельных значений друг с другом и их закреплённости за одним и тем же знаком» [3, 76]. Понятие общего значения многозначных слов, теоретически весьма привлекательное, практически оказывается неопределимым.

В толковых словарях современного русского языка мы часто встречаемся с тем, что семантические парадигмы одних и тех же многозначных слов описываются по-разному. Выделяется неодинаковое количество значений, например, у глагола *сковать*: в СО выделено пять значений, в СУ — пять, в МАСе — шесть, в БАСе — семь значений. Это объясняется тем, что в указанных словарях по-разному формулируется содержание самостоятельного значения; например, значения 'изготовить ковкой' и 'соединить ковкой' выделяются во всех словарях как отдельные, за исключением СО, в котором они объединяются в одно значение. Только в БАСе в качестве отдельных выделены значения 'заморозить' и 'охватить' (*тело сковала усталость*). Такое несовпадение отчасти обусловлено фактором лексикографическим, различием в типах словарей, но основная причина различий в трактовке многозначных слов в словарях заключается в «диффузности» [3,80] отдельных значений, в том, что эти значения связаны друг с другом тонкими взаимопереходами, границы между ними нечетки и размыты. Поэтому в практике лексикографии недостаточным оказывается разграничение отдельных значений, в ней пользуются понятием «оттенка», разновидности значения. Так, в МАСе в качестве четвертого значения глагола *разбить* дается значение 'нанести поражение, победить', в рамках которого с помощью знака **||выделяются** два оттенка: а) 'одержать верх в какой-либо игре, в каком-либо состязании' и б) 'опровергнуть, доказать несостоятельность'. Что скрыто за этими оттенками? В первом случае, очевидно, денотативная разновидность значения 'победить', а во втором — скорее особое значение, еще недостаточно устоявшееся, недостаточно употребительное, для того чтобы быть зафиксированным в словаре в качестве самостоятельного варианта.

§ 4. Способность к семантическому варьированию — естественное свойство слов, как бы заложенное в них, обусловленное всем устройством языковой системы. Конкретизируя это общее положение, можно указать на ряд системных факторов, определяющих многозначность слов и характер ее реализации.

Во-первых, семантическое варьирование слова является следствием общего закона произвольности знака, сформулированного в свое время Ф. де Соссюром. Форма слова (лексема) и его значение (семема) не связаны друг с другом органически, эта связь условна, хотя и социально закреплена. Произвольность связи между формальной и содержательной сторонами слова

предполагает возможность изменения слова в одном плане при неизменности другого. Звуковые, морфологические изменения лексем не затрагивают лексического значения, не отражаются на нем, ср. морфологические варианты глагола *вести*: [в'ид]- (*веду*), [в'ис]- (*вести*), [в'о]- (*вел*). С другой стороны, и семема варьируется, изменяется, сохраняя неизменной связь с одной и той же лексемой.

Во-вторых, одной из важнейших предпосылок семантического варьирования слов является комбинаторный характер лексических значений, а также связанная с этим известная неопределенность состава компонентов. Последнее — как мы уже отмечали выше — есть неизбежное следствие единства языка и мышления, слова и понятия. Состав компонентов лексического значения (сем) подвижен и изменчив: возможно акцентирование и усиление одних и, наоборот, затухание и исчезновение других, актуализация потенциальных сем и появление новых, что в целом создает основу семантического варьирования слов.

В-третьих, значение слова обуславливается не только внелингвистическими факторами (денотативными и мыслительными), но и внутрилингвистическими, в частности синтагматическими связями слов. Эти связи реализуются в семантическом взаимодействии слов в конкретных фразах. Значения слов меняются под влиянием контекстных партнеров, которые могут вызвать «угасание» одних сем, несовместимых с их собственным содержанием, обусловить активизацию потенциальных сем и даже развитие в них новых сем, как бы заимствованных у партнеров. Так, значение 'передняя часть чего-либо' развивается в слове *голова* в условиях лексического контекста *голова поезда*, *голова колонны*. Здесь присутствуют названия движущихся неодушевленных объектов, имеющих горизонтальную протяженность. Объекты могут быть охарактеризованы именно как передние и задние, а не как верхние и нижние (ср. основное значение слова — 'верхняя часть тела человека и передняя часть тела животного'). Контекстные партнеры исключают семы 'верхний', 'человек' и 'тело' и усиливают сему 'передняя часть', которая становится в содержании данного значения слова *голова* основной.

В-четвертых, семантическое варьирование слов определяется и парадигматическими связями, в частности принадлежностью к семантической группе. Мы уже указывали, что в слове развиваются не любые значения, а преимущественно определенные, как бы заданные парадигматическими связями. Например, существительные, обозначающие фрукты (*слива*, *груша*), могут обозначать также и соответствующие деревья (*Под окном стояла старая груша*), а для многих глаголов перемещения (*идти*, *лететь*, *течь*, *ползти*) возможно значение 'движение времени', ср.: *время летит*, *время бежит*, *время ползет* и т. п. По мнению Д. Н. Шмелева, «регулярной является такая многозначность, при которой вторичное значение (или вторичные значения) слова, входящего в опре-

деленный лексико-семантический ряд, предопределено общей семантической характеристикой всего данного ряда, т. е. первичными значениями соответствующих лексических единиц»¹.

Все перечисленные факторы являются системными, они делают многозначность слов не только возможным, но и необходимым явлением. К ним можно еще добавить фактор частоты употребления. Развитие многозначности прямо связано с тем, как часто и как широко употребляется то или иное слово.

§ 5. Отдельные значения слов различаются во многих отношениях, поэтому типология значений строится по нескольким основаниям, которые могут быть сведены в ряд противопоставлений.

Первое противопоставление — основные и неосновные значения. Семантические варианты многозначного слова определенным образом организованы в рамках внутрисловной парадигмы. Ядром этой парадигмы, своеобразным центром является **основное**, или первичное, значение, вокруг которого организуются все остальные значения, называемые неосновными, или вторичными. Первичное и вторичные значения не являются результатом временной последовательности в развитии вариантов слова. Они отражают соотношение главных и второстепенных функций слова, и термины «основное» и «неосновное» значение, здесь, очевидно, будут более уместны.

Главным признаком, по которому основные значения отграничиваются от неосновных, является автосемантизм первых, минимальная зависимость этих значений от контекста. Характеризуя основное значение слова, Е. Курилович пишет: «Главное значение то, которое не определяется контекстом, в то время как остальные (частные) значения к семантическим элементам главного значения прибавляют еще и элементы контекста» [2, 246]. Это же подчеркивает Д. Н. Шмелев, указывая, что основное значение «наименее обусловлено синтагматически» [3, 212].

Это не означает, однако, что контекст может быть любым, никак не специализированным. Основные значения многих глаголов являются конструктивно обусловленными и реализуются в определенных формах сильного управления, например: *заботиться о ком, надеяться на что, сомневаться в чем* и т. п. Существует много слов, в основных значениях которых «заданы» определенные контекстные партнеры (ср.: *лай собаки, русло реки, заработать деньги* — первые члены словосочетаний предполагают другие). Слово как знак манифестирует основное значение. Нужно, чтобы контекст создавал слову сильную позицию и не противоречил семантическим компонентам, которые содержатся в основном значении, а, напротив, поддерживал их.

Автосемантизм основного значения слова хорошо подтверждается психолингвистическими критериями, согласно которым ос-

¹ Шмелев Д. Н. Введение // Способы номинации в современном русском языке М., 1982. С. 16—17

новые значения характеризуются в качестве таких, которые первыми приходят в голову при внеконтекстном восприятии слов. Это еще раз свидетельствует о том, что значения эти независимы от контекста и именно в качестве знаков-носителей этих значений слова хранятся в нашей памяти. Отмеченные факты хорошо согласуются с тем, что при рассмотрении слов в качестве онома-тем, связанных парадигматическими отношениями, мы приняли за семемы многозначных слов содержание основных значений. С точки зрения количественных показателей основные значения характеризуются как наиболее частотные, превышающие встречаемость любого неосновного варианта.

Неосновные значения слов могут быть противопоставлены основным прежде всего как значения синсемантические, обусловленные контекстом. Этот контекст, как правило, исключает возможность проявления основного значения, создавая для него слабую позицию. Например, основное значение глагола *вести* — 'передвигаясь, вовлекать в совместное передвижение объект, обладающий способностью к собственному перемещению' — не может быть реализовано во фразе **К** беде неопытность ведет, так как в ней позиции субъекта и объекта замещены существительными неодушевленными. Основное значение слова *крыло* — 'орган тела животных, служащий для полета' — не может быть реализовано, если во фразе отсутствует название живых существ, способных к полету.

Типовой контекст неосновного значения, исключая одни компоненты основного значения, усиливая и акцентируя другие второстепенные и потенциальные семы или «передавая» слову компоненты, заключенные в нем самом, обуславливает новый семантический вариант, новое значение слова. В этом именно и заключены корни синсемантической неосновного значения: оно манифестируется не только соответствующей лексемой, но и частично элементами типового контекста, присутствие которого для реализации неосновного значения является необходимым. Именно в обязательности контекста проявляется тесная связь неосновных значений с контекстом, другими словами — их синсеманτικότητα.

Неосновные значения, как правило, бывают менее частотными, чем основные значения. Если же по каким-либо причинам одно из неосновных значений слова приобретает широкую употребительность, это может привести к изменению роли этого значения в семантической парадигме, вплоть до замещения им позиции основного значения, которое переходит на положение неосновного, менее употребительного. Примером может быть глагол *достать*. Этимологическим, исконным его значением является значение 'коснуться, дотронуться до чего-либо' (*достать рукой до верхней полки*). Значение хорошо мотивируется словообразовательной структурой и формой управления (**д о ч е г о**). Но с точки зрения

современного русского языка это значение не является для глагола *достать* основным, наиболее употребительным; в словарях в качестве такового (под цифрой 1) дается значение 'взять что-либо, находящееся на расстоянии' (*достать книгу с полки*). Любопытно заметить, что в семантической парадигме этого глагола имеется еще значение 'раздобыть с трудом', которое за последнее время **чрезвычайно** расширило свою употребительность в речи и усилило **роль** данного значения настолько, что при внеконтекстном осмыслении глагола *достать* именно оно воспринимается в качестве **основного**.

Второй тип характеристик отдельных значений слов связан с синтагматическими особенностями их реализации. Здесь противопоставляются **свободные** и **связанные** значения, зависящие от характера типового контекста, который может быть широким (неспециализированным) или узким (специализированным в той или иной степени). Свободными значениями принято считать такие, которые могут быть реализованы в самых разнообразных контекстах при минимальной специализации. Например, глагол *идти* реализует свое основное значение 'перемещаться с помощью ног' при наличии в позиции субъекта любого личного существительного, существительных со значением животного.

Сами термины — «свободное» и «связанное» значение — представляются не вполне удобными, так как своей внутренней формой дублируют критерии, с помощью которых разграничиваются основные (независимые от контекста) и неосновные (зависимые от контекста) значения. Более правильным было бы называть соответствующие лексико-семантические варианты как 1) значения, характеризующиеся широким, мало специализированным контекстом, и 2) значения, типовой контекст которых достаточно специализирован.

Специализированность контекста проявляется в ограничении круга контекстных партнеров. Так, в контексте того же глагола *идти* в значении 'быть к лицу' в позиции субъекта могут стоять только существительные, обозначающие виды и детали одежды или украшений (*вам идёт это платье, этот цвет, эта прическа*). В контексте глагола *надеть* позиция объекта может быть замещена только названиями одежды и обуви (*надеть платье, чулки, платок, туфли*). Связанными бывают по преимуществу неосновные значения. Но это не означает, однако, что у основного значения слова не может быть специализированного контекста. Контекст основных значений также может быть специализированным в морфологическом, лексическом или синтаксическом отношении, ср.: *надеяться на что* (морфологический контекст); *лай собаки* (лексический контекст); *Молодец!* (синтаксический **контекст**) — только в роли главного члена особого вида односоставных предложений.

Понятия специализированного контекста и контекста обуславливающего, характерного для неосновных значений, не совпада-

ют. Многие неосновные значения реализуются в достаточно разнообразном, широком контексте, который отличается от контекста основного значения. Например, неосновное значение глагола *вести* ('направлять деятельность кого-, чего-л., управлять, руководить кем-, чем-л.') допускает очень большое лексическое разнообразие в замещении позиции прямого объекта, ср.: *вести занятия, семинар, хозяйство, отдел, класс, больных* (МАС, I, 156).. Основные значения слов как бы «задают» возможный контекст, но даже если этот контекст не будет реализован в полном объеме, основное значение будет выражено, если этому не противоречит наличие в контексте каких-либо элементов, не совместимых с основным значением (в этом случае для основного значения **созда-**ется слабая позиция). При отсутствии таких элементов слово может реализовать свое основное значение и без поддержки типичных для него контекстных партнеров. Так, глагол *говорить* предполагает в контексте следующие типовые значения: 'содержание речи' (*говорить о чем, что*), 'собеседник' (*говорить кому*), и эти позиции в реальных фразах могут быть замещены полностью или частично, например: *говорил брату о письме, говорил брату правду, говорил правду о войне, говорил о прошлом, говорил отцу*. Во фразе *он говорил долго* ни одна из позиций не реализована, а глагол свое значение выражает, так как типовой контекст поддерживает его значение, но не является необходимым, поскольку основное значение автосеманлично.

В неосновных значениях соотношение слова и контекста иное: контекст обуславливает значение, поэтому является необходимым как часть формы выражения синсемантического значения. Так, фраза *платье идет* является информативно недостаточной, и только **введение** в нее позиции **кому?** (*Платье идет вам*) дает ей полную смысла, а глаголу определенность значения ('быть к лицу').

Следующее противопоставление — прямое и **перенос-**ные значения. Их различие зависит от наличия или отсутствия в значениях внутренней семантической двуплановости, создающей основу образности переносных значений. Данное разграничение в известной степени соотнесено с разграничением основных и неосновных значений, поскольку всякое переносное значение является семантически производным, вторичным, т. е. неосновным.

Переносное значение обязательно соотнесено с основным, и эта соотнесенность создает внутреннюю форму значения, обуславливает его семантическую **двуплановость**. Употребляя слово *воздушный* в сочетаниях *воздушное платье, воздушная походка*, мы реализуем вторичное значение 'легкий, невесомый'. Помимо указанной семантики в содержании присутствует и осознается в качестве внутренней формы смысл 'подобный воздуху', который и создает второй план в семантике слова, придавая данному значению качества образности. Во фразе *После выступления певица вспыхнула и прокатилась по залу новая*

волна аплодисментов слово *волна* выступает в переносном значении — 'масса, поток чего-либо движущегося, следующего друг за другом на некотором расстоянии'; общие признаки 'движение', 'последовательно-ритмичное', 'подобное движению волн' связывают его с основным значением слова 'водяной вал, образуемый колебательными движениями водной поверхности'. Таким образом, слово в переносном значении одновременно соотнесено с двумя денотатами: собственным и денотатом основного значения. Денотат основного значения присутствует в переносном в качестве 'внутренней формы', как указание на предмет, на основе сходства с которым названо явление, составляющее собственный денотат переносного значения.

По своему содержанию переносные значения бывают очень специфическими, во многих из них отсутствуют какие-либо компоненты, общие с основным значением, **ср. :базар** — 1. 'Розничный торг на площади или в специальном помещении' и 3.*перен.* 'О беспорядочном крике, шуме'; *баня* — 1. 'Помещение для мытья'. 2. || *перен.* 'Строгий выговор, нагоняй'. В толковании основных и переносных значений «нет даже каких-либо общих слов, которые указывали бы на возможную связь значений. Эта связь основана на ассоциациях, обусловленных представлением о самих предметах» ¹. Именно ассоциативный характер переносных значений и делает их **о б р а з н ы м и** средствами. Прямые значения слов, как правило, лишены образности, так как прямо соотнесены с классом денотатов, обобщенных в соответствующих понятиях. Представления о конкретных предметах как бы «подавлены» понятиями, скрыты внутри них. Правда, в производных словах семантическая двуплановость возможна за счет яркости мотивировочного признака, но образность может иметь место только в значении тех производных слов, где мотивировочным признаком является сравнение, например: *взвинтить*, *донкихотствовать*, *елейный*, *ершистый*, *обезьянничать* и т. п.

Далеко не всякое неосновное значение можно квалифицировать как переносное, ибо не любое из них основывается на ассоциации сходства, создающей эффект образности. Многие значения возникают на основе метонимической близости явлений, названных основным и неосновным значением, например: значение 'ум, сознание' у слова *голова*, значение 'письменный документ' у слова *бумага* (*Бумаги у него в порядке*), значение 'много видевший, опытный' у прилагательного *бывалый*, значение 'увести с собой' у глагола *брать* (*Он часто брал сына с собой на охоту*) и т. п. Так называемые обобщенные значения, которые развиваются в многозначных словах в результате их употребления в обобщенном смысле в условиях расширительного контекста, как правило, являются прямыми, например: значение 'получить в свое пользование' в глаголе *брать* (*Я часто брал у него книги*), значение

¹ Шмелев Д. Н. Введение // Там же. С. 25.

'ответвление от чего-либо главного' в существительном *ветвь* (*Этo новая ветвь фонетики — акцентология*), значение 'высокий' в прилагательном *гордый* (*Этo слово гордое «товарищ»...*).

Значения слов, возникающие как переносные, со временем могут утрачивать это качество. При частном употреблении переносное значение становится привычным, семантическая двуплановость его стирается, оно становится одним из неосновных прямых значений, например: значение глагола *идти* в сочетании *идет дождь*, значение слова *крыло* в сочетании *крыло дома*, значение слова *садиться* в сочетании *солнце садится* и т. п. Качество переносности органически связано с частотой употребления слов. Употребленное однажды в качестве индивидуально-образного средства, переносное значение воспринимается как особо выразительное, экспрессивное, ср.: *иглы упрёков*, *слезоточивые окна* и др. Расширение употребительности переносного значения слова способствует утрате образности. При этом восприятие степени образности разными людьми оказывается весьма индивидуальным. Для одних значение слова *железный* в сочетании *железные нервы* переносное, для других — нет.

Разграничение значений **нейтральных** и **стилистически-маркированных** зависит от наличия или отсутствия в них дополнительных смыслов, которые не входят в понятийную часть содержания значений и имеют характер эмоциональных, стилистических и других «добавок». Значения, лишённые «добавок», являются нейтральными; значения, в которых они присутствуют, — **стилистически-маркированными**.

Стилистическая маркированность может быть присуща всем значениям слов — как основным, так и неосновным. Например, все значения глагола *бухнуть* обладают стилистической маркированностью: 1. *Разг.* 'Издать глухой звук'. *Бухнул выстрел*. 2. *Разг.* 'С шумом бросить, уронить'. *Бухнул на пол вязанку дров*. 3. *Прост.* 'Необдуманно сказать'. *Он отцу и бухнул прямо в глаза*. Чаше стилистически-маркированными оказываются только некоторые из неосновных значений. Например, из четырех значений глагола *забросить*, отмеченных в словаре, только последнее является маркированным, ограниченным в своем употреблении рамками разговорной речи: 1. 'Бросить, кинуть за что-л.' 2. 'Переместить свободным движением часть тела или одежды'. *Забросить руку за спинку стула*. 3. 'Перестать заниматься чем-л.' *Забросить музыку*. 4. *Разг.* 'Доставить, завезти в определенное место'. *Пароход забросил письма*.

Существует еще одна характеристика значений, которая имеет внутрисистемный характер, так как не может быть выявлена без сопоставления с другими словами. Эта характеристика касается преимущественно неосновных значений и выражается в том, что в неосновных значениях одни слова часто становятся синонимами других слов в основных значениях, выступая по отношению к последним в качестве вторичных форм выражения тех же значе-

ний. Такие значения слов можно назвать пересекающимися или синонимичными. Например, существительное **лента** все чаще в современном русском языке употребляется в значении 'фильм' как синоним соответствующих слов *фильм, кинофильм, кинокартина*, ср.: *На смотр прислали ленты всех жанров многие киностудии страны*; ср. также значение 'приятный' в прилагательном *бархатный (бархатный голос)*, значение 'застать' для глагола *захватить (Дождь захватил нас в лесу)*. О распространенности пересекающихся значений свидетельствуют данные словарных описаний семантических парадигм многих слов. Такие значения, как правило, не имеют развернутых определений, а толкуются с помощью тех синонимов, с которыми «пересекаются» в данных значениях, например: **завести** — 5. 'Устроить, оборудовать, основать'. — *Я это болото высушу и суконную фабрику на нем заведу, с усовершенствованиями.* (Тургенев) (МАС, /, 501); **заворожить** — 2. 'Очаровать, пленить' (МАС, I, 505); **земля** — 6. **высок**. 'Страна, государство' (МАС, I, 608). Наличие пересекающихся значений свидетельствует о том, что многозначность (семантическое вырывирование слов) органически связана с другим видом вариантных отношений в лексике — синонимией. В ходе последующего рассмотрения синонимических отношений мы постараемся более подробно раскрыть эту связь (см. гл. VIII).

Наряду с пересекающимися неосновными значениями в многозначных словах имеют место и непересекающиеся — неосновные значения, которые являются единственными обозначениями тех или иных явлений. Неосновное, производное значение слова выступает в данном случае как основная форма выражения содержания соответствующих семем. Примерами таких значений могут быть значение 'листы с рукописным текстом' в существительном *бумага (Он набросил шубу на плечи, сел и уткнулся в бумаги)*; значение 'терять свою силу, выразительность' в глаголе *бледнеть (В каждом языке имеются такие красоты, которые бледнеют в переводе)*.

Рассмотренные характеристики значений слов показывают, с одной стороны, насколько широк и разнообразен их набор, с другой — как органически связаны характеристики между собой. Все это дает хорошую основу для анализа многозначности конкретных слов. Несмотря на неповторимую специфичность семантических парадигм каждого многозначного слова, в организации парадигм прослеживаются определенные закономерности. К выявлению закономерностей можно прийти только путем анализа парадигм, в котором должен использоваться компонентный метод при наблюдениях над содержанием семантических вариантов и контекстологический метод при наблюдениях над контекстными особенностями реализации этих вариантов.

§ 6. Объектом анализа многозначных слов могут быть многозначные слова на уровне семантических вариантов, реализую-

щихся в конкретных словоупотреблениях. Различаются два вида анализа многозначных слов: 1) типологическая характеристика отдельных значений и 2) характеристика внутрисловной семантической парадигмы слов в целом. И тот и другой вид анализа опирается на компонентный анализ содержания отдельных значений многозначных слов.

Рассмотрим **первый** вид анализа многозначных слов. Он предполагает знание параметров, по которым могут характеризоваться отдельные значения слов. К ним относятся следующие характеристики: а) основное — неосновное; б) свободное — контекстно-связанное; в) прямое — переносное; г) нейтральное — **стилистически-маркированное**. В соответствии с этими характеристиками в ходе анализа можно выделить четыре основных этапа и один подготовительный, на котором необходимо определить содержание анализируемого значения слова, подвергнув его компонентному анализу. Для примера возьмем несколько значений слова *голова*, представленных в следующих фразах:

1. *Старый дед, с лысой головой и седыми усами, сидит на завалинке* (В. Г. Короленко).

2. *Печальные мысли теснятся в моей голове* (Н. В. Гоголь).

3. *Самые отчаянные головы говорили, что теперь надо помолчать* (Н. Павлов).

4. *Парниками мой папаша управляет. Он у нас голова сельскому хозяйству* (В. Ажаев).

Подготовительный этап — установим содержание значений слова *голова* в предложенных фразах: 1 — 'верхняя часть тела человека', 2. — 'ум, сознание, рассудок', 3 — 'человек как носитель каких-л. качеств, свойств', 4 — 'руководитель, начальник, глава в каком-либо деле'.

Первый этап предполагает определение значений слова по признакам основное — неосновное. Интуитивно в качестве основного значения слова *голова* осмысляется то, которое представлено в первой фразе ('верхняя часть тела человека'). Для решения этой задачи можно провести психолингвистический эксперимент, используя в качестве информантов любых носителей языка, лучше нефилологов. Информантам предлагается дать определение значения слова *голова* вне связей с каким-либо контекстом или попросить составить фразу со словом *голова* на основе первых, пришедших в голову синтагматических ассоциаций. Как правило, в сознании носителей языка, специально не нацеленных на решение лингвистических задач, слово ассоциируется с основным значением. Информанты обычно составляют фразы, в которых слово представлено в основном значении: *опустить голову, голова болит, голова поседела* и под.

Но полагаться только на интуицию не следует. Необходимо обратиться к толковому словарю современного русского языка, чтобы проверить интуитивное осмысление указанного значения в качестве основного, а остальных значений — в качестве не-

основных. В словарной статье слова *голова* в МАСе (1, 325) на первом месте стоит значение '**верхняя** часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животных'. Это свидетельствует о том, что данное значение является основным в семантической парадигме слова *голова*. Значение (2) 'ум, сознание, рассудок' дано в словаре под цифрой два как неосновное. Значение (3) 'человек как носитель каких-л. качеств, свойств' приводится в словаре в качестве оттенка второго, неосновного значения, а значение (4) 'руководитель, начальник, глава в каком-л. деле' дано под цифрой три как особое неосновное значение. Неосновные значения связаны с основным общностью отдельных семантических признаков. Значение (2) 'ум, сознание, рассудок' связано с основным значением семей 'мозг', которая в основном является потенциальной. Значение (3) 'человек как носитель каких-л. качеств, **свойств**' связано с основным через посредство значения (2) 'ум, сознание, рассудок', так как имеются в виду внутренние, духовные качества человека, а не внешние особенности. Значение (4) 'руководитель, начальник, глава в каком-л. деле' связано с основным значением семей 'верхняя часть'.

Задача второго этапа — характеристика типа значения слов в зависимости от типа контекста, от степени его специализации. Специфику типового контекста можно выявить с помощью контекстологического анализа (см. гл. VI, § 7). Можно также опереться на словари, поскольку в них имеются определенные указания на особенности сочетаемости слов в разных значениях.

При значении (1) 'верхняя часть тела человека' и значении (2) 'ум, сознание' в слове *голова* нет указаний на особенности сочетаемости. Поэтому данные значения можно характеризовать как свободные, хотя контексты их реализации, как показывает контекстологический анализ, различны. Для контекста слова в значении (1) типичны слова *седая, кудрявая, шапка, кивнуть* и т. п., в значении (2) обычно присутствуют слова *мысль, идея, замысел* и под. и глаголы употребляются чаще в переносных или обобщенных значениях: *В голове у него родилась (промелькнула, шевельнулась, появилась) мысль.*

При значении (3) 'человек как носитель каких-л. качеств, свойств' имеется помета **какая**, указывающая на обязательность в контексте имени прилагательного, а формулировка *О человеке как носителе...* указывает на то, что в этом значении слово *голова* выполняет характеризующую функцию, т. е. **выступает** в функции сказуемого (по преимуществу). Это дает основание для квалификации данного значения как значения связанного, морфологически и синтаксически обусловленного.

При значении (4) 'руководитель' имеются указания на грамматическую сочетаемость (**чего** или **кому, чему**): *голова братьям, голова хозяйства*. Здесь ярко выражен морфологический фактор контекста, поэтому данное значение можно определить

как конструктивно обусловленное (по терминологии В. В. Виноградова).

На третьем этапе определяются прямые и переносные значения многозначного слова. Основные значения — прямые, неосновные могут быть как прямыми, так и переносными. В переносных значениях должна хорошо осознаваться «внутренняя форма», связывающая их с прямыми значениями.

В словарях имеется специальная помета *перен.*, указывающая на переносный характер значения. В частности, такая помета имеется у всех рассмотренных нами значений слова *голова*, за исключением первого, которое является основным и прямым, хотя, безусловно, степень переносности этих значений различна, что зависит от степени осмысливаемости «внутренней формы». Хорошо осознается переносность в значениях (4) 'руководитель', (3) 'человек как носитель каких-л. качеств'.

Четвертый этап предполагает характеристику значений слова с точки зрения нейтральности — стилистической маркированности.

Здесь также следует опираться на специальные пометы, которые даются в словарях при значениях слов, имеющих экспрессивно-стилистическую маркированность. Из рассматриваемых значений слова *голова* только одно (4) 'руководитель' имеет в МАСе помету *разг.*, указывающую на употребительность слова преимущественно в разговорной речи.

В итоге мы получаем следующую характеристику типов анализируемых значений слова *голова*:

1. 'Верхняя часть тела **человека**' — **основное**, свободное, прямое, нейтральное.

2. 'Ум, сознание, рассудок' — неосновное, свободное, переносное, нейтральное.

3. 'Человек как носитель каких-л. качеств, свойств' — неосновное, связанное (морфологический и синтаксический контексты), переносное, нейтральное.

4. 'Руководитель, начальник, глава в каком-л. деле' — неосновное, связанное (морфологический контекст), переносное, стилистически-маркированное (разговорное).

Второй вид анализа многозначных слов связан с характеристикой не отдельных значений, а структуры внутрисловной семантической парадигмы в целом. Как мы уже отмечали, эта парадигма представляет собой систему семантических вариантов (значений) одного слова, связанных между собой.

Внутрисловные семантические парадигмы разных слов отличаются друг от друга прежде всего количественно: набор возможных семантических вариантов может быть любым для каждого слова. Данные толковых словарей свидетельствуют об этом достаточно очевидно. Наряду со словами, толкуемыми однозначно, имеется много слов, словарные статьи которых включают в себя более двадцати значений. Но главное различие заключается в характере связей семантических вариантов. Эти связи составляют внутрен-

ную структуру **семантической** парадигмы многозначного слова, и в их основе лежит общность семантических компонентов, поэтому прежде должен осуществляться компонентный анализ содержания отдельных значений.

Поскольку главную роль в парадигме многозначного слова играет основное значение, то связь всех остальных значений устанавливается именно по отношению к этому значению. При этом оказывается, что одни значения связаны с основным непосредственно, а другие — через посредство каких-либо значений. Вторичные значения, непосредственно связанные с основным, также неоднородны. Они различаются в зависимости от того, по каким компонентам — категориально-лексическим, дифференциальным или потенциальным — связаны с основным значением. В характеристике структуры внутрисловной парадигмы многозначного слова выделяются три этапа:

А. Количественная характеристика парадигмы.

Б. Характеристика значений, непосредственно связанных с основным.

В. Характеристика значений, связанных с основным опосредованно.

Проводя этот вид анализа, следует полагаться на данные толковых словарей, в которых имеется перечень значений слов и толкование их содержания. Проиллюстрируем ход такого анализа на примере известных нам слов *голова* и *вести*.

Многозначное существительное *голова*.

А. Внутрисловная семантическая парадигма этого слова включает в себя шесть значений и три оттенка, следовательно, состоит из девяти семантических вариантов. Перечислим их.

1. Основное значение — '**верхняя** часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животного, содержащая мозг'. *Понуришь голову*.

2. В значении '**единица** счета (скота)' (оттенок 1-го значения). *Стадо в триста голов*.

3. 'Ум, сознание; рассудок' (2-е значение). *Ясная голова*.

4. 'О человеке большого ума' (оттенок 2-го значения). *Торопчин, брат, голова...*

5. 'О человеке как носителе каких-л. качеств, свойств' (оттенок 2-го значения). *...Ветреная голова*.

6. 'Руководитель, начальник, глава в каком-л. деле' (3-е значение). *Голова всему делу*.

7. 'Председатель и руководитель некоторых выборных органов в дореволюционной России, а также военное или гражданское звание' (4-е значение). *Казачий голова*.

8. 'Первые ряды, передняя часть' (движущегося отряда, группы и т. п.) (5-е значение) *Голова демонстрации*.

9. 'Пищевой продукт в виде шара, конуса' (6-е значение). *Голова сыру*.

Б. Непосредственно с основным значением слова *голова* связаны следующие семантические варианты:

2 — 'единица счета (**скота**)' — по семе 'животное';

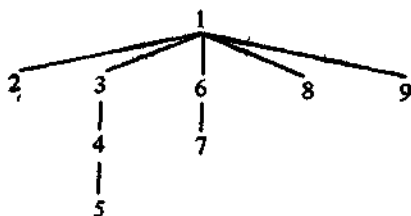
3 — 'ум, сознание, **рассудок**' — по семе 'мозг';

6 — 'руководитель' — по семе 'верхний';

8 — 'передние ряды' — по семе 'передняя часть';

9 — 'пищевой продукт' — по потенциальной для основного значения семе 'круглый'.

В. Вариант 4 ('умный человек') связан с основным значением через посредство значения 3 ('ум, сознание, рассудок'). Вариант 5 ('о человеке как носителе качеств') непосредственно связан со значением 4 ('умный человек'), а через него — с основным значением. Вариант 7 ('председатель') связан с основным значением через посредство значения 6 ('руководитель, начальник'; Схематически структура семантической парадигмы слова *голова* может быть изображена так:

Многозначный глагол *вести*.

А. Семантическая парадигма этого слова включает в себя семь значений и три оттенка, всего десять семантических вариантов. Перечислим их.

1. Основное значение — 'идя вместе, направлять движение, помогать идти'. *Мать вела его [слепого сына] за руку* (Короленко).

2. 'Идти во главе, предводительствуя, направляя движение' (оттенок 1-го значения). *Царь к востоку войско шлет, Старший сын его ведет* (Пушкин).

3. 'Управлять движущимся предметом (судном, автомашиной, самолетом и т. п.)' (оттенок 1-го значения). *Вести самолет*.

4. 'Направлять деятельность кого-, чего-л., управлять, руководить' (2-е значение). *Вести семинар*.

5. 'Двигать, перемещать что-л. по какой-л. поверхности' (3-е значение). *Вести указкой по карте*.

6. 'Прокладывать, протягивать, проводить и т. п. в определенном направлении' (4-е значение). *Солдаты вели куда-то телефонные провода* (Вс. Иванов).

7. 'Иметь то или иное направление, служить путем куда-л.' (5-е значение). *Аллея стриженных елок вела к подъезду* (Тургенев).

8. 'Иметь последствием, влечь за собой' (6-е значение). ...*К беде неопытность ведет* (Пушкин).

9. 'Сводить, корчить, коробить' (6-значение, *прост.*). *Доску ведетотсырости.*

10. В сочетании с некоторыми существительными обозначает: 'составлять, выполнять, производить, осуществлять' (7-е значение). *Вести записи.*

Б. Непосредственно с основным значением слова *вести* связаны следующие семантические варианты:

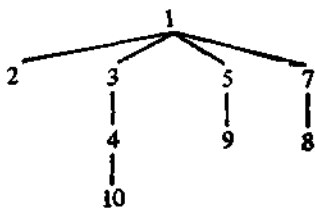
2 — 'идти во главе' — по семам 'совместное движение' и 'направленность';

3. — 'управлять движущимся предметом' — по семам 'движение' и 'направление';

5 — 'двигать, перемещать что-л.' — по семам 'движение' и 'направление';

7 — 'иметь то или иное направление' — по семе 'направление'.

В. Вариант 4 ('направлять деятельность') непосредственно связан с вариантом 3 ('управлять движущимся **предметом**') по семе 'руководство, управление', а через него — с основным значением. Со значением 4 ('направлять деятельность'), в свою очередь, связан вариант 10 ('осуществлять действие'), представляющий самый абстрактный вариант значения глагола *вести*. Содержание этого значения по существу сводится к самым общим глагольным семам 'действие', 'деятельность', по которым данное значение и соотнесено со значением 4 ('направлять деятельность'). Вариант 8 ('иметь последствием, влечь за собой') непосредственно связан с вариантом 7 ('иметь то или иное направление') по семе 'служить, быть чем-то'. Что касается варианта 9 ('сводить, корчить, коробить'), отмеченного в словаре в качестве просторечного, то он ближе всего к значению 5 ('двигать, перемещать что-л.'). Схематически парадигму семантических вариантов слова *вести* можно представить так:

§ 7. Способность к семантическому варьированию — естественное, органичное свойство слов. Но реализуется оно далеко не у всех слов, а только у тех, которые являются наиболее употребительными и достаточно обобщенными по основным значениям. Такие слова составляют примерно половину лексического состава современного русского языка и «покрывают» большую часть

реальных речевых произведений, так как обладают большой частотностью и семантической широтой. Широта многозначности прямопропорциональна употребительности слов, ибо только при широкой употребительности в условиях различных контекстов происходит реализация потенциальных возможностей к семантическому варьированию.

Многозначным словам противопоставлены слова однозначные, среди которых можно выделить несколько типов. Это прежде всего имена собственные, возможности семантического варьирования у них ограничены особым, предельно конкретным характером значений. Они служат названиями уникальных, единичных предметов, и многозначность для них возможна только в процессе утраты качеств имени собственного, на пути перехода в существительные нарицательные (аппелятивы).

Однозначны, как правило, неологизмы, слова, недавно возникшие, еще не получившие широкого распространения, без которого немислимо развитие многозначности. Из трех с половиной тысяч слов, помещенных в словаре-справочнике «Новые слова и значения» (М., 1973), лишь единичные имеют не одно значение, подавляющее большинство этих слов однозначно. Лишены многозначности также слова с узким, конкретно-предметным значением. Обозначая предметы специфические, они, естественно, являются словами редко употребляемыми, **что** и способствует их однозначности, ср.: *бидон, бинокль, бинт, бирюза, бисер* и т. п.

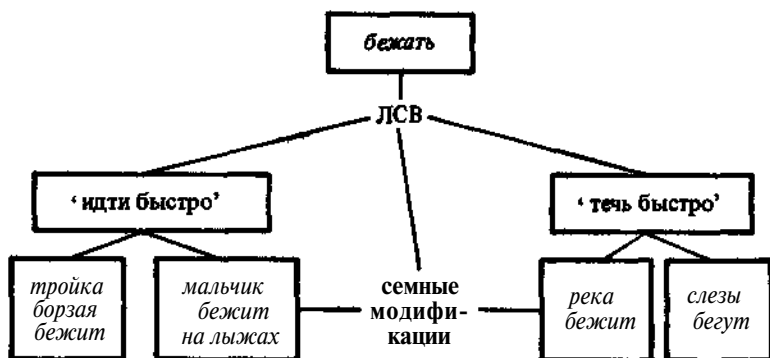
Особое место среди однозначных слов принадлежит терминологической лексике. Одним из социальных требований, на которое должна ориентироваться терминология, является требование ее однозначности. Однако это требование далеко не всегда реально выполняется, и терминам приходится преодолевать естественную способность любой лексической единицы к многозначности.

Но однозначные слова могут подвергаться семному варьированию или речевым модификациям на уровне словоупотреблений. Такие модификации могут осуществляться в рамках эмпирического компонента в зависимости от особенностей денотата, ср. смысловые различия в слове *бинокль* при употреблении его в таких фразах, как *У отца был морской бинокль* и *Я возьму в театр твой бинокль*. Эти различия проявляются на уровне наших представлений о разных типах биноклей и входят в смысл данного слова только в конкретных словоупотреблениях. Семные модификации однозначных слов **могут** определяться также теми контекстными факторами, о которых уже говорилось выше в связи с характеристикой особенностей смысла слов-синтагм. Так, в значении прилагательного *мокрый* в разных контекстах актуализируются разные семы, уточняющие категориально-лексическую сему 'пропитанный влагой', ср.: *На улице мокрый* ('содержащий влагу') *снег, Мокрый* ('покрытый влагой') *асфальт тускло блестит; Нужно было сушить мокрую* ('пропитанную влагой') *одежду и обувь*. В целом семантическое варьирование однозначного слова в сравнении

многозначным представляется более простым, так как осуществляется только в виде семного речевого варьирования

Схема семантического варьирования многозначных слов более сложна, **имеет** как бы трехступенчатый характер Ср.:

Таким образом, семная модификация осуществляется в рамках системных лексико-семантических вариантов слова. Для разграничения двух типов модификации значений слов предлагается два термина: системное — лексико-семантическое варьирование и речевое — семное варьирование, которые являются видовыми по отношению к родовому термину — семантическое варьирование слова [4, 104]. **Практически** при конкретном анализе многозначных слов такое разграничение представляется не только целесообразным, но и необходимым.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 1 **Кацнельсон** С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М., Л. 1965 С. 40—61
- 2 **Курилович** Е. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике. М., 1962 С. 237—250
- 3 **Шмелев** Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973
- 4 **Стернин** И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985

Понятие функциональной эквивалентности гораздо шире категории абсолютных синонимов, которые представляют собой один из видов словесных оппозиций тождества на уровне слов-ономатем. Более широкое понимание синонимии как функциональной эквивалентности слов ориентировано на слова-синтагмы, функционирующие в предложениях. Инвариантным при таком подходе к синонимии является не просто значение слова, а его семантическая функция в предложении. **Функциональными** эквивалентами являются такие слова, которые способны выполнять одну и ту же функцию в рамках одного и того же или одних и тех же предложений. Адекватность функций может быть установлена с помощью коммутационной проверки, которая осуществляется путем подстановки слов. Если смысл какого-либо предложения не изменяется при взаимозамене слов, то такие взаимозаменяемые слова можно считать лексическими вариантами, выполняющими в данном предложении одну и ту же семантическую функцию, т. е. функциональными эквивалентами.

Рассмотрим пример. В исходной фразе *На его долю выпали одни неприятности* попробуем заменить некоторые слова, сохранив общий смысл фразы: *На его долю достались одни неприятности; На его долю выпали одни огорчения; На его долю достались только неприятности*. Поскольку эти фразы передают одну и ту же информацию, слова *достались* — *выпали*, *огорчения* — *неприятности*, *одни* — *только* можно считать функционально эквивалентными. Другой пример: *Справа, в тени берез, шла (происходила, велась) погрузка имущества на грузовики (машины, автомашины)*. Здесь функциональными эквивалентами являются глаголы *идти* — *происходить* — *вестись* и существительные *грузовики* — *машины* — *автомашины*.

В функциональной эквивалентности слов на лексическом уровне находит свое воплощение общий для всей системы языка вид вариантных отношений, в основе которого — в качестве инварианта — лежит категория общей функции. Аналогом его на фонологическом уровне является фонемный ряд, который объединяет в себе внешне различные звуковые единицы (варианты морфемы), выполняющие одну и ту же функцию в составе одной и той же морфемы.

Функциональная эквивалентность слов сходна с многозначностью в том, что оба эти вида вариантных отношений в лексике полностью реализуются только на уровне слов-синтагм, связанных в рамках предложения с определенным контекстом. Но характер контекста, его роль в формировании многозначности и синонимии неодинаковы, даже противоположны. При семантическом варьировании слова контекст обязательно должен быть различным, и только при этом условии слово может выступать в разных значениях. При функциональной эквивалентности, на-

против, контекст должен быть одинаковым. Сходство контекста снимает частично формальное несходство лексем, выполняющих одну и ту же функцию.

Общее соотношение лексем, семем и контекста, противопологающие условия реализации вариантов условиям инвариантности можно отразить в следующей таблице.

	Лексема	Семема	Контекст
Инвариант	две	две	один
	1) <i>закреть</i> 2) <i>потерять</i>	'сложить' 'перестать иметь'	<i>книгу</i>
Синонимы	две	одна	один
	1) <i>потупить</i> 2) <i>опустить</i>	'наклонить вниз '	<i>голову</i>
ЛСВ	одна	две	два
	<i>учить</i>	1) 'передавать знания' 2) 'приобретать знания'	1) <i>ремеслу</i> ко го о-л 2) <i>физику</i>

Если в одном и том же контексте две лексемы выражают два разных значения, перед нами самостоятельные **инвариантные** лексические единицы (*закреть*, *потерять*). Если в одном и том же контексте одно и то же значение может быть выражено двумя разными словами, то такие слова являются лексемными (или лексическими) **вариантами**. Если одна и та же лексема в разных контекстах служит выражению разных значений, то такие значения представляют собой семантические **варианты**.

§ 2. Функциональные эквиваленты, обладая одинаковой значимостью, способностью выполнять одну и ту же семантическую функцию в предложении, могут совпадать по своему собственному значению, а могут и не совпадать. В зависимости от того, одинаковы или только сходны собственные значения функционально эквивалентных слов, а также в зависимости от типа значений слов (основных и неосновных), целесообразно разграничить три вида функциональной эквивалентности, или синонимии в широком смысле слова.

1. Функциональные эквиваленты — **абсолютные** синонимы. Такие слова связаны на уровне своих основных значений семантическими оппозициями тождества. Их функциональная адекватность предопределена ономатемной тождественностью — тем, что лексические значения представляют собой комплексы одних и тех же семантических компонентов: *Ребята бросились тушить (гасить) огонь*. Слова, попарно связанные отношениями

функциональной эквивалентности, проявляющейся во взаимозаменяемости, выступают в данной фразе в основном значении, содержательно адекватном. Контекст при таких словах не играет роли фактора, обуславливающего эквивалентность, напротив, за счет него синонимы могут утратить качество взаимозаменяемости [см. гл. IV].

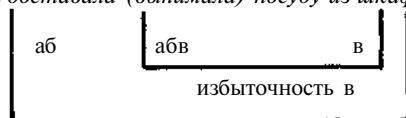
2. Функциональные эквиваленты — **контекстные** синонимы — это слова, которые способны замещать друг друга в одних и тех же фразах, реализуя при этом свои **основные**, не **одинаковые**, а только **сходные** по содержанию значения. Например: *Корзина была полна яблок. Плоды (яблоки) были свежие, крупные.* Лексема *плоды* во втором предложении является функциональным эквивалентом лексемы *яблок*. Оба слова при этом выступают в основном значении, не совпадающем по содержанию, но по своей функциональной означимости слова адекватны. На ономатемном уровне слова *плод* и *яблоко* образуют привативную семантическую оппозицию: *плод* — 'часть растений, развивающаяся из цветка и содержащая семена', **яблоко** — 'шаровидный плод яблони'. Маркированным, более содержательным элементом оппозиции является слово *яблоко*, так как оно включает в себя все компоненты слова *плод* и сверх того семы 'шаровидный' и 'яблоня'. В условиях приведенной фразы оппозиция нейтрализуется благодаря наличию в контексте слова *яблоки*.

Функционально эквивалентными контекстными синонимами являются глаголы *достать* и *вынуть* во фразах *Она доставала посуду из шкафа* и *Она вынимала посуду из шкафа*. На ономатемном уровне глаголы образуют привативную семантическую оппозицию, в которой маркированный элемент, глагол *вынуть* ('достать откуда-либо изнутри') отличается от глагола *достать* ('взять откуда-либо') признаком 'изнутри'. Во фразах имеется предложно-падежная группа *из шкафа*, которая **содержит** в себе тот же различительный признак ('изнутри'). Глагол *достать*, присоединяя к себе этот признак, становится функционально эквивалентным глаголу *вынуть*. Оппозиция, таким образом, нейтрализуется за счет контекста, содержащего в себе признак, который является различительным в рамках привативной оппозиции, маркирует глагол *вынуть*. При этом следует отметить, что вторая фраза характеризуется большей избыточностью средств выражения, чем первая. В первой фразе сема 'изнутри' выражена только предложно-падежной группой *из шкафа*, во второй же эта сема манифестируется дважды: имплицитно в лексическом значении глагола *вынуть* и эксплицитно — в предложно-падежной группе *из шкафа*.

Обозначив сему 'взять' индексом «а», сему 'откуда-либо' — индексом «б», сему 'изнутри' — индексом «в», мы можем схематично

чески представить себе механизм нейтрализации привативной оппозиции *достать* — *вынуть* в условиях данного контекста

Она доставала (вынимала) посуду из шкафа

аб + в совпадение с абв

Взаимозаменяемыми могут быть и члены привативных оппозиций, связывающих стилистически-маркированное слово с его нейтральным синонимом, ср *Вот высунулась из окна волосатая башка (голова) лодочника Ферманова* (М Горький), *Она шага ла величественно, за нею по паркету влачились (тянулись) траурные плерезы* (М Горький) **Общи** смысл фраз при замене маркированных слов *башка* и *влачились* нейтральными синонимами *голова* и *тянулись* не изменяется, происходит лишь трансформация эмоциональной тональности фразы В отличие от выше рассмотренных случаев здесь не наблюдается нейтрализации тех экспрессивных оттенков, которые лежат в основе противопоставления стилистически маркированного слова нейтральному синониму

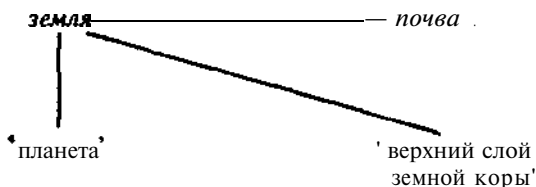
3 Функционально эквивалентные лексемы — **вторичные** синонимы Этот вид синонимии органически связан с многозначностью, с так называемыми «пересекающимися» неосновными значениями, о которых говорилось выше На уровне таких значений одно слово становится функциональным эквивалентом другого в условиях определенного контекста, **обуславливающего** данное неосновное, вторичное значение, ср *Рядом шла (происходила) погрузка на машины* Глагол *идти* выступает здесь в значении, которое является основным для глагола *происходить* Между глаголами возникают отношения вторичной синонимии, поскольку один из них (*идти*) реализует свой неосновной семантический вариант Такого рода синонимия может связывать два слова в значениях, которые для каждого из них являются вторичными Например *Мальчику крепко попало (досталось) за вчерашнюю историю* Глаголы *попасть* и *достаться* выступают в этой фразе в неосновных значениях, пересекаясь друг с другом

§ 3. Вторичная синонимия — это наиболее распространенный вид функциональной эквивалентности слов, **органически** связанный с многозначностью Эта связь, сформулированная С Карцевским как «закон ассиметричного дуализма языкового знака»¹, составляет одну из характерных особенностей естественных

¹ Карцевский С Об ассиметричном дуализме лингвистического знака // *Звездинцев В А История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях* М 1965 Ч 2 С 85—90

языков, обеспечивающих им необходимую гибкость, способность быть экономичными и в меру избыточными одновременно. Экономичность достигается, в частности, за **счет** развития многозначности слов, а необходимая и полезная избыточность — за счет развития синонимии, создающей в языке известный запас функционально эквивалентных средств, предоставляющая тем, кто пользуется языком, возможность выбора

Развитие в словах некоторых вторичных значений сопровождается одновременным появлением новой синонимической пары. Например, у слова *земля* наряду с основным значением ('третья от Солнца, обитаемая нами планета') имеется несколько вторичных значений ('суша', 'почва', 'вещество', 'территория', '**с**грана'). Каждое из этих значений представляет собой вторичную функцию слова *земля*. Постольку поскольку в языке имеются слова, для которых эти значения являются основными, слово *земля* вступает с ними в отношения вторичной синонимии, в рамках которой оно функционирует в качестве вторичной формы выражения соответствующего значения. Так, слово *земля*, являясь в одном из своих значений ('верхний слой коры нашей планеты') синонимом слова *почва*, связано с ним как вторичная форма с первичной. Многозначность, таким образом, оборачивается синонимией, вторичная функция становится источником вторичной **синонимии**.

По отношению к слову *земля* значение 'верхний слой земной коры' — **его** вторичная функция. По отношению к слову *почва* слово *земля* в данном значении является вторичной формой выражения, вторичным синонимом.

Близость синонимии и многозначности не означает, однако, полного параллелизма. В семантической структуре многозначных слов имеются и непересекающиеся, уникальные значения, в противном случае язык развивался бы только «вовнутрь», обогащая ресурсы синонимов, но не расширяя состав семантических единиц. И потому явление многозначности шире, чем явление вторичной **синонимии**.

Сфера синонимии, как ни велика в ней роль вторичных синонимов, как известно, не **ограничивается** ею. В ней существуют выше рассмотренные явления абсолютной и контекстной синонимии, связывающей слова в основных значениях. За счет этих

явлений сфера синонимии шире явления многозначности. Схематически это можно было бы изобразить так:

Область вторичных пересекающихся значений является в то же время областью явления вторичной синонимии. Это две стороны одного и того же явления варьирования лексических единиц.

§ 4. Функционально эквивалентные лексемы образуют синонимические пары и ряды слов, которые можно интерпретировать как парадигмы **слов-вариантов**, связанных единством семантических функций. Элементы этих рядов неравноправны. В них, как правило, имеются слова-доминанты, с которыми соотнесены все другие члены ряда.

Роль доминантной лексики в чем-то аналогична роли основного значения во внутрисловной семантической парадигме многозначного слова. Доминантой является, как правило, наиболее употребительная и нейтральная лексема, выступающая в основном значении, наиболее приспособленная к выполнению семантической функции, которая объединяет слова-синонимы. Роль этих признаков неодинакова в разных видах функциональной синонимии. Применительно к явлениям абсолютной синонимии для выделения доминанты существенным является лишь первый признак — наибольшая употребительность и нейтральность. Например, в паре *отнять* — *отобрать* доминантным следует признать глагол *отнять*, он более употребителен и нейтрален, в паре *автомашина* — *автомобиль* — слово *автомашина*, так как слово *автомобиль* имеет в словаре помету «специальное», указывающую на ограничения в употреблении.

Для вторичной синонимии наиболее релевантным признаком доминантной лексики является признак основного значения. Доминантным в соответствующих рядах и парах всегда является слово, для которого данное значение является основным. Например, в паре *бежать* — *лететь* доминантным является *бежать*, так как соответствующее значение для него является **основным**, в паре *кинофильм* — *лента* — соответственно слово *кинофильм*.

В случаях контекстной синонимии, когда оба слова выступают в основных значениях, существенно важным оказывается степень приспособленности, предназначенности слова для выполнения той семантической функции, на базе которой возникает контекстная синонимия. Так, в случае *достать* — *вынуть* [*Она доставала (вынимала) посуду из шкафа*] наиболее приспособленным, основным средством следует признать глагол *вынуть*, так как он в своем лексическом значении содержит все необходимые для выражения данной ситуации ('доставание изнутри') **семы**. в то время как глагол *достать* имеет возможность стать выразителем данной ситуации только при поддержке контекста

§ 5. Объектом анализа отношений функциональной эквивалентности являются слова (синонимы в широком смысле), способные выполнять одну и ту же роль в рамках одной и той же фразы и в этом смысле функционально эквивалентные. Речь идет о словах-синтагмах, реализующих одно из своих значений, актуальное для общего смысла того или иного высказывания, поэтому исходным материалом могут быть только конкретные речевые материалы, фразы, в составе которых мы можем наблюдать поведение функционально эквивалентных слов.

Критерием функциональной эквивалентности слов, как известно, является взаимозаменяемость в конкретных фразах, не вызывающая изменений в общем содержании. Именно общий смысл фразы является семантическим инвариантом, на фоне которого взаимозаменяемые слова могут рассматриваться в качестве лексемных вариантов, объединенных общностью семантических функций.

Цель анализа функциональных эквивалентов — установление типа синонимии (абсолютная, контекстная и вторичная) и выявление доминантной лексемы. Такой анализ предполагает знание указанных типов синонимии, умение с помощью словарей осмысливать семную структуру значений слов и типы значений, а также достаточно развитую интуицию, помогающую установить факт неизменяемости общего смысла фразы при взаимозамене отдельных его элементов другими, функционально эквивалентными.

На исходном этапе используется метод коммутационной проверки. Он заключается в подборе слов, которыми можно было бы адекватно заменить отдельные элементы фраз, составляющих исходный материал. По правилам проверки слова, допускающие замену без изменения смысла фразы (план содержания), признаются **формальными** вариантами (план выражения). Пары формально различных и функционально адекватных слов и становятся объектом дальнейшего анализа.

Проиллюстрируем выполнение исходного этапа на примере: *В голове у Антона шевельнулась мысль о возможности побега* (Г. Марков). Некоторые из слов фразы допускают замену другими словами без изменения общего смысла: *В голове (уме) Антона шевельнулась (появилась, возникла) мысль (идея) о возможности побега (бегства)*. Пары взаимозаменяемых слов *голова* — *ум*,

шевелинуться — *появиться*, *шевелинуться* — *возникнуть*, *мысль* — *идея*, *побег* — *бегство* представляют собой непосредственные объекты дальнейшего анализа.

Поскольку выделенные нами типы функциональной эквивалентности слов обусловлены прежде всего типами значений слов, входящих в пару, необходимо установить, в каких значениях — основных или неосновных — выступают слова в данной фразе. При определении типов значений следует опираться на данные толковых словарей. Рассмотрим выявленные синонимические пары. Слова *голова* и *ум* являются функционально эквивалентными, так как служат средством передачи одного и того же значения 'сознание'. При этом слово *ум* выступает в основном значении — 1. 'Познавательная и мыслительная способность человека, способность логически мыслить' (МАС, 4, 488), а слово *голова* — в неосновном — 2. *перен.* 'Ум, сознание; рассудок' (МАС, 1, 325). Поскольку одно из слов пары реализует неосновное пересекающееся значение, перед нами вторичная синонимия. Слова *побег* и *бегство* связаны между собой отношениями такого же типа: слово *побег*¹ выступает в основном **значении** — 1. 'Самовольный, тайный уход из места заключения, из места вынужденного пребывания и т. п.' (МАС, 3, 151), а слово *бегство* — в неосновном — 2. 'Самовольный, тайный уход, отъезд; побег' (МАС, 1, 67). Аналогичные отношения связывают глаголы *шевелинуться* и *возникнуть*. *Возникнуть* — 'Появиться, зародиться, получить **начало**' (МАС, /, 202); *шевелинуться* — 2. \|\| 'Проявляться, не утрачиваться (о чувствах, мыслях и т. п.)' (МАС, 4, 707).

Во всех этих случаях мы имеем дело с наиболее распространенным видом функциональной эквивалентности — вторичной синонимией, которая возникает в связи с развитием у слова вторичных значений, по которым они пересекаются с основными значениями других слов. Доминантными единицами в таких парах **являются** слова, выступающие в основных значениях, в **приведенных** примерах соответственно — *ум*, *побег*, *возникнуть*.

В парах *шевелинуться* — *появиться*, *мысль* — *идея* мы встречаемся с вторичной синонимией иного порядка. Здесь оба слова выступают во вторичных значениях, ср.: *шевелинуться* — 2. \|\| 'Возникать, появляться' (БАС, 17, 1327) и *появиться* — 2. 'Возникнув, образовавшись, стать заметным; выступить, проступить' (МАС, 3, 350); *мысль* — 2. 'Результат процесса мышления (в форме суждения или понятия); идея' (МАС, 2, 317) и *идея* — 3. 'Мысль, замысел, намерение, план' (МАС, /, 631). В качестве доминант в этих парах можно выделить слова, вторичные значения которых являются более устойчивыми и широко употребительными, соответственно *появиться* и *мысль*.

Выявление вторичной синонимии, таким образом, состоит только из одного этапа: достаточно установить, что хотя бы одно из слов, связанных отношениями функциональной эквивалентности, выступает в неосновном значении.

Определение абсолютной и контекстной синонимии включает в себя два последовательных этапа. На первом этапе устанавли-

вается, что оба слова, допускающие взаимозамену, выступают в основных значениях. По этому признаку пары слов отграничиваются от вторичных синонимов. Например, во фразе *В школе остался только учитель (преподаватель) физики* отношениями функциональной эквивалентности связаны слова *учитель* и *преподаватель*, которые выступают в основном значении. Во фразе *Она быстро кидала (бросала) камешки в воду* функционально эквивалентными являются глаголы *кидала* и *бросала*, также выступающие в основном значении. Возникает задача разграничения абсолютной и контекстной синонимии, т. е. двух видов функциональной эквивалентности, которые связаны с основным значением слов. Эта задача решается с помощью сопоставительного анализа компонентного состава значений слов, в проведении которого также необходимо опираться на данные словарей. При этом обнаруживаются два возможных вида соотношений слов, которые можно интерпретировать в качестве семантических оппозиций разного рода. Слова *учитель* и *преподаватель* представляют собой привативную семантическую оппозицию: значение *преподаватель* полностью входит в значение слова *учитель* ('преподаватель средней школы'), но в слове *учитель* имеется признак 'средняя школа', который делает слово маркированным элементом привативной оппозиции. В предложенной фразе эта оппозиция нейтрализуется благодаря присутствию слова *в школе*, и слова *учитель* и *преподаватель* могут употребляться в ней в качестве функциональных эквивалентов. Такой тип функциональной эквивалентности мы называем контекстной синонимией. Глаголы *кидать* и *бросать* составляют семантическую оппозицию тождества, так как их основные значения, представленные в данной фразе, являются одинаковыми. Таким образом, здесь мы имеем дело с функциональной эквивалентностью, основанной на абсолютной, системной синонимии слов-ономатем.

Итак, определение типов контекстной и абсолютной синонимии предполагает выполнение двух этапов: 1) установление того, что взаимозаменяемые слова выступают в основном значении, и 2) разграничение слов между собой в зависимости от совпадения или только близости основного значения.

При любом типе синонимии возможна дополнительная характеристика слов с точки зрения нейтральности — маркированности, различий происхождения, употребительности и т. п. Такого рода сведения мы также можем извлечь из словарей. Например, абсолютные синонимы *лингвистика* и ***языкознание*** отличаются друг от друга происхождением: *языкознание* — слово русское, *лингвистика* — заимствованное. Глаголы *слоняться* и *бродить*, совпадающие по понятийному содержанию, различаются тем, что *слоняться* является стилистически-маркированным, уместным лишь в разговорной речи. В паре слов *солдат* — *служивый*, связанных отношениями вторичной синонимии (данное значение для слова *служивый* является вторичным), следует отметить, что слово *служивый* является устаревшим. Наличие социолингвисти-

ческой маркированности характерно, как правило, для таких слов, которые не являются доминантными в соответствующих парах и рядах синонимов.

§ 6. Рассмотрение словарного состава русского языка в системно-семасиологическом аспекте убедительно свидетельствует о том, что, как бы ни были разнообразны и многочисленны его единицы, в нем прослеживаются все виды системных отношений, существующих в языковой системе в целом: иерархические, знаковые, парадигматические, синтагматические и вариантные. Разумеется, все эти отношения на лексическом уровне имеют свою специфику, определяемую прежде всего особой сложностью слова как узловой единицы языковой системы, его особой функциональной значимостью и органической связанностью с действительностью и мышлением.

Обобщая все виды системных отношений в лексике, необходимо выделить два уровня ее организации: глубинный (основной) и зависимый от него — поверхностный.

Основу глубинной структуры лексической системы составляют слова-ономатемы, связанные между собой разного рода парадигматическими межсловными отношениями. Минимальные формы проявления этих отношений — словесные оппозиции, максимальные — классы слов, из которых особенно существенны лексико-семантические группы. В них четко прослеживается — именно на глубинном уровне — иерархический принцип организации: ономатемы в рамках ЛСГ подчинены базовым единицам, круг которых ограничен. Базовые единицы являются наиболее обобщенными, все остальные, будучи более содержательными (маркированными), служат для обозначения понятий более узкого объема и являются в этом смысле менее обобщенными. В целом такая организация глубинной структуры отражает основные закономерности развития и существования человеческого сознания, в котором тенденция к обобщению органически связана с тенденцией к конкретизации.

Следует иметь в виду, что на ономатемном уровне слова могут быть связаны между собой не только по значению (хотя это во всех случаях является главным), но и по форме. Формальное (морфемное) сходство слов небезразлично для их семантических связей, но оно не является фактором, абсолютно детерминирующим эти связи. Ведь одним из существенных признаков слов является идиоматичность значений, поэтому слова, морфемно сходные, могут быть в той или иной степени сходными по значению, а могут быть и лишены всякого семантического сходства.

Поверхностный уровень лексической системы языка образуют вторичные связи между словами, связи, возникающие в результате варьирования слов в условиях синтагматических рядов, в процессе их реального функционирования в речи. В результате этих процессов формируются зоны пересечения лексико-семантических

групп: слова, адекватные или сходные на уровне основных значений, расходятся друг с другом во вторичных значениях, например: глагол *отобрать* во вторичном значении 'выбрать с определенной целью' перестает быть синонимом глагола *отнять* и вообще включается в другую ЛСГ. И напротив, слова, различные по своим основным значениям, могут стать синонимичными на уровне вторичных значений, ср. функциональную эквивалентность глагола *брать* и *преодолевать* в условиях следующего контекста: *Поезд трудно брал (преодолевал) подъем*. Именно в поверхностном уровне лексической системы создается избыточность средств выражения одних и тех же значений, которая «ощущается как источник языковой силы и богатства, а не как бесполезная расточительность»¹. За счет избыточности создается гибкость русского языка, которая дает ему возможность соответствовать всем многочисленным и разнообразным требованиям, предъявляемым к нему со стороны общества. Следует иметь в виду также и то, что избыточность, создаваемая за счет значимостной функциональной эквивалентности слов, органически связанной с многозначностью, оборачивается формальной экономностью, так как подобное обогащение языка новыми средствами выражения не сопровождается расширением набора его формальных единиц.

Наиболее плодотворным при характеристике словарного состава в целом (с учетом глубинной и поверхностной структур) представляется так называемый «полевой» подход, получивший широкое распространение в современном языкознании. Такой подход если не исключает, то сильно смягчает известную «жесткость» иерархических трактовок лексических объектов. Совокупности лексических единиц, вплоть до словарного состава в целом, интерпретируются как единства ядра и периферии. В ядерной части прослеживаются более четкие структурные закономерности, периферия же в целом характеризуется отсутствием четких границ, широкой пересекаемостью и подвижностью. Ядро и периферия между собой связаны широкой сферой постепенных переходов.

Применительно к словарному составу в качестве его «структурной основы» [2, 69] можно выделить основной словарный фонд, в который включаются широко употребительные слова, обозначающие понятия, наиболее важные, существенные с общечеловеческой и социальной точек зрения. К ним в первую очередь относятся базовые единицы различных ЛСГ, которые характеризуются простотой морфологического состава, широкой сочетаемостью, большой психологической важностью, широким объемом значения и не являются недавними заимствованиями.

К периферийным отделам относятся слова ограниченного употребления, в том числе стилистически-маркированные; слова, относящиеся к сферам пересечения лексико-семантических групп; слова с большими объемами дифференциальных и потенциальных

¹ Сенир Э. Язык. М., 1934 С. 30.

признаков, в частности в рамках эмпирических компонентов, большая семантическая содержательность которых обратно пропорциональна их употребительности

В целом «между основным словарным фондом языка и включающим его в себя общим словарным составом этого языка наблюдается тесная структурная взаимосвязь, определяемая внутренними законами исторического развития языка. Разные лексико-семантические и словообразовательные системы или ряды общего словарного состава языка базируются, как на своих опорных и вместе с тем отправных пунктах, на словах, принадлежащих основному словарному фонду [3, 56].

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Виноградов В. В.* Об основном словарном фонде и его словообразовательной роли в истории языка//Избр Труды Лексикология и лексикография **М**, 1977 С 47—68
- 2 *Виноградов В. В.* О некоторых вопросах русской исторической лексикологии//Избр Труды Лексикология и лексикография **М**, 1977 С **69—94**
- 3 *Курилович Е.* Заметки о значении слова//Очерки по лингвистике **М**, 1962 С 237—250

Раздел II

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Семантическая характеристика слова, выявление его соотносительности с внеязыковой действительностью и его места в лексико-семантической системе не исчерпывают всех признаков лексической единицы, хотя и являются главными для нее. Слова могут быть охарактеризованы по признакам социолингвистического характера. Такие признаки слова, как его происхождение, актуальность, связь с определенными социальными контингентами, соотносительность с функциональными стилями, в определенном смысле являются внешними и необязательными, что, однако, не умаляет их значимости. В признаках такого рода четко проявляется связь лексической системы языка с обществом, пользующимся языком, с его историей, социальной структурой, специфически отраженной в функционально-стилевой структуре речевой деятельности. И хотя такие характеристики не являются для слов обязательными, они также имеют достаточно широкое распространение, оказываются присущими многим лексическим единицам. Это, в свою очередь, дает основание и возможности для систематизации словарного состава современного русского языка с точки зрения тех или иных социолингвистических характеристик. В результате такой систематизации выявляются пласты лексики, определенным образом соотносительные с общей структурой лексико-семантической системы языка, рассмотренной в предыдущих главах.

Последующие четыре главы посвящены именно социолингвистической систематизации современной русской лексики.

Глава IX. СИСТЕМАТИЗАЦИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

§ 1. Исконная и иноязычная лексика в словарном составе современного русского языка § 2. Состав иноязычных по происхождению слов § 3. Славянизмы в русском языке § 4. Типология иноязычных слов § 5. Усвоение иноязычной лексики системой русского языка § 6. Отношение к заимствованным словам § 7. Анализ иноязычных слов

§ 1. Основное разграничение, которое мы проводим, приступая к систематизации лексики в аспекте происхождения,— это противопоставление лексики исконной и иноязычной, заимствованной. Естественно, что такая характеристика словарного состава

ва языка не может быть чисто синхронной. Здесь неизбежно обращение к истории русского народа, к условиям развития и становления русского литературного языка, в процессе которого и происходило формирование словарного состава современного русского языка. Это формирование происходило как за счет расширения исконного лексического фонда, так и за счет заимствований.

Четкое ограничение исконной лексики от заимствованной не всегда возможно. Оно легко осуществимо для тех слов, в которых легко вычленивается и осмысливается в качестве русской корневая морфема, например корень *вид* в слове *свидание*, корень *бел* в слове *белка* или корень *да-(ть)* в слове *удача*. Это легко сделать, когда в современном языке существуют соответствующие корневые слова. Если же корневая морфема выступает только в связанном виде (например, *убавить*, *прибавить*, *отбавить* — при отсутствии **«бавить»** или *отвергнуть*, *свергнуть*, *приверженец*, *изверг* и др. — при отсутствии глагола **«вергнуть»**), для отнесения слов к исконному фонду приходится опираться на словообразовательные критерии. Затруднения могут быть вызваны тем, что заимствованный характер отдельных корневых слов, издавна усвоенных русским языком, может быть выявлен только в ходе специальных научных изысканий и не осознается носителями современного русского языка. Примерами могут служить слова *стень* (древнее заимствование из иранских языков), *кедр*, *свекла*, *огурец* (взятые из греческого), *бук*, *князь*, *холм*, *лук* (древние заимствования из германских языков).

К сожалению, мы пока не располагаем достаточно полной историей словарного состава русского языка. Более или менее исследован и описан в определенных аспектах (в частности, в аспекте иноязычных заимствований) словарный состав периода XVIII — начала XX в. [8, 5, 7]. Что касается словарного состава русского языка периода XIV—XVII вв., то, по мнению Ф. П. Филина, посвятившего проблеме исторического изучения русской лексики многие свои работы, его достаточно точное выявление вряд ли возможно даже по письменным памятникам, а о реконструкции лексического состава устной речи того периода «можно только мечтать» [9, 18].

Опираясь на данные сравнительно-исторического изучения славянских языков, мы можем выделить в рамках исконной лексики исторические пласты слов, различающихся «по возрасту», от более древних до более современных по времени своего существования. Условно их можно обозначить как лексику 1) общеславянскую, 2) общевосточнославянскую и 3) собственно русскую. Это соответствует основным этапам исторического развития славянских языков, которые прошли путь от древнейших славянских диалектов через разграничение языка народностей южно, западно и восточнославянских типов до современных национальных славянских языков.

Самый древний пласт составляют слова общеславянского фонда, который может быть выявлен путем сопоставительного изучения славянских языков. Например, нетрудно установить, что русским глаголам *братъ*, *быть* и *видеть* в польском, чешском и болгарском языках соответствуют очень сходные с ними слова

русск	польск	чешск	болг
<i>братъ</i>	— <i>brae</i>	— <i>brati</i>	— <i>бера</i>
<i>быть</i>	— <i>byc</i>	— <i>byti</i>	— <i>съм бык</i>
<i>видеть</i>	— <i>widziec</i>	— <i>videti</i>	— <i>видя виждам</i>

Наличие таких слов во всех славянских языках (или хотя бы в большинстве из них) свидетельствует о древности этих слов, о их существовании в племенных диалектах древних славян. По данным О. Н. Трубачева, в древнерусском языке, общем для восточных славян, имелось около 4 тысяч таких слов (21—28%)

Более молодой слой представлен общевосточнославянской лексикой, возникшей на древнерусском этапе, когда предки нынешних восточнославянских народов (русских, украинцев, белорусов) представляли собой единую, хотя и конгломератную социально-историческую общность. К этому фонду можно отнести слова, общие для русских, украинцев и белорусов, но не имеющие соответствующих дублетов в других славянских языках. Возьмем для примера глаголы *гулять* и *забывать*, принадлежащие к этому типу.

русск	<i>гулять</i>	<i>забывать</i> <i>забыть</i>
укр	<i>гуляти</i>	<i>забувати</i>
белор	<i>гуляц</i>	<i>забыц</i>
польск	<i>spacerować</i>	<i>zarzynać</i>
чешек	<i>prochazeti</i>	<i>zarzynať</i>
болг	<i>скитамя</i>	<i>забравам</i>

Наконец, пласт собственно русской лексики позднейшего происхождения может быть выявлен при сопоставлении с украинским и белорусским языками. К нему могут быть отнесены такие слова, эквиваленты которых в этих языках имеют иное оформление, например, русские глаголы *получить*, *работать*, *смотреть* не совпадают по своему оформлению с соответствующими глаголами украинского языка *одержати*, *працювати*, *дивитися*.

Однако одного сопоставительного критерия недостаточно для того, чтобы со всей определенностью судить о «возрасте» слова, о его отнесенности к тому или иному пласту. Во все предшествующие эпохи языки славян были многодиалектными, и в диалектах-предшественниках современных национальных языков бытовали синонимичные названия, которые были общими для многих из них, независимо от региона или последующего слияния в единый язык. При становлении национального языка в рамках его литературного варианта мог укрепиться один из синонимов, а другие — сохраняться в рамках диалектов, например глагол *запамятовать*, который сходен с польским и чешским дублерами, но в современ-

ном русском языке известен как устаревший и просторечный (МАС, I, 553).

Приходится констатировать известное отставание русской исторической лексикологии в глобальном изучении именно исконной лексики, составляющей основу словарного состава современного русского языка. Лексике иноязычного происхождения в этом отношении больше «повезло», она достаточно хорошо изучена как в историческом, так и в синхронном плане.

§ 2. Иноязычные слова — это особенно богатый материал для социолингвистической систематизации лексики, тем более в историческом плане. Факты заимствования слов могут быть легко и убедительно осмыслены с учетом всех социально-исторических факторов (времени и условий заимствования, семантической специфики заимствованных слов, их функций).

Различие условий заимствования проявляется прежде всего в том, каким путем осуществляется заимствование: в результате **устных контактов** или через посредство письменности. Наиболее ранние заимствования осуществлялись в процессе устного общения русских с народами, непосредственно соседствующими с ними, в условиях частичного двуязычия. К таким можно отнести заимствования из финских языков, поскольку на севере русские непосредственно соприкасались с представителями финских народов, были связаны с ними экономически и этнически. Примерами финских заимствований могут быть существительные *ларь, сельдь, сани, севрюга, пельмени*; имена *Олег, Игорь, Ольга*. На юге, в условиях непосредственных контактов с греками, издавна населяющими Причерноморье, в русский язык вошли названия некоторых бытовых реалий, например *фонарь, корабль, кровать, тетрадь, парус*.

Заимствования из тюркских языков особенно активно осуществлялись в период монголо-татарского нашествия; это были названия одежды (*азем, башилык, тулуп, башмак, бешимет, армяк*); названия денежных единиц (*казна, деньги, алтын*); названия мастей лошадей (*буланый, каурый*); названия различных предметов (*лапша, сундук, амбар, сарай, буран, балык, беркут, буерак*). Слова из других восточных языков входили в русский язык через посредство тюркских и западноевропейских языков, например: *балаган, булат, базар* (из персидского), *бакалея, бисер, бязь* (из арабского).

Распространение письменности — и в особенности книгопечатания — создало новые условия для лексических заимствований: не нужны стали реальные контакты и массовое двуязычие, проникновение иноязычных слов в русский письменный язык стало очень широким. Основная масса слов из западноевропейских языков проникла именно через посредство книжного языка.

К наиболее ранним заимствованиям можно отнести грецизмы, которые проникли в русский язык через посредство церковнославянской письменности. Это прежде всего специфическая религиозная терминология (*ад, икона, хор, ангел* и т. п.), а также основная масса личных имен: *Петр, Михаил, Николай, Иван, Федор, Константин, Александр; Мария, Анна, Анастасия, Елена, Ирина* и многие другие, которые многими осмысляются как «чисто русские».

Элементы латинского языка проникли в русский язык через посредство западноевропейских языков, в особенности через посредство польского языка. Основная масса переводов в XVII в. была осуществлена с латинского, польского и немецкого языков — и это определило книжный характер заимствованных в тот период латинизмов (*аудитория, конкурс, металл, план, персона, порт, пункт, рубрика, сумма, ценз* и др.). Влияние польского языка на русский через переводы вообще было очень существенным в XVII — начале XVIII в., «еще для первого десятилетия XVIII в. роль польского языка очень сильна: из потока заимствованных **слов** — многие полонизмы» [5,61]. К ним относятся *вензель, рота, обыватель, мещанин, бурса, протестовать, салютовать, публиковать* и др.

Наибольшее число заимствований связано с эпохой Петра I, реформы которого сопровождались сильным расширением международных связей по экономическим, политическим и культурным линиям. На Петровскую эпоху, по подсчетам специалистов, приходится 52% всех заимствований XVIII в. В качестве источников здесь выступали многие западноевропейские языки: голландский, немецкий, французский, шведский, датский. Сохраняет свою роль и латынь, игравшая в этот период роль международного языка европейской науки.

Иноязычные слова, пополнившие русский язык в этот период, тяготели к определенным тематическим группам: военное дело (*армия, батальон, батарея, плацдарм, траншея, пушка, штык, парад, марш, мундир* и др.); морское дело (*бригантина, курс, катер, шхуна, каюта, трюм, буксировать, матрос, лоцман, штурман* и др.); промышленность (*фабрика, шахта, инструмент, механик, шлифовать* и др.); административное устройство (*кабинет, сенат, архив, коллегия, республика, прокурор, юстиция, канцелярия, документ* и др.); торгово-финансовая сфера (*коммерция, капитал, кредит, тариф, банкир, кассир, банк* и др.); образование и наука (*академия, дискутировать, ректор, факультет, акустика, ботаника, математика, теория, гипотеза, квадрат, радиус, диаметр* и многие другие); искусство (*архитектура, проект, арка, картина, портрет, рисунок, фейерверк, клумба, губернёр, театр, трагедия, балет, ария, концерт* и др.); бытовые предметы (*картуз, манжета, фланель, лампа, макароны, бисквит, кофе, экипаж* и др.).

XVIII век (после 30-х годов) ознаменовался в целом сокращением заимствований. «Если на Петровскую эпоху и 30-е годы приходится 52% всех лексических заимствований XVIII века, то на вторую треть века (40—60-е годы) — 27%, а на последнюю треть падает 21%» [5, 167]. Изменилась роль основных языков-источников: на первое место вышли языки французский и немецкий. Изменилась тематическая характеристика заимствованных слов: главное место среди них заняли термины общественной жизни, науки и культуры (ср.: *публицист, редактор, акционер, баланс, привилегия, эмигрант, миниатюра, ландшафт, скульптор, барельеф, навильон, дирижер, артист, энциклопедия, ихтиология* и многие другие термины естественных наук и медицины). Многочисленны также термины филологических наук (*лексикография, филология, диалект, архаизм, омоним, анапест, баллада, куплет, поэма, роман, сатира, сюжет* и др.).

Не менее интенсивно пополняется русский язык названиями бытовых предметов (*батист, шифон, шинель, альбом, букет, абажур, вафля, рагу, сосиски, фарш, картофель* и др.), это объясняется тем, что образ жизни русского дворянства во многом определялся французским влиянием.

В XIX в. роль особенно продуктивного источника начинает играть английский язык, особенно на рубеже XIX—XX вв. К англицизмам относятся, во-первых, технические и политические термины (*бойкот, митинг, танк, трест, лидер, фильм* и др.), во-вторых, многочисленные спортивные термины (*футбол, матч, рекорд, старт, тренер, чемпион, финиш* и др.). Французский язык в этот период был поставщиком терминов авиации (*аэроплан, аэродром, дирижабль, пилот, планер, пропеллер* и др.).

Повышенная продуктивность того или иного языка в качестве источника заимствованных слов определенных тематических групп, естественно, не исключает того, что и в XVIII и в XIX вв. в словарный состав языка постепенно включалась и включается иноязычная лексика из самых разных языков, в частности из славянских языков: *здравница* (из болгарского), *маевка, массовка* (из польского).

При общем рассмотрении фонда иноязычной лексики в словарном составе современного русского языка важно иметь в виду основные закономерности процесса заимствования, в частности тематическую принадлежность иноязычной лексики, соотношение разных типов этой лексики как между собой, так и с исконно русским фондом. Так, чем ближе к нашему времени, тем заметнее снижается объем собственно лексических заимствований на фоне все расширяющейся словообразовательной активности иноязычных морфем (подробнее см. в гл. XI). Например, только часть слов с суффиксом *-изм* можно считать заимствованными (например, *витализм, пацифизм, феминизм*), очень многие слова с этим иноязычным суффиксом были образованы на русской почве, ср.: *марксизм, большевизм, экономизм, а также оппортунизм, баку-*

низм, прудонизм, введенные Г В. Плехановым, и *хвостизм, мильеранизм, струвизм, мартиновизм*, впервые употребленные В. И. Лениным.

Можно ли выделить в отдельных словах признаки, указывающие на язык-источник? Некоторые признаки фонетического и морфологического порядка могут быть использованы. Например, явление сингармонизма гласных (повторяемость одного и того же гласного в слове) может служить одним из свидетельств тюркского происхождения слова (ср.: *сундук, беешмет, амбар*); типичные для немецкого языка сочетания *шт* и *хт* (*шахта, бухта, штык, штаб*) указывают на германское происхождение соответствующих слов; наличие двух гласных рядом, не типичное для русских слов, может быть признаком галлицизма (заимствования из французского языка), сохраняющего в своей звуковой оболочке следы дифтонгов (*тротуар, ампула, аэроплан*).

из морфологических признаков можно указать на суффиксы, специфические для слов, заимствованных из разных языков, например: суффикс *-аж*, типичный для французских слов (*пилотаж, вираж, вернисаж, гараж, трикотаж, саботаж, шантаж*), суффикс *-инг*, характерный для английских слов (*митинг, блюминг, допинг*), или суффикс *-ер* — для немецких (*егерь, вахтер, шафер, кучер*).

§ 3. Особое место в формировании словарного состава русского языка принадлежит старославянизмам (церковнославянизмам, славянизмам).

По традиции старославянизмами называются слова, генетически связанные с древнеболгарским языком, который лег в основу первой славянской письменности, распространившейся на Руси в связи с принятием христианства. Она использовалась прежде всего в сфере богослужебных книг, но оказывала влияние и на все другие сферы письменности (деловой, эпистолярной, художественной). В течение ряда веков в русской письменности существовало своеобразное «двуязычие», в рамках которого происходило взаимодействие церковнославянской стихии и исконно русской. В результате такого взаимодействия сформировался русский вариант («извод») церковнославянского языка, с одной стороны, и русский письменный язык, несущий на себе печать «южнославянского» **влияния**.

Сила воздействия церковнославянских традиций на русскую письменность была особенно велика в период принятия христианства (X—XI вв.) и в период «второго южнославянского влияния» (XIV—XVI вв.), когда в связи с падением Константинополя центр православной церкви переместился в Москву. Под влиянием церковных книжников, принесших с собой традиции «плетения словес», наблюдается расширение употребления церковнославянизмов и за пределами религиозной литературы.

Но основная тенденция этого взаимодействия была единой — от двуязычия к созданию русского национального языка, вобравшего в себя и переработавшего элементы церковнославянского и обогатившего за их счет свои стилистические ресурсы. «Формирование «сопредельной языковой полосы» между церковнославянским и древнерусским языками, шедшее в течение ряда веков, подготовило почву для возникновения среднего стиля, из которого путем снятия противопоставления между «стилями» и слияния их на русской народной основе в пушкинское время складывается современный русский язык»¹. Последствием указанного взаимодействия в словарном составе русского языка было весьма значительное количество слов, получивших название церковнославянизмов (А. А. Шахматов), просто славянизмов (Г. О. Винокур) или книжно-славянской лексики [5]. Выделить состав этой лексики в современном русском языке более или менее точно вряд ли возможно. Во-первых, потому, что у старославянского и русского языков изначально имелся общий лексический фонд слов, совпадающих как по форме, так и по значению. Во-вторых, процесс усвоения славянизмов был настолько длительным и органичным, что многие из них утратили свои специфические особенности, и, напротив, по образцу славянизмов на русской почве создавались слова типа *прохлада, здравоохранение, грехолюбый, драгоценный, будущность, вдохновитель, владелец* и др., которые неверно было бы **включать** в число исконных славянизмов, учитывая время их появления. Наконец, в-третьих, далеко не для всех славянизмов мы можем указать фонетические, морфологические и семантические признаки, бесспорно свидетельствующие о их происхождении.

Подробное описание фонетических, словообразовательных и лексических характеристик церковнославянизмов дал А. А. Шахматов. Позднее В. В. Виноградов [3, 12—34] углубляет характеристику славянизмов с помощью введения семантического критерия, одновременно разграничивая понятие церковнославянизмов и славяно-руссизмов, вошедших в общий фонд книжного языка, функционирующего за пределами церковной литературы.

Нас прежде всего интересуют те славянизмы, которые существуют в современном русском языке как органические элементы словарного состава языка. Но оценить их место и функции невозможно без обращения к ближайшей истории русского литературного языка, в частности к XVIII веку, когда на базе русско-славянского письменного двуязычия возникает широкая «лексико-семантическая» дублетность, переходящая в избыточность словарного состава» [5, 371]. Ср.: *стола* — *столб*, *владить* — *волочить*, *глас* — *голос*, *плени*ть — *полонить*, *исчисл*ить — *вычисл*ить, *изда*ть — *выда*ть, *предат*ь — *передат*ь, *сте*зя — *пу*ть, *же*лание — *охота*, *отвер*затъ — *открыват*ь и т. д. Дублетность славянизмов и их русских синонимов преодолевается по-разному, в результате

¹ Филин Ф. П. О лексике древнерусского языка // Вopr языкознания 1982 № 3 С. 16

чего формируются три типа славянизмов, представленных в классификации Г. О. Винокура [4, 448].

1) Первый тип представлен славянизмами, выполняющими в современном русском языке **функцию** основных нейтральных наименований, рядом с которыми уже нет русских дублетов. Ситуация абсолютной синонимии (дублетности) разрешилась путем устранения русских параллелей, например: *время, жизнь, союз, возраст, праздник, вещь, власть, влага, враг, утвердить, возвращать, одежда, надежда* и многие другие. Следует заметить, что в каких-то других случаях «победителем» оказалось русское слово, полностью вытеснившее славянский эквивалент, например: *лодка, ладонь, горох, перечить, оборона, осень, свеча, ночь* и др.

2) Второй тип представлен славянизмами, семантически размежевавшимися со своими русскими эквивалентами, например: *равный — ровный, хранить — хоронить, прах — порох, восход — всходы, пресечь — пересечь, страна — сторона*. Как правило, значение славянизма имеет более отвлеченный характер, значение русского слова более конкретно. Тексты русской литературы дают возможность проследить пути такого семантического размежевания. Например, в XVIII — начале XIX в. славянизмы *влечь, влачить* употребляются в тех же значениях, что и русское *волочить*, ср.: *Казак плывет на челноке, влача по дну речные сети* (А. С. Пушкин); *Россияне в некоторых местах вытаскивали свои лодки и влекли их берегом* (И. М. Карамзин); *Толпа наездников влачила за собой пленников* (А. А. Марлинский). Но в текстах второй половины XIX и XX вв. эти глаголы употребляются только в своих вторичных, фразеологически связанных значениях, например в сочетании с существительными *жизнь, дни, существование*: *Александр подумал, что почти два года уже он влачит праздную, глупую жизнь* (И. А. Гончаров).

Аналогична судьба глагола *влиять* и *вливать*, ср.: *Пой, юноша, — певец тишеский в тебя влиял свой нежный дух* (А. С. Пушкин); *Так изрекла и влияла ей в душу сладкие чувства...* (Н. И. Гнедич) и современное значение глагола *влиять* — 'оказывать воздействие'. По мнению Ю. С. Сорокина, современный глагол *влиять* «нельзя рассматривать как внутреннюю семантическую эволюцию старого «славянского» глагола. Посредствующим звеном здесь явилась эволюция слова *влияние*, которое с 60-х годов XVIII в. стало употребляться в смысле франц. *influence...*» [8, 288].

3) Третий тип — стилистически-маркированные славянизмы, связанные отношениями стилистической синонимии с русскими словами (фонетически сходными и несходными). Например:

воздвигать — *строить*
вознести — *поднять*
возвещать — *объявлять*
возмездие — *месть*

Стилистическая принадлежность таких славянизмов — высокие стили книжной речи: поэзия, публицистика; в словарях они сопровождаются пометами: высокое (*вознести*), книжное (*вознегодовать*), устаревшее (*воззвать*), традиционно-поэтическое (*влачить*). В русской поэзии со времен Пушкина такие славянизмы широко использовались в стихах, в особенности гражданского звучания. К концу XIX в. использование таких славянизмов заметно уменьшилось, зато они широко распространились в речи в качестве средств передачи иронии, ср.: *Молясь сотворили должное вечно рожденным богам **возлиянц*** (В. А. Жуковский) и *Так как рыба плавает в воде, то это торжество сопровождалось обильными возлияниями* (Д. Н. Мамин-Сибиряк). Можно привести примеры еще более близких по времени употреблений славянизмов в сниженном значении: *А попу и от смерти радость **веля** — и доходы и веселие* (В. Маяковский).

В целом, оценивая роль славянизмов в формировании словарного состава русского языка, можно безусловно утверждать, что современная русская лексика во многом обязана своим богатством, семантическим и стилистическим, именно этому источнику.

§ 4. Выше, при характеристике состава иноязычных слов мы неизбежно подходили к этим словам с учетом исторических социальных и культурных факторов, определивших их заимствование. Синхронная типология этих слов должна быть по возможности отвлечена от истории лексики. Необходимо выделить такие характеристики иноязычных слов, которые были бы существенно важными с точки зрения их функционирования в современной русской речи. Поскольку имеется несколько таких характеристик, типологию иноязычных (по происхождению) слов можно представить с помощью нескольких противоположений.

1. Иноязычные заимствования — интернациональная лексика. В основе этого разграничения лежат признаки внелингвистического характера, а именно: возможность или невозможность точного установления времени и источника заимствования, с одной стороны, и ареал бытования слова в лексике современных языков — с другой.

К собственно иноязычным можно отнести такие слова, условия и время заимствования которых можно **установить** с достаточной точностью, так же как и язык-источник. Например, слово *вензель* заимствовано из польского языка в XVII в., слово *брынза* — из румынского, *буерак* — из тюркских языков в XVI в., *брюнет* — из французского в XVIII в., *коктейль* — из английского в 30-е годы XX в., *битник* — из английского в 50-е годы, *хиппи* — в 60-е годы XX в. Такие слова чаще всего обозначают явления, специфические для отдельных народов, и в качестве обозначения таковых начинают использоваться в других языках.

Интернационализмы — это слова, бытующие во многих современных языках и составляющие основную массу общенаучной терминологии. Это (по словам В. В. Виноградова) «словесный фонд мировой цивилизации». Он представлен прежде всего названиями наук и их разделов (*химия, математика, физика, лингвистика, фонология, морфология, орфография* и т. п.), терминами техники (*радио, телевидение, космодром* и т. п.), политическими терминами (*партия, республика, конституция, аннексия*), терминами искусства (*опера, литература, архитектура, симфония, балет* и т. п.). Интернациональная терминология необычайно широко представлена во всех языках, и роль ее в условиях научно-технической революции становится особо значимой. В развитии этого фонда слов особенно ярко дает себя знать тенденция к научной и культурной интеграции народов. В характеристике интернационализмов главным параметром оказывается не время и условия распространения их в русском (и любом другом) языке, а факт их бытования в не менее чем трех языках, не связанных происхождением и даже не относящихся к одному ареалу. Конечно, основная масса интернациональной терминологии объединяет русский язык прежде всего с другими языками «европейско-американского» ареала, но можно указать и такие слова, которые широко представлены в языках других ареалов, например, в японском языке используются слова *грамм, календарь, каталог, журнал* и др. Многие интернациональные термины созданы искусственно, появление их можно точно датировать, но это — не время собственно заимствования, а время распространения и принятия термина. Так создавались многочисленные термины современной физики (*нейтрон, позитрон, синхрофазотрон*), космонавтики (*космодром, космонавт, селенология*). Материал для создания таких терминов составляет фонд греческих и латинских корней, из которых, как из своего рода «кирпичиков», складываются все новые и новые термины. Например, в слове *география* представлены элементы *гео-* (земля) и *-граф-* (пишу), которые встречаются в ряде других терминов в сочетании с другими корнями (ср.: *геология, геофизика, геодезия, геометрия, геоцентризм*, с одной стороны, и *биография, лексикография, фотография, библиография, этнография, автограф, графомания, графология* — с другой). Лишь о некоторых из этих терминов можно сказать, что они заимствованы из греческого (например, *геометрия*), основная же масса появилась в период, когда древнегреческий язык уже не существовал, а его элементы искусственно объединялись с латинскими (например, *геоцентризм* или *флюорография*). Фонд морфологических компонентов греческого и латинского происхождения (корней, приставок и суффиксов) сложился в Европе на базе античных традиций в условиях средневековья и Возрождения, когда латынь, вобравшая в себя много грецизмов, выполняла функцию международного языка сферы умственного труда. Продуктивность использования этих компонентов в последующие

эпохи не только не снизилась, но, наоборот, возросла, в связи с чем состав интернационализмов расширился до огромных размеров. Не все они имеют общенародное или даже общенаучное распространение, но даже и те из них, которые можно назвать общеизвестными, представляют достаточно богатый фонд лексики.

Следует отметить, что существует иная, более широкая трактовка интернационализмов, данная В В Акуленко¹. В широкую сферу интернациональной лексики, бытующую во многих языках одного ареала (региона), В В Акуленко включает любые слова, а не только терминологические, если в них наблюдается сходство значения, звучания, написания, мотивировки, хотя бы и не в полном наборе. При таком подходе интернационализмы не могут рассматриваться как полностью заимствованные слова, ибо в их состав входят также элементы исконные, коль скоро они распространены в качестве интернациональных слов. Для русского языка к последним можно отнести такие слова, как *советы*, *спутник*, *тайга*, а если взять ареал языков народов СССР, то количество таких слов будет огромным.

2. С учетом функций, выполняемых иноязычными элементами, в лексической системе русского языка можно разграничить два типа слов. Во-первых, такие, которые представляют собой первичные, нейтральные номинации, рядом с которыми нет русских дублетов или они существуют как стилистически ограниченные средства. Объем такой лексики достаточно широк, ибо сюда входит большая часть интернационализмов (*техника*, *комбайн*, *контейнер*, *джаз*, *бионика*), а также целый ряд бытовых названий, заимствованных из других языков вместе с соответствующими реалиями [*маникюр*, *банальный*, *бандероль*, *батист*, *бидон*, *бланк* (из франц.), *балкон*, *банан*, *бутафор* (из итал.), *бант*, *бакенбарды*, *бинт* (из нем.), *бульдог*, *бутсы*, *бифштекс* (из англ.) и т. д.].

Во-вторых, существуют и такие заимствованные слова, для которых в русском языке существуют более или менее точные синонимы. Таковым было слово *аэроплан* (франц.), которое в 30-е годы имело преимущество в употреблении перед русским словом *самолет*, но в настоящее время его можно оценить только как вторичное средство.

В этом случае мы имеем дело с абсолютной синонимией типа *лингвистика* — *языкознание*, *стюардесса* — *бортпроводница*, *глобальный* — *всеобщий*, *сфера* — *область*, *приоритет* — *первенство*, *эмпирический* — *опытный* и т. д. Как правило, эта ситуация разрешается путем семантического или стилистического размежевания, так, например, разошлись в своей семантике такие слова, как *письменность* и *литература*, представлявшие в XVIII в. синонимическую пару. Во многих случаях иноязычные слова сокращают сферу своего употребления и полностью исчезают. Так исчезли из русского языка слова *регула* (русс. — *правило*), *сиккуре* (русс. — *помощь*), *квантитет* (русс. — *количество*), *аккорд* (русс. — *договор*) и многие другие, имевшие в русском языке XVIII—XIX вв. русские дублеты. Но пока такие иноязычные слова существуют в русском языке, они образуют один из возможных ресурсов синонимических средств.

¹ Акуленко В В Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972.

3. По способу заимствования можно противопоставить лексические и семантические заимствования. Лексические элементы иноязычного происхождения — это слова со всеми своими фономорфологическими и семантическими характеристиками, например: *бравада* (франц. *bravade*), *босс* (англ. *boss*), *брак* (нем. *Brack*).

К семантическим относятся прежде всего так называемые кальки — слова, образованные из русских морфем по модели иноязычного слова, например: *самоопределение* — по модели нем. *Selbstbestimmung*, *хладнокровный* — по модели франц. *sang-froid*, *сверхчеловек* — по модели нем. *Übermensch*. Особым типом калькирования было развитие у какого-либо русского слова вторичных (переносных) значений по аналогии с соответствующими иностранными словами, например: значение 'главная приманка представления, программы' у слова *звездь*, значение 'тот, кто временно примыкает к какому-либо политическому движению' у слова *попутчик*, значение 'нейтральная, неактивная часть какого-либо коллектива' у слова *болото* [7, 294—304].

4. Самое важное с синхронной точки зрения разграничение — это противопоставление слов, собственно заимствованных, полностью усвоенных, так называемым экзотизмам (варваризмам, безэквивалентным словам). К последним относятся слова, называющие явления из жизни других народов, сугубо специфические, отсутствующие в жизни русских, например: *смог* (лондонский туман), *дансинг*, *комикс*, *мачатеро* (рубщик сахарного тростника в Латинской Америке), *богдыхан* (китайский император), *бойскаут*, *брахман* (член касты жрецов в Индии), *бумеранг* и др. В частности, сюда же относится безэквивалентная лексика из языков отдельных народов СССР (*арык*, *яранга*, *чахохбили*, *шаман*, *тибетейка* и т. п.). Они осмысляются как иноязычные элементы, не имеющие синонимов, не нуждающиеся в переводе и исключаящие его, и используются только в сообщениях, касающихся жизни соответствующих народов.

Что касается слов, заимствованных и усвоенных, а к ним относится масса иноязычных по происхождению слов, то это слова, органически вошедшие в систему русского языка, подчинившиеся ее законам, **функционирующие** наравне с исконно русской лексикой независимо от темы, характера и стиля сообщения.

§ 5. Усвоение иноязычных слов представляет собой процесс их постепенного приспособления ко всем особенностям системы русского языка, который может быть более или менее длительным, более или менее полным. Это может зависеть как от внешних условий (сфера употребления, частота) использования слова, так и от того, насколько «инородными» являются основные параметры слова: его фонетические, морфологические и семантические особенности. Рассмотрим кратко основные моменты, в которых проявляется системное усвоение иноязычного слова.

1. Фонетико-графическое усвоение проявляется прежде всего в изменении отдельных звуков иноязычного слова в сторону сближения их с фонетической системой русского языка. Так, во

многих словах, заимствованных из западно-европейских языков, [э] европейское (широкое) заменяется в произношении русским [э] (более узким), что сопровождается заменой предшествующего твердого согласного парным мягким, ср.: *тема, тезис, декан, терапия, термос*. Французские дифтонги превращаются в сочетания двух звуков — *тротуар, автор*; носовые гласные замещаются соответственно сочетаниями гласных с носовыми согласными (*банк, бутон*); фрикативный заднеязычный согласный в немецких словах замещается взрывным [г] (*галстук, гавань*) и т. д. В соответствии с установившимся произношением осуществляется графическое приспособление слова: итал. *paillasse* передается как *паяц*, франц. *bloc-notes* — как *блокнот*, англ. *bob-sleigh* — как *бобслей* и т. п.

2. Морфологическое приспособление иноязычных слов протекает по-разному у существительных, с одной стороны, и у глаголов, прилагательных — с другой. Трансформация грамматического оформления заимствованных существительных идет прежде всего в связи с их родовыми значениями. Здесь возможны разные способы приспособления иноязычных слов к русской категории рода. Например, утрата иноязычных флексий и замена их русскими окончаниями при сохранении родовых значений, например: в лат. *laurus* — *лавр*, *fructus* — *фрукт*, во франц. *la mode* — *мода*, в нем. *die Bucht* — *бухта*. В других случаях оформление остается неизменным, но меняется родовое значение в соответствии с формально-грамматическими законами русского языка. Так, греческое слово *тема* среднего рода в русском языке становится словом женского рода в соответствии с окончанием, нем. *lozung* (*die Losung* — ж. р.) в русском осмысливается как слово мужского рода, аналогично — франц. *банк* (*la banque* — ж. р.). В качестве существительного среднего рода функционирует слово *бюро* (*le bureau* — м. р.).

Что касается прилагательных и глаголов, то их приспособление сопровождается изменением не только грамматического (флексийного) оформления, но и структуры основы. В основе заимствованных прилагательных, как правило, присутствует суффикс *-н-*, ср.: *galant* — *галантный*, *vocalis* — *вокальный*, *kolossal* — *колоссальный*. Основа заимствованных глаголов включает в себя суффикс *-ова-* (с производными вариантами *-ировать, -изировать, -фицировать*), ср.: *passer* — *пасаковать*, *demonter* — *демонтировать*, *marsdueren* — *маршировать*. В словуказателе монографии Н. С. Авиловой [2] приведено более 700 иноязычных глаголов, и все они имеют в своих основах один из указанных вариантов.

В процессе формального усвоения иноязычных слов всегда существует этап «вариантов» одного и того же слова. Так было в XIX в. (*апофеоз* — *апофеоза*, *плагнат* — *пляжиат*, *рутинер* — *рутиньер* — *рутинист*, *молекула* — *молекуль*), такие же явления наблюдаются и в современном языке (*нейлон* — *найлон*, *эспандер* — *экспандер*, *батуд* — *батут*, *апартеид* — *апартхейд* и др.). Устранение формальной дублетности является одним из свиде-

тельств устойчивого вхождения иноязычного слова в русский язык.

3. Семантическое усвоение иноязычных слов определяется внутрилингвистическими факторами. Иноязычное слово, попадая в систему русской лексики, либо занимает «пустую клетку» и становится основным средством номинации, либо входит в окружение близких, иногда синонимичных слов. В любом случае ему приходится включаться в межсловные парадигматические связи с русскими словами, семантически приспособляться к ним.

Одним из проявлений такого приспособления можно считать то, что иноязычное слово усваивается русским языком не во всех своих значениях, а только в тех, которые оказываются необходимыми. Например, из нескольких значений нем. слова *Stab* (палка, жезл, железный прут, орган командования) русское *штаб* имеет лишь последнее; из ряда значений франц. *parole* (речь, слово, обещание, голос, текст) русский язык усвоил только значение 'секретное, условное слово'. И таких примеров можно было бы привести множество.

Свидетельством достаточной степени усвоения иноязычного слова лексической системой русского языка является наличие у него производных значений, специфических для русского языка, например значение 'окружающие условия, обстановка' у слова *атмосфера* или значение 'социальное окружение, среда' у слова *сфера*. Об этом же свидетельствует наличие производных слов, например: *билет* — *билетный*, *билетёр*, *обилетишь* (разг.); *схема* — *схематизировать*, *схематизация*, *схематичный*, *схематизм*, *схематичность*, *схематично*.

Многие заимствованные слова имеют свою историю уже в рамках их бытования в русском языке. Так, в этом плане интересна эволюция слова *пионер*, начиная с первоначального значения 'землекоп' до значения 'член детской коммунистической организации', возникшего на русской почве и распространившегося в других языках в качестве «советизма».

Иноязычные слова утрачивают в рамках русского языка свою мотивированность, что особенно ярко выявляется в нарицательных существительных, генетически связанных с именем собственными (*бегония*, *берданка*, *бефстроганов*, *браунинг*, *бруцеллёз*, *бедлам*, *бойкот*, *жокей*, *макинтош*, *хулиган*, *френч* и *под.*). Слово *вокзал* берет свое начало от имени собственного *Vaux-hall* (зал **Вокса** для гуляния), и в таком значении оно было известно в литературном языке XVIII—XIX вв., ср.: *Если вы догадливы, то узнали, что я описываю славный английский Воксал. Лондонский Воксал соединяет все состояния, тут бывают и знатные люди и лакеи* (Н. М. Карамзин); *...Как в театре и на балах, на гуляньи иль в воксалах легким зефиром летал* (А. С. Пушкин). В современном русском языке это слово имеет только одно значение — 'здание для обслуживания пассажиров', которое лишено какой-либо внутренней формы.

Многие этимологически иноязычные слова, пришедшие в русский язык в разное время, в разных значениях, а порой через

посредство разных языков, не осмысляются в качестве семантически связанных, так как входят в разные семантические группировки, например: *консервы, консерватория, консерватор; гонор и гонорар; штаб и масштаб; агрессия и прогресс; доцент и документ.*

Завершая рассмотрение иноязычной лексики, усвоенной русским языком, следует уточнить ее место в общей структуре лексической системы современного русского языка. Противопоставление заимствованной лексики фонду исконной русской лексики связано в большей степени с историей русского языка, нежели с его современным состоянием. С синхронной точки зрения это противопоставление несущественно, заимствованные слова могут относиться к ядру лексической системы или к ее периферии наряду с исконно русскими словами, будучи одинаково подчиненными общим закономерностям устройства этой системы

§6. В рамках социолингвистического подхода к заимствованной лексике нельзя обойти вопроса о том, как относилось русское общество к фактам заимствования. Хотя процесс заимствования слов является естественным и неизбежным, в разные периоды истории русского языка возникали так называемые пуристические (очистительные) тенденции как реакция на чрезмерно широкий приток иноязычной лексики. В частности, с 40-х годов XVIII в. и до начала XIX в. главным направлением языковой политики становится борьба с иноязычными излишествами, в которой участвуют такие деятели русской культуры, как М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, Н. Н. Новиков, А. Н. Радищев, И. А. Крылов, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин. Одним из путей преодоления заимствования явилось создание русских «тождесловов», которые могли бы заменить иноязычные слова, например: *физика — землемерие, астрономия — звездочетство, туфли — выступицы, горизонт — обзор, историк — деенписатель, интерес — польза, автор — книготворец, агрессор — наступатель, десерт — закуски, патриотизм — отечестволюбие, эгоизм — самохвальство* и т. д. Таким путем искусственно создавалась избыточность лексических средств, множественная абсолютная синонимия, которая естественно преодолевалась, при этом «победителем» нередко оказывалось иноязычное слово, уже достаточно укрепившееся в общем употреблении.

Подобную языковую политику отражает «Словарь Академии Российской» (1789 — 1794), в котором заимствованная лексика ограничена и во многих случаях вместо толкований даются русские синонимы, например: *актер, зри лицедей, аллегория, зри иносказание, диаметр, зри поперечник*. Но там же целый ряд заимствованных слов не сопровождается такими «переводами», например *биржа, микроскоп, перспектива, горизонт, полюс* и др., что свидетельствует о их полном усвоении и одобрении.

XIX век был ознаменован новым притоком заимствований, среди которых главное место принадлежало терминологии философского и общественно-политического характера (*абстрактный, абсолютный,*

конкретный, объективный, субъективный, прогресс, социальный, социализм, идеализм, реализм, рационализм и т. п.). Основным канал распространения — журналистика, которая получила в этот период широкое распространение.

Приток заимствованной лексики неоднозначно оценивался современниками. Приятель А. С. Пушкина С. Д. Полторацкий в одном из писем (1841) перечисляет иноязычные слова, которые, по его мнению, портят язык русских журналов, относя к ним такие, как *дебют, коалиция, лаборатория, наивность, новелла, объективность, популярный, талантливый, цивилизация* и др. Характерно, что в текстах А. С. Пушкина не встречается, например, слово *талантливый*, при том что слово *талант* использовано великим писателем 113 раз. Крайним пуризмом отличался В. И. Даль, который предложил в своем словаре ряд «тождесловов», синонимов к иноязычным словам (**путевик** к слову *маршрут*, *полицие* — к *портрет*, *плетеница* — к *гирлянда*). Тем не менее в его «Толковом словаре живого великорусского языка» насчитывается более 800 слов иноязычного происхождения. «Сам по себе факт включения их в словарь очень показателен. Даль, несмотря на свое неприятие лексических заимствований, не мог уже игнорировать их» [8, 49].

В советский период процесс лексического заимствования протекал с разной степенью интенсивности, максимально сильной она была в 30-е годы, в связи с индустриализацией, и на современном этапе научно-технической революции. Основной тип заимствованных слов — интернациональная терминология.

В первые послереволюционные годы, когда молодая Советская Республика находилась в условиях международной изоляции, «противостояния» капиталистическому миру, не было благоприятных условий для широких заимствований, но возникла другая опасность. Массы народа, приобщавшиеся в ходе культурной революции к знаниям, проводником которых был письменный литературный язык, впитавший в себя достаточное количество иноязычных слов, заново осваивали для себя эти слова, нередко нарушая нормы их употребления. Именно против злоупотребления иностранными словами, против неверного их использования очень резко выступает В. И. Ленин в заметке «Об очистке русского языка» [/, 49]. Эта заметка была высоко оценена советскими лингвистами, в частности Л. П. Якубинским, который в одном из своих докладов сказал **следующее: «Ясно, что заметка Ленина о порче языка не может быть рассматриваема в связи с традиционными разговорами о засилии иностранных слов в нашем языке: это не лингвистический национализм, это также и не «пуризм», основанный обычно на весьма туманных представлениях о «чистоте» языка. У Ленина корень вопроса — речевая целесообразность»**¹.

¹ **Якубинский** Л. П. Ленин о «революционной фразе» и смежных явлениях // Печать и революция. Кн. 3 М., 1926. С. 15—16

На современном этапе развития русского литературного языка, когда одним из основных внешних факторов является научно-техническая революция, происходит невероятное расширение терминологии, в рамках которой наблюдается порой избыточное включение иноязычных элементов, нередко имеющих русские эквиваленты, ср.: *глобальный* — *всеобщий*, *визуально* — *зрительно*, *магистральный* — *главный*.

Основную массу этих элементов составляют интернациональные термины: техники, науки, политики, культуры (*бульдозер, контейнер, сервис, телетайп, табло, автострада, алгоритм, аллергия, апартеид, бампер, бестселлер, бройлер* и т. п.). Главным источником является англоязычная литература, поэтому именно против наплыва «англицизмов» предпринимаются охранительные меры во многих странах Европы. В нашей стране на страницах «Известий» (1960—1961) и «Литературной газеты» (1971—1974) прошли широкие дискуссии о том, как следует относиться к этому явлению. Были высказаны пуристические предложения об изгнании из русского языка даже таких слов, как *кофе, салон, ателье, филиал, лайнер, плантация*, но большинство участников дискуссии выступали только за ограничения иноязычных элементов именно в сфере специальной терминологии, где их число, по мнению Ф. П. Филина, достигает не сотен или тысяч, а сотен тысяч.

В этих условиях естественными кажутся предостережения против бездумного, неограниченного использования терминов, ведущих порой к расширению фактов абсолютной синонимии. Введение в тексты тех или иных интернациональных терминов должно быть разумным и целесообразным. «Русский язык может многое переработать... Но полагаться только на стихийное самоочищение — дело опасное»¹.

§ 7. Анализ конкретных иноязычных лексем может иметь три аспекта.

1. В аспекте социолингвистическом наиболее важной является характеристика условий заимствования (язык-источник, время заимствования, исходные значения). Например, слово *бацилла* произошло от лат. *bacillum*, которое имело значение 'палочка', слово *батон* — из французского, где оно в качестве исходного имеет значение 'палка', слово *бактерия* — из греческого, где оно также имеет значение 'палка'. Все это можно выяснить, обратившись к толковым словарям или словарям иностранных слов.

2. Характеристика типа иноязычного слова в соответствии с выделенными выше признаками. Так, слово *батон* можно отнести к собственно заимствованным словам, а слова *бацилла* и *бактерия* — к интернационализмам. Все они являются достаточно усвоенными лексическими единицами, выполняющими первичные функции.

3. Функциональный аспект. Слова *бацилла* и *бактерия* отно-

¹ Филин Ф. П. Научно-техническая революция и проблема билингвизма в современном мире // НТР и функционирование языков мира. М., 1977. С. 27.

сятся к сфере терминологии (биол., мед.). У слова *бацилла* возможны переносные значения нетерминологического характера (*бацилла равнодушия, стяжательства*).

Слово *батон* не имеет русских синонимов, входит в тематическую группу названий пищевых продуктов, в разряд названий хлебных изделий.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Об очистке русского языка//Полн. собр. соч. Т. 40. С. 49.
2. Авилова Н. С. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени. М., 1967.
3. Виноградов В. В. К истории лексики русского литературного языка//Избр. труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 12—34.
4. Винокур Г. О. О славянизмах в современном русском языке//Избр. работы по русскому языку. М., 1959. С. 443—462.
5. История лексики русского литературного языка конца XVIII—XIX века. М., 1981.
6. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
7. Лексика русского литературного языка XIX — начала XX в. М., 1981.
8. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка (30—90-е годы XIX века). М., 1965.
9. Филин Ф. П. О словарном составе языка великорусского народа//Вопр. языкознания. 1982. № 5.
10. Шахматов А. А. Церковнославянские элементы в современном русском литературном языке//Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. М., 1952. С. 245—269.

-
11. *Словарь иностранных слов*. 13-е изд. М., 1986.

Глава X. СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

§ 1. Общая характеристика динамики словарного состава. § 2. Основные тенденции развития словарного состава § 3. Архаическая лексика и ее типы. § 4. Общая типология неологизмов § 5. Потенциальные слова и окказионализмы. § 6. Словари неологизмов.

§ 1. В предыдущей главе мы уже встретились с многочисленными фактами исторической изменчивости словарного состава русского языка, имевшими место в сфере заимствованной лексики. В них отражено лишь одно из многих проявлений общего развития лексической системы как части целостной языковой системы.

Язык — это динамическая система, для которой способность к развитию является естественным способом ее социального существования. Развитие языка протекает под знаком его постоянного совершенствования и обогащения функциональных возможностей. И в сфере лексики это развитие протекает особенно интенсивно и наглядно, реализуется в постоянном двуедином процессе архаизации — обновления словарного состава языка. С учетом этого процесса лексику можно систематизировать следующим образом.

В словарном составе языка всегда существует основная устойчивая часть, охватывающая большинство активно используемых слов, а ей противопоставляются части, представленные либо словами, выходящими из употребления, — архаизмами, либо словами нарождающимися, входящими в употребление, — неологизмами. Именно эти части и будут предметом нашего рассмотрения в данной главе.

Такие характеристики слов, как архаизм и неологизм, являются исторически относительными. Оценить степень актуальности слова, отнести его к архаизмам или неологизмам можно только применительно к определенному периоду социального существования языка. Так, применительно к XVI в. неологизмами, судя по памятникам, можно считать такие слова, как *гвоздарь*, *гира*, *глинистый*, а **архаизмами** — *галинка* (пушка), *шлевицк* (буян), *говоря* (речь); применительно к первой половине XIX в. в качестве неологизмов можно назвать слова *бесспорность*, *бездумность*, *задирчивость*, *замораживание*, *латинщина*, *огорчитель*, *молотобоец*, *вдумчивый*, *обворожительный* и многие другие, а в качестве архаизмов — слова *палаты*, *горница*, *выя*, *пагубник*, *убаить* (убедить) и др. С точки зрения современного этапа развития русской лексики слова *продрозверстка*, *ликбез*, *лишенец*, *промфинплан*, имевшие в **20—30-х** годах статус неологизмов, могут быть оценены только как устаревшие слова.

Развитие языка и словарного состава, в частности, определяется внешними и внутренними факторами, хотя их разграничение относительно. Главным фактором всегда остается «кровная» связь языка с обществом, ибо все в языке — система единиц, формы существования, закономерности развития — в конечном счете определяется его функциями, а функции эти имеют сугубо общественный характер. Тем не менее социальная природа языка по-разному проявляется в разных аспектах его существования и развития. Это и дает основание для разграничения **внешних** факторов прямого и непосредственного воздействия общества на словарный состав языка и факторов **внутренних**, связанных с самим устройством лексической системы. Соотношение указанных факторов можно интерпретировать как отношение необходимости и возможности. Внешние факторы определяют **необходимость** изменений, а внутренние представляют те **возможности**, которыми располагает язык для их осуществления. Так, развитие космонавтики послужило внешним фактором, определившим необходимость создания соответствующей лексики, а в способах ее создания проявились внутренние ресурсы современного русского языка, в соответствии с которыми космическая лексика создавалась либо за счет образования новых слов (*космонавт*, *невесомость*, *прилуниться*), либо за счет устойчивых составных наименований (*космический корабль*, *искусственный спутник*), либо за счет развития вторичных значений (*мягкая посадка*, *глухой виток*).

Каковы же внешние факторы, определяющие необходимость развития словарного состава? В самом общем виде на этот вопрос

можно ответить так: это состояние общества, содержание общественного сознания, уровень общественных потребностей. Содержание общественного сознания определяется, в свою очередь, самой изменившейся действительностью, прежде всего социальной (состав носителей языка, уровень культуры, социальная структура общества).

Социальные потребности, обращенные к языку, очень разнообразны, порой противоречивы и всегда динамичны. Их можно свести к некоторым общим требованиям, которые представляет любое общество к своему важнейшему орудию связи и развития — языку. Это такие требования, как актуальность и устойчивость, разнообразие и унифицированность, выразительность и стандартность, экономичность и богатство. Реагируя на эти требования, содержание которых мы постараемся ниже конкретизировать применительно к лексике современного русского языка, язык с необходимостью изменяется и совершенствуется. Хотелось бы подчеркнуть, что реагирует язык именно на общие потребности и не подчиняется произвольным рекомендациям отдельных лиц. Так, не удалось в свое время Павлу I «улучшить» словарный состав русского языка с помощью указа, предписывающего заменить слово *отечество* словом *государство*, *обозрение* — *осмотрением*, *граждане* — *жителями*, *обывателями*, а слово *общество* вообще «совсем не писать». Здесь же уместно вспомнить неудачи всех пуристов, направленные на устранение иноязычной лексики, даже таких, которые были подкреплены поистине выдающимися трудами, подобными «Словарю живого великорусского языка» В. И. Даля.

Каковы же внутренние факторы, определяющие развитие словарного состава языка? Какими возможностями располагает язык для своего постоянного совершенствования, для обогащения, в частности, своих лексических ресурсов? Отвечая на эти вопросы, укажем на два момента.

Во-первых, неиссякаемым источником обогащения языка является его органическая связь с мышлением. Язык и мышление существуют в единстве, и развитие мышления в процессе бесконечного познания действительности влечет за собой и обуславливает бесконечное же обогащение языка, словарного состава в первую очередь. Именно эта связь коренным образом отличает естественный язык от искусственных знаковых систем, лишенных способности к саморазвитию.

Во-вторых, в самом устройстве языка заложены большие потенциальные возможности обновления языковых средств. В частности, количество реальных слов всегда во много раз меньше тех возможностей, которые заложены в инвентаре морфем, используемых для образования слов. Система словообразования всегда находится в состоянии «боевой готовности» к порождению новых слов, коль скоро обнаружится потребность в таких словах. Кроме того, обогащение словарного состава постоянно происходит за

счет семантического варьирования слов, которое является их органическим и постоянным свойством (см. гл. VIII).

Таким образом, внешние, социальные факторы требуют от словарного состава языка постоянного обогащения, а внутренние, системные факторы определяют конкретные формы этого обогащения.

§ 2. Развитие словарного состава языка, подчиняясь общему закону диалектики, осуществляется путем разрешения противоречий. Противоречия эти носят довольно разнообразный характер и охватывают как отношения между языком и обществом, так и отношения внутриязыковые. Попытаемся рассмотреть их более подробно.

1. Противоречия во взаимоотношениях языка и общества. С одной стороны, в соответствии с требованием **актуальности**, которое общество предъявляет к своему языку, словарный состав должен всегда соответствовать тому, что имеет социальную значимость: пополняться новыми словами и освобождаться от всех лексических средств, которые связаны с явлениями, потерявшими свою социальную значимость. На современном этапе, в условиях НТР, тенденция на актуализацию словаря находит свое яркое воплощение в своеобразном терминологическом «буме». Но требованию актуализации противостоит категория языковой нормы, в которой заключено общественное требование устойчивости языка. Общество заинтересовано в том, чтобы язык обладал определенной мерой постоянства, даже консервативности, способной обеспечивать связь между сменяющимися поколениями. В соответствии с этим, как бы ни пополнялась терминология новыми словами, в основе отдельных терминосистем всегда сохраняется неизменный фонд основных, базовых единиц.

Общество заинтересовано в том, чтобы основа словарного состава была представлена достаточно кодифицированным набором нейтральной лексики, который бы олицетворял лексический инвариант современного русского языка, существующего реально в виде своих территориальных, социальных или стилистических вариантов. Наряду с этим и вопреки ему в словарном составе идет постоянное расширение средств, специфических для отдельных вариантов, в особенности в сферах разговорной и профессиональной речи. В этом случае тенденция к разнообразию лексических средств, противоположная тенденции к **унификации**, оказывается преобладающей.

У людей всегда есть потребность в свежих, более выразительных обозначениях; особенно сильно тенденция к обновлению, выразительной индивидуализации средств дает себя знать в речи деятелей культуры, в которой мы находим массу индивидуально-авторских неологизмов: вспомним тургеневские *гнусный* «аракчеевенок», «подагристое» письмо, «*досихпорное*» молчание, «сорвиголовно», «хвостоподжатие»; чеховские — «*аплодисментошиканье*», «*грошеватость*», «*сьерундить*», «*замерсикать*»; авторские неоло-

гизмы Маяковского — **«молоткастый»**, **«серпастый»**, **«звероробы морды»**, **«громадьё»**, **«вызмишь»** т. д. Тенденции к **выразительности** противостоит тенденция к **стандартизации**, в которой общество заинтересовано в не меньшей степени. Под влиянием данной тенденции возникают и существуют на газетных полосах многие клишированные обороты [*в обстановке, в вопросах, проблема (чего-л.)*].

В языке существует также тенденция к **экономичности**, связанная с общечеловеческим стремлением к экономии усилий. Следствием этой тенденции являются сложносокращенные слова (*НТР, ОРЗ, ДНК, ЛЭП* и т. д.), так называемые «стяжения» [*зачетка, проблемка* (проблемная группа), *госприемка* и т. п.]. В противоположность этому действует и другая тенденция к **избыточности** средств, которая проявляется в том, что в словарном составе языка всегда есть определенный запас синонимических средств, обеспечивающий ему качества богатства и гибкости.

2. Противоречия в речевой деятельности в целом проявляются в отношениях системы языка и речи, которые получили название «антиномии кода и текста» [4, 25]. Между объемом кода, количеством языковых единиц (слов), и длиной текста существует обратно пропорциональная зависимость: чем меньше слов в языке, тем длиннее будут единицы текста. Эта закономерность хорошо прослеживается в известном уже явлении многозначности. При наличии у одного слова нескольких различных значений объем системы (словника) не увеличивается, но зато каждое из вторичных значений требует обязательного удлинения контекста. Например, значение 'большое водное пространство' осознается в слове *море* даже без контекста, а вторичное значение этого же слова — 'масса, большое количество' — требует обязательного контекста (*море света, цветов, голов*), в чем и проявляется удлинение текста.

В многозначности слов можно видеть результат действия тенденции к экономии усилий, проявляющейся в речевой деятельности людей. В определенных условиях они предпочитают иметь дело с «длинным текстом» (типовым контекстом, необходимым для манифестации некоторых значений слова), нежели хранить в памяти несколько разных лексических единиц, расширяющих объем кодовой системы. Ср. составные наименования *детский дом, дом отдыха, Дом культуры* при отсутствии или ограниченном использовании однословных наименований соответствующих явлений.

Что лучше? Длинный текст и ограничение числа слов или короткие единицы текста и увеличение запаса слов? Например, наличие специальных слов *деверь, шурин, золовка* или возможность выражения соответствующих понятий словосочетаниями (длинными единицами текста) *брат мужа, брат жены, сестра мужа* В данном конкретном случае в современном русском языке побеждает тенденция к «длинному» тексту, что объясняется, по-видимому, изменением характера родственных связей, степени

актуальности соответствующих понятий. При достаточно широкой употребительности может победить тенденция к увеличению объема лексических единиц: вместо составных наименований появляются стяженные или сложносокращенные **новые** слова, ср.: *линия электропередачи — ЛЭП, бандероль с наложенным платежом — наложка*).

3. Психолингвистические противоречия заключаются в том, что каждый носитель языка может функционировать в речевой деятельности в двух **ролях** — **активного** производителя речи (говорящий и пишущий) и пассивного воспринимателя (слушающий и читающий). Интересы говорящих (пишущих) и слушающих (читающих) неодинаковы и даже в чем-то противоположны. Первый идет от мысли к ее языковому оформлению и стремится решить свою задачу наиболее простым и легким способом, он допускает скороговорку, неполные предложения и т. п. Второй идет от языковой формы к мысли и заинтересован в том, чтобы мысль была выражена полно, в соответствии с привычными нормами словоупотребления. В этом плане их интересы противоположны: чем менее полно выразит свою мысль говорящий, тем труднее будет слушающему воспринять ее с достаточной точностью, и наоборот. Но говорящий не может упростить выражение своей мысли настолько, чтобы стать вовсе непонятным для слушающего. Главным всегда остаются интересы общения, а они едины для говорящих и слушающих.

Специфика интересов говорящих и слушающих своеобразно преломляется в антиномии кода и текста. Говорящий может быть заинтересован в сокращении текста, слушающий (или читающий), напротив, заинтересован в том, чтобы в тексте не было новых, незнакомых ему слов, он предпочитает иметь дело с «длинным» текстом. Но ведь люди не делятся на только говорящих и только слушающих, каждый из них соединяет в себе обе роли, поэтому указанные тенденции в речевой деятельности уравновешиваются, взаимно ограничивая друг друга.

Но если брать общество в целом с точки зрения его «языкового существования», то можно заметить, что в определенных социальных условиях носители языка выступают чаще либо в роли воспринимающих речь, либо в роли производителей речи. Это не может быть безразличным для развития языка. Так, расширение сферы массовой коммуникации, в которой люди выполняют более или менее пассивную роль слушателей и читателей, влияет на развитие в современном русском языке аналитических средств как проявления тенденции к удлинению текста. Примером того служит рост составных наименований (*круглый стол, Марш мира, сильные сорта*) и глагольно-именных словосочетаний типа *играть роль, вызывать интерес, набирать обороты*.

4. Противоречия существуют и в самой лексической системе. Идеальным принципом организации любой знаковой системы является однозначность связи формальной и содержательной

стороны. Поскольку соотношение формы и содержания в словах лишено изоморфизма, а их функционирование немислимо без постоянного варьирования, лексическая система в целом находится в известном противоречии с этим идеальным принципом. Разрешение этих противоречий является одним из важнейших внутрилингвистических факторов развития словарного состава языка.

Отсутствие однозначности в лексике ярче всего проявляется в синонимии и многозначности. Поскольку то и **другое** противоречит идеальному принципу однозначности, явления синонимии и многозначности ограничиваются путем их преобразования или устранения. Примерами «разрешения» синонимии может быть судьба русских и славянских дублетов, которые были рассмотрены в предыдущей главе. Многозначность также может быть ограничена в своем развитии определенными пределами. В частности, в лексике результатом «распада» разросшейся многозначности может быть особый вид омонимии типа *лайка*¹ (собака) и *лайка*¹ (сорт **кожи**).

Из обзора возможных противоречий, движущих развитие языка, видно, насколько они многообразны по своей природе. Но действуют они в рамках одного этапа, и для того, чтобы понять механизм отдельных изменений в словарном составе языка, необходимо учитывать всю сложность их взаимодействия.

§ 3. Архаизация слов, их уход из словарного состава представляет собой процесс постепенный и длительный. Оценивая степень архаизации того или иного слова, мы убеждаемся, что между словами, известными только по словарям, следовательно, полностью вышедшими из употребления, типа *кравчий*, *блонды*, *рамена* и словами, активно употребляющимися, лежит широкая полоса так называемого пассивного запаса, куда входят многие слова, подвергающиеся процессу архаизации, типа *аршин*, *бойница*, *ямщик*, *подворье*, *комбед*, *тачанка* и др.

Лексика, переживающая процесс архаизации, относится к периферийным отделам словарного состава языка. Главным фактором, определяющим такое ее положение, является малая употребительность, стремящаяся к нулю. Определение степени актуальности или неактуальности (устарелости) слова всегда относительно, для нее точкой отсчета будет состояние русского литературного языка второй половины XX в.

В характеристике слов, переживающих процесс архаизации, может быть использовано несколько аспектов, в рамках которых и выделяются признаки таких слов и их типы.

Первый из таких признаков — степень архаизации. Здесь можно разграничить слова, относящиеся в настоящее время к пассивному запасу, и слова, полностью устаревшие. К первому типу относятся слова, мало или совсем не употребляющиеся в живой речи, значения которых тем не менее широко известны всем, имеющим образование, например: *зерцало*, *всуге*, *витязь*,

гимназист, подать, верста, трактир, поместье, буденовка, ликбез и т. п. Им противопоставлены полные архаизмы, которые и непотребительны и непонятны без обращения к словарю, например: *весь* (село), *вития* (оратор), *ярыга* (работник; озорник), *пренумерант* (подписчик), *камка* (сорт ткани), *горница* (верхняя комната), *гридница* (помещение для гридни).

Второй признак связан с характером причин, вызвавших архаизацию. Здесь принято разграничивать историзмы и собственно архаизмы. **Историзмы** — это слова, ушедшие или уходящие из языка вместе с теми явлениями, которые ими обозначаются. Причины архаизации имеют сугубо внелингвистический, социально-исторический характер. К историзмам можно отнести такие слова, как *боярин, берды, бойница; подать, помещик, гимназия; продотряд, чоновец, нэпман*.

Собственно **архаизмы** — это слова, вышедшие из употребления под влиянием **внутрилингвистических** факторов. Явление не исчезает, но сменяется его название. Такому процессу обязательно предшествует ситуация абсолютной синонимии, которая разрешается в пользу одного из синонимов, а другой архаизируется и постепенно уходит из употребления. К архаизмам можно отнести *сей, оный* (этот), *витий, ритор (оратор), гость* (купец), *ланиты* (щеки), *всуе* (напрасно), *кунсткамера* (музей), *кудесник* (волшебник), *зело* (очень), *днесь* (сегодня), *вояж* (путешествие) и т. д. Именно наличие современных актуальных синонимов и отличает архаизмы от историзмов, которые, выйдя из употребления, ничем не замещаются.

Третий признак — лексико-семантический статус устаревшей единицы. Здесь различаются лексические и семантические архаизмы.

Лексические **архаизмы** — это слова, полностью исчезнувшие из употребления со всеми своими значениями, например: *трактир, однопорец, архалук, зело, урядник, физжмы* и др. Семантические архаизмы — это отдельные значения слов, потерявшие свою актуальность, при сохранении самого слова в живом употреблении в других его значениях. Например, значение 'купец' у слова *гость*, значение 'догонять' у слова *достигать*, значение 'государственное учреждение' у слова *присутствие*, значение 'вступление, введение' у слова *приступ*, значение 'незнатный' у слова *безродный*, значение 'побег растения' у слова *отрасль* и т. п.

При анализе устаревших слов обычно используются только две последние характеристики (историзм — архаизм, лексический — семантический), так как первая характеристика (соотнесенность с пассивным запасом) имеет относительный характер и требует специальных изысканий. Специальных словарей архаизмов у нас пока нет, хотя вопрос о необходимости их создания уже поставлен. Две последние характеристики могут сочетаться друг с другом в разных комбинациях, например: *достичь* в значении 'до-

гнать' — собственно архаизм, семантический; *вотьяк* (старое название удмуртов) — собственно архаизм, лексический; *ассигнация* (бумажные деньги с 1769 по 1834 г.) — историзм, лексический; *булава* в значении 'вид старинного оружия' — историзм, семантический. При выявлении этих характеристик следует опираться на словари современного русского языка, в которых указания на архаичность слова даются либо в виде специальных помет *устар.*, либо содержатся в самом толковании отдельных значений. Например:

Уряд — устар 1. Порядок, распорядок. — *В чужой монастырь со своим урядом не ходят.* 2. Служебное положение, чин. — *Он поехал к начальнику, уряд которого был мне неясен.* (МАС, 4, 514).

Усвоить — 3. Устар. Помочь воспринять, сделать привычным, привить. — *Главное дело наставника состоит в том, чтобы прежде усвоить ребенку ту или иную мысль...* (МАС, 4, 515).

Цесаревич — официальное наименование наследника царского престола в до-революционной России (МАС, 4, 644).

Чепец — легкий женский головной убор, обычно в виде капора, который носили в XVIII — XIX вв. (МАС, 4, 661).

Многие из устаревших слов, особенно архаизмы, вытесненные из употребления своими «соперниками», оказавшись на периферии словарного состава, используются как стилистически-маркированные средства, например: *басурман* — 1. Устар. и народно-поэт. 'Человек иной веры'. 2. Устар., прост. — употребляется как бранное слово; *ратник* — устар., и высок.; *воляж* — устар., теперь — ирон.

§ 4. Постепенная архаизация определенной части **словарного** состава, как мы уже указывали, органически **сочетается** с его непрерывным (в наше **время** — бурным) пополнением новыми словами — **неологизмами**. Неологизмы обычно не задерживаются на периферии, а выходят в широкий оборот, ибо их появление в большинстве случаев продиктовано насущными общественными потребностями. Так, в словаре «Новые слова и значения» [6], отразившем около 3500 неологизмов 60-х годов, мы встречаем названия новых отраслей науки (*науковедение, космохимия, футурология*), новой техники (*фоторужье, плоскорез, мопед, ЭВМ*), новых явлений общественно-политической и культурной жизни (*апартеид, неофашизм, народная дружина, поп-арт, электрогитара*), новых явлений в спорте (*универсиада, батут, спортивное ориентирование*). Словарь «Новые слова и значения» (1984) [7], отражающий 70-е годы развития русской лексики, дает такие неологизмы, как *луноход, универсам, разнопоиск, автоответчик, агрокомплекс, газомобиль, генная инженерия, знак качества* и т. д. Всего в этом словаре помещено 5500 новых слов. Данные этих словарей особенно показательны для характеристики темпов пополнения словарного состава на современном этапе его развития.

В общем виде типы неологизмов можно охарактеризовать в двух аспектах, аналогичных тем, которые используются при характеристике архаизмов.

Во-первых, неологизмы различаются по факторам, определившим их появление. Первый фактор, внемлингвистический, наиболее сильный — это появление в жизни новых явлений и новых понятий. Под влиянием этих факторов и возникли приведенные выше наименования новых явлений. Второй фактор — **внутрилингвистический**, который приводит к обновлению уже имеющихся названий любых явлений под влиянием требований большей точности, экономности или выразительности. К ним можно отнести такие слова, как *визуально* (зрительно), *глобальность* (всеобщность), *амидопирин* (пирамидон), *высоковольтка* (высоковольтная линия электропередачи), *втихаря* (тайком), *второклашка* (второклассник) и т. п. Естественно, что как следствие появления таких неологизмов в лексике возникает новая синонимическая пара, элементы которой в большей или меньшей степени стилистически разграничены, ср.: *втихаря* — просторечное, *глобальность* — преимущественно книжное.

Во-вторых, среди неологизмов также различаются единицы двух статусов: лексические и семантические. К **лексическим** относятся все слова, новизна которых проявляется прежде всего в их форме, например: *космохимия*, *квазар*, *биотоки*, *мохер*, *планетология*, ***джинсы*** и т. п. Семантические неологизмы представлены новыми значениями, которые развиваются у слов, имеющих в языке, например: значение 'любитель зимнего купания' у слова *морж*, значение 'устройство вычислительной машины, способное хранить информацию и выдавать ее по запросу' в слове *память*.

Если посмотреть с точки зрения указанных характеристик на материалы словарей неологизмов, то на первом месте по продуктивности стоят слова, связанные с развитием техники, являющиеся первичными наименованиями новых явлений (*бароаппарат*, *батискаф*, *бетатрон*, *блокиратор*, *бройлер*, *буровая*, *БЭР*, *безверетенное прядение*, *бесслитковая прокатка* и т. п.). Не уступают технической терминологии слова, связанные с развитием науки (*байкаловед*, *биогеоценоз*, *бионика*, *биосинтез*, *биофизик* и др.), что вполне объяснимо тем, что современная эпоха в жизни общества ознаменована научно-технической революцией. Наряду с терминами здесь есть слова, связанные с обозначением отдельных явлений общественной, хозяйственной и культурной жизни (*боевитость*, *быткомбинат*, *бескомпромиссность*, *бригадирство*, *бумаготворчество*, *баллон*, *буклет* и др.). Активно пополняется лексика, связанная со спортом (*байдарочник*, *батут*, *биатлон*, *браксист*, *блиц* и др.). Присутствуют в словарях также новые экзотизмы (*бестселлер*, *битник*, *бэрчизм*) и новообразования стилистически-маркированные (*баранка*, *баскет*, *богемистый* и т. п.).

Помимо двух указанных аспектов неологизмы имеют еще один параметр их возможной характеристики — способ их образования. Воспользуемся данными словаря «Новые слова и значения» (1973) [6], приведенными Н. З. Котеловой¹. Соотношение лексических и семантических неологизмов в нем соответственно 90,7 и 8% (1,2% составляют **фразеологизмы** — идиомы).

Среди лексических неологизмов на первом месте стоят, составляя 40,5% всех материалов, сложные слова (*газорезка, крупно-размерный, видеозапись*). К ним примыкают аббревиатуры (*КВН, ДНК*), составляющие 1,4%. За ними идут слова, образованные с помощью суффиксов (около 33%), например: *бройлерник, курчатовый, видеотелефонный*. Намного реже используется в образовании неологизмов чисто приставочный способ (4,2%), например *дозвуковой, антимир*, и приставочно-суффиксальный (3,1%), например *безразмерный, внеземной*. Способ заимствования представлен в 7,5% неологизмов (*кемпинг, круиз, бройлер*).

Среди сложных слов обращает на себя внимание наличие многочисленных рядов неологизмов, в образовании которых участвуют компоненты интернационального характера, свободно сочетающиеся с широким кругом основ, например: *гидроагрегат, гидроаккумулирующая* (электростанция), *гидроакустик, гидроаппаратура, гидробиолог, гидробионика, гидробур, гидровариант, гидровскрыша, гидродобыча, гидроизоляция, гидрокомпрессор, гидрокосметика, гидрокостюм, гидролокатор, гидромассаж, гидромелиоратор, гидрометеоролог, гидрометеослужба, гидромонитор, гидронавт, гидроочистка, гидропередача, гидронескоструйный, гидроника, гидронушка, гидровзрыв, гидрорежим, гидросистема, гидростат, гидротранспорт, гидротурбостроение, гидросилител, гидрофобность, гидрохимия, гидроцилиндр, гидрошахта, гидроэкструзия*. В том же словаре (1973) помещено 30 неологизмов с элементом *био-*, 37 слов — с элементом *микро-*, 69 слов — с элементом *радио-*. В такой же роли могут быть использованы русские по происхождению компоненты сложных слов типа *гос-*, *жен-*, *жил-*, *ком-*, *лит-*, *сов-*, *хоз-* и др., названные Г. О. Винокуром морфоподобными единицами — темами. Примеры таких слов: *госстандарт, госприемка, женсовет, жилкомплекс, литобъединение, комтруд, соцсоревнование* и т. д. Продуктивным способом образования неологизмов являются также составные наименования типа *подъемный кран, шагающий экскаватор, больничный лист, производственные мощности*.

Все описанные способы представляют собой убедительные свидетельства действия тенденции к аналитизму, характерной для многих современных языков. В сложных словах, а в особенности в составных наименованиях наблюдается известное снижение уровня идиоматичности, ср.: *ледобур* — 'бур для сверления льда', *микросистема* — 'система с очень малыми размерами', *безоткат-*

¹ Котелова Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов//Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С. 19.

ное орудие — 'реактивное орудие, которое при выстреле не имеет отката ствола'. Но это снижение идиоматичности уравнивается явлениями заимствования (*мафия, лобби, битл, битник, хобби*), а также аббревиатурными наименованиями типа *лавсан* (**сокращенно** — лаборатория высокомолекулярных соединений Академии наук), *ЛЭП, АИК* (аппарат искусственного кровообращения), *АСУ, АПМ, БелАЗ, БЭР* (биологический эквивалент рентгена) и т. п. Способ аббревиатурного словообразования является очень характерным для многих современных языков на протяжении всего XX в. В этом смысле показательно увеличение объема словаря сокращений: издание 1963 г. включало в себя 12,5 тыс. единиц, издание 1977 г. — 15 тыс., а издание 1983 г. содержит в себе свыше 17 тыс. единиц (Словарь сокращений русского языка. М., 1983). Существуют в сфере неологизмов и другие способы «сокращения», при которых степень идиоматичности повышается. К ним относятся так называемые «компресивы», например: существительные с суффиксом *-к-(а)*, синонимичные словосочетаниям, — *неотложка, электричка, мореходка, читалка, музыкaлки*, нулевка, запаска, продленка, проблемка, а также имена собственные *Ленинка, публичка, Белинка* (библиотека), «*Комсомолка*», «*Литературка*» и т. д. Возникая обычно в устной речи, такие слова получают очень широкое распространение. Сюда же можно отнести сокращения типа «усечений», например: *кибер, баскет, пласты*.

§ 5. В сфере новообразований имеется еще один аспект систематизации, а именно — разграничение собственно языковых неологизмов, называемых в таком случае каноническими или узуальными словами, и так называемых **о к к а з и о н а л ь н ы х** слов, имеющих чисто речевое существование.

Узуальные неологизмы — это слова, возникшие в ответ на общественную потребность, получившие более или менее широкое распространение, ставшие в связи с этим словами воспроизводимыми, т. е. системными. Основная цель их создания — получение новой, необходимой номинативной единицы. Средства и способы создания таких слов — это продуктивные модели (образцы словопроизводства), что и способствует легкому их усвоению, быстрому включению в ряды аналогичных образований.

Главный фактор появления окказионализма — потребность в необычных, выразительных средствах, которая может возникнуть в речи, в особенности в художественной речи. Для образования окказионализмов могут быть использованы мало- или совсем непродуктивные модели, иногда правила модели нарушаются, но это не снижает, а, напротив, часто повышает уровень выразительности такого индивидуально-авторского неологизма. Выполняя художественную функцию в том или ином тексте, окказионализмы не выходят из этого текста, не становятся системными единицами и навсегда сохраняют свойства свежести и но-

визны именно в данном контексте. Вспомним хотя бы пушкинское «*кюхельбекерно и тошно*», «*широкошумные дубравы*»; щедринские «*белибердоносцы*», «*подслушивательный интерес*»; индивидуально-авторские новообразования Маяковского (*раскололотить, раскенареить, развидеться, разэлектричить, расфабричить; выфлажить, вызмеить* и т. д.). В виде исключения авторские неологизмы, обычно имеющие социальную значимость, через этап цитирования могут войти в общее употребление, ср.: *головотяпство* (М. Е. Салтыков-Щедрин), *обломовщина* (И. А. Гончаров), *прозаседавшиеся* (В. Маяковский).

Но, как правило, это слова одноразового использования с повышенной экспрессивностью. Г. О. Винокур, описывая авторские неологизмы В. Маяковского, так характеризует их: «Нет сомнения, что изобретаемые им новые способы выражения Маяковский никогда не считал годными к употреблению и необходимыми в общем русском языке. Бессодержательным поэтому представляется мне задаваемый иногда вопрос о том, что из новообразований Маяковского войдет в общеупотребительную русскую речь, — изобретения Маяковского не имеют такой цели и не для того предназначены. Его новшества несут преимущественно художественную функцию»¹. Приведем примеры из прозаических текстов современных писателей: *Увидев голод, левеешь поневоле; Социальность от бездарности не выручает. Гражданственность не индульгенция за «плопись»* (Е. Евтушенко); *У него постоянные безурядицы службе; Нелидов вовсе не деспот, мякошляпный* (Ю. Трифонов).

Потребность в одноразовом, контекстно наиболее удачном слове часто возникает в устной речи. «Мы сами даже не отдаем себе отчета в том, какое множество окказиональных слов создается на каждом шагу в разговорной речи» [2, 69]. Когда устная форма используется в публичной речи, в частности в выступлениях по телевидению, авторские окказионализмы становятся доступными для общего восприятия. Ср. примеры из телевизионных выступлений: *Вдруг получается затыкмысли* (И. Андроников); *Успешлиवादкаты* (Ю. Сенкевич); *Тогда [в молодости] все было надёжно и надежны* (М. Ульянов); *Все это театр дает нелобово* (Г. Боровик); *Обвалыных* (Э. Рязанов); *В детстве все воспринимается острее, яснее, промываете что ли* (Е. Евтушенко).

Между узуальными, системными словами, в том числе и неологизмами, и индивидуально-авторскими экспрессивными окказионализмами лежит широкая полоса новообразований, называемых **потенциальными** словами. Они отличаются от узуальных неологизмов тем, что имеют речевой характер, обычно не выходят за пределы разового употребления. От индивидуально-авторских окказионализмов они отличаются тем, что в них отсутствует

¹ Винокур Г. О. Маяковский — новатор языка. М., 1943. С. 31.

установка на экспрессивность и образуются они обычно по продуктивным словообразовательным образцам, например: *китиха, жирафиха, тритониха, кротиха* — по образцу *слониха* ИЛИ *крокодила*, *тарантулята, зебрыта, кенгурыта* и другие — по образцу *телята*. Очень продуктивными являются потенциальные сложные прилагательные, ср.: *молчально-чудный* (А. Вознесенский), *кратко-тихая* (Ю. Бондарев), *глухо-пепельно-оранжевая туча* (Ю. Нагибин); существительные с суффиксом *-ость*, ср.: *надмирность, славность, хрустальность, расхоложенность, бесчудесность* и многие другие, изобретенные современными авторами для разного использования.

Значение потенциальных слов обычно характеризуется малой степенью идиоматичности, поэтому они могут быть понятны и вне контекста. Индивидуальные окказионализмы, имеющие установку на необычность, экспрессивность, могут быть осмыслены только в контексте. В целом между узуальными и речевыми неологизмами нельзя провести четкой грани, так же как и между окказионализмами и потенциальными словами. Этим и объясняется тот факт, что, несмотря на многие попытки, мы не располагаем пока однозначной классификацией указанных явлений.

Завершая рассмотрение процессов архаизации и обновления словарного состава, остановимся еще на одном аспекте динамизма лексической системы. Утрата каких-то слов и пополнение нашего словаря новыми словами — это та сторона его развития, которая наиболее очевидна и может даже получить внешнее количественное выражение. Но в развитии словарного состава есть и другая сторона, которую можно определить как внутреннюю, скрытую, но также очень важную. В лексике идет непрерывное семантическое развитие отдельных слов и соответственно столь же непрерывное изменение внутренней структуры лексико-семантических групп, в частности синонимических рядов.

Об изменениях в содержании отдельных слов можно судить, сопоставляя данные толковых словарей русского языка, изданных в разное время. Образец такого сопоставительного анализа дан в статье Г. Г. Виноград¹, осуществившей наблюдения над изменением семантических характеристик одних и тех же слов в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1936—1940) и «Словаре русского языка» (1981—1984). Автор отмечает такие явления, как изменение самого содержания значения, приводя в качестве примера слово *мемориал* (в СУ — 1. 'Книга для записей'. 2. 'Бухгалтерская книга'; в МАСе — 1. 'Архитектурное сооружение'. 2. 'Спортивное соревнование'.). Приводятся многочисленные примеры сужения и расширения семантической структуры слов; так, слова *манекен, рецензия* утратили некоторые значения, отмеченные в СУ, но отсутствующие в МАСе, а в словах

¹ Виноград Г. Г. О некоторых семантических изменениях в лексике русского литературного языка новейшего времени (1930—1970-е годы) // Филол. науки. 1985. № 6.

куратор, панель, баллон, ателье, напротив, в МАСе указаны значения, отсутствующие в СУ. Наблюдается выдвигание новых значений на роль основного, например, значение 'высшее учебное заведение' у слова *институт* дано в СУ как вторичное, а в МАСе — как основное.

Особый интерес в этом плане представляют слова, которые на наших глазах из слов, ушедших или уходящих в пассивный запас, превращаются вновь в активные единицы, наполняясь новым содержанием. В. Н. Сергеев приводит ряд слов, переживших свое «второе рождение» [5]. К ним относятся такие, как *династия, гвардия, дружина, дозорный, наставник, варяги* и др.

Семантические изменения происходят под влиянием как внешних, социолингвистических факторов, так и внутренних, в частности, под влиянием ближайшего парадигматического окружения слова. «Появление нового слова всегда отражается на значениях других слов, близких к неологизму по своему семантическому содержанию или принадлежащих к тому же лексическому ряду, что и новорожденное слово» [1, 91]. Наиболее плодотворным путем в изучении развития словарного состава языка являются исследования не отдельных слов, а семантических группировок различного объема. Образцы подобного подхода даны в работах В. В. Виноградова на материалах таких пар слов, как *передовой* и *отсталый*, *сочинитель* и *писатель*, на примере группы слов типа *посредственность, знаменитость, известность, бездарность*, которая определилась к 20—30-м годам XIX в. как лексико-семантический ряд наименований лиц; на примере синонимического ряда *обаятельный, обворожительный, очаровательный* [/].

Современные описания лексических групп в динамическом аспекте всегда сочетают в себе системный подход с историческими комментариями тех изменений и перестроек отношений, которые характерны для данной группы. В качестве примера можно указать статью, посвященную словам *зачинатель, зачинщик, застрельщик* (входящих в ряд таких слов, как *начинатель, инициатор, основоположник*), помещенную в популярном издании «Друзьям русского языка» [3, 9—10].

§ 6. Последние десятилетия изучение словарного состава языка ознаменовано очень важным событием — осуществлением систематической фиксации неологизмов и отражением их в специальных «неологических» словарях. Инициатором этого большого и очень важного дела является Словарный сектор Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР. Руководитель группы составителей и главный редактор — Н. З. Котелова.

В течение 60-х годов велась планомерная работа по выборке лексических материалов, главным образом, из периодической печати. В картотеку включались все слова, не отраженные в *толковых* словарях русского языка. Первым опытом специального словаря неологизмов 60-х годов был словарь-справочник «Новые слова и значения», вышедший в 1973 г. и содержащий в себе 3500 слов [6].

Затем последовали ежегодные выпуски словарных материалов, в которых были отражены новые слова, встретившиеся в текстах одного года. В отличие от словаря «Новые слова и значения» в этих выпусках фиксируются не только такие неологизмы, которые получили достаточно широкое распространение, но и слова

«разового употребления» (оказионального и потенциального характера). Количественная характеристика выпусков:

	неологизмы	словаразового употребления
1) Новое в русской лексике. Словарные материалы — 77	1100	900
2) Новое в русской лексике. Словарные материалы — 78	2300	700
3) Новое в русской лексике. Словарные материалы — 79	2350	1400
4) Новое в русской лексике. Словарные материалы — 80	2700	1000
5) Новое в русской лексике. Словарные материалы — 81	2700	1400
6) Новое в русской лексике. Словарные материалы — 82	около 5000	1752

Такие лексикографические издания дают возможность следить за динамикой пополнения словарного состава русского языка на современном этапе.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. В.* О некоторых вопросах русской исторической лексикологии//Избр. труды: Лексикология и лексикография. **М.**, 1977. С. **69—94**.
2. *Лопатин В. В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. **М.**, 1973.
3. *Люстрова З. Н., Скворцов Л. И., Дерягин В. Я.* Другам русского языка: Книга о развитии современного русского языка, о его месте в социалистической культуре. **М.**, 1982.
4. *Русский язык и советское общество: Лексика современного русского литературного языка.* **М.**, 1968.
5. *Сергеев В. И.* Новые значения старых слов. **М.**, 1979.

-
6. *Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов/Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина.* **М.**, **1971—1973**.
 7. *Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов/Под ред. Н. З. Котеловой.* **М.**, 1984.

Глава XI. СИСТЕМАТИЗАЦИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТИ В «СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

§ 1. Лексика общеупотребительная и специальная. § 2. Термины как особый тип словесных знаков. § 3. Взаимодействие общеупотребительной и специальной лексики в современном русском языке. § 4. Профессионализмы, диалектизмы, жаргонизмы.

§ 1. Словарный состав современного русского языка богат и разнообразен, и это разнообразие определяется целым рядом социолингвистических факторов. К ним можно отнести и то, что основным потребителем русского языка являются люди русской национальности, расселенные по огромной территории, и то, что русский язык является межнациональным языком народов Совет-

ского Союза, и то, что сфера использования литературного языка в эпоху НТР необычайно широка. Характеризуя существование и функционирование русской лексики в современном «социальном пространстве», необходимо прежде всего учитывать структуру самого общества, представляющего собой не просто совокупность отдельных людей, а сложную систему самых разнообразных социальных групп: классов, профессиональных коллективов, жителей отдельных городов, членов общественных организаций, представителей определенных поколений, соседей по улице, дому, родственников и т. д.

Общение с помощью языка осуществляется прежде всего в рамках конкретных социальных групп. Каждая из таких групп, используя единый лексический запас, тем не менее характеризуется известным своеобразием как в частоте употребления определенных разрядов слов, так и в их составе. В связи с этим словарный состав русского языка может быть систематизирован с учетом такого параметра, как общеупотребительность — ограниченная употребительность.

Факторами ограничения употребительности слов могут быть, во-первых, чисто социальные явления, например принадлежность носителей языка к тем или иным социальным группам, о которых уже говорилось выше. Во-вторых, ограничения употребительности слов могут зависеть от условий, форм и целей общения, которые имеют свою специфику и определяют наличие в рамках единого языка его особых функционально-стилистических вариантов (стилей).

Что такое употребительность слова? Как она может быть оценена? В общем виде на эти вопросы можно ответить следующим образом. Употребительность слова измеряется количеством людей, активно использующих его в своей речи, и количеством самих фактов его употребления. Обе эти характеристики охватываются параметром *частотности*, который оказывается наиболее существенным показателем употребительности слова.

Однозначно определить количественный состав лексики современного русского словаря трудно, определить его точно вообще невозможно, в силу того, что лексическая система является постоянно развивающейся и принципиально открытой. Однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (с 9-го издания) включает в себя 57 тыс. слов, «Словарь русского языка» (МАС, 2-е изд.) — более 90 тыс. слов, «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах **(БАС)** — **120 480** слов. Эти различия в количественных характеристиках объемов словарей отчасти определяются лексикографическими установками, но главным образом тем, что понятие общего объема словаря очень абстрактно и реально существуют словарные ресурсы отдельных людей, точнее — отдельных групп людей.

Сколько нужно современному носителю русского языка слов, чтобы он мог свободно говорить и писать, т. е. производить речь,

и понимать услышанное и прочитанное, т. е. воспринимать ее? По мнению П. Н. Денисова, «владея пассивно 30 000 слов и активно — примерно 10 000, индивид имеет в своем распоряжении всю лексическую систему языка» [2, 57]. При этом реально запас слов одного человека никогда не совпадает полностью с запасом другого. У всех (или у многих) полностью совпадающим оказываются «ядерные» части, представляющие основной словарный фонд максимально частотных слов. Он может быть выявлен при сопоставлении данных особых частотных словарей.

В настоящее время мы располагаем несколькими опытами частотных словарей, состав и характер которых определяются теми практическими целями, ради которых они создавались. Цели эти главным образом учебные, в связи с чем состав этих словарей ориентирован на определенные контингенты обучающихся. Например, частотный словарь Э. А. Штейнфельд содержит свыше 24 тыс. слов, извлеченных преимущественно из текстов литературы для детей и юношества, так как он предназначен для использования его в практике преподавания русского языка в национальной средней школе. Частотный словарь П. И. Харанова отражает лексику учебников для начальной школы (19 250 слов) и лексику разговорной речи школьников (8568 слов). Один из более специальных словарей — словарь В. В. Левитского — включает в свой состав 9934 слова, извлеченных из учебных пособий медицинских институтов. Наиболее полным как по охвату источников, так и по объему словника представляется словарь Л. Н. Засориной [5], который включает в себя 39 268 слов. Основное содержание любого частотного словаря составляют списки слов, снабженные показателями относительной средней частоты или встречаемости в текстах.

При сопоставлении наиболее частотных слов легко убедиться в том, что они одинаковы в разных словарях, «самое большое место в «верхней части» частотного списка, т. е. среди высокочастотных слов, занимают предлоги, союзы, частицы и местоимения» [2, 59]. Так, среди 53 слов первого столбика частотного словаря Л. Н. Засориной представлены: 12 предлогов, 4 союза, 20 местоимений, 7 частиц, числительное *один*, глаголы *быть*, *мочь*, *сказать*, *знать*, существительное *год*, прилагательное *большой* и особые слова-предложения — *да* и *нет*. Эти слова встречаются в любом тексте и покрывают примерно 35% его.

Если взять объем «верхней части» списка до 300 слов, то они покрывают 65%, 1000 слов — от 80 до 90% любого текста. Более половины слов характеризуется низкой частотностью вплоть до одноразовой. С учетом того, что самыми необходимыми словами являются слова с достаточно большой встречаемостью, комплексный учебный словарь «Лексическая основа русского языка» под ред. В. В. Морковкина (М., 1984) включает в себя 10 000 слов, которые могут обеспечить иностранцу, изучающему русский язык, почти полное понимание неспециального текста.

Можно предположить, что именно в этом объеме существует наиболее устойчивое ядро общеупотребительной лексики. Помимо этих слов в лексиконе любого человека присутствуют слова со средней и низкой частотностью, и эти части являются наиболее специфическими, не совпадающими у разных людей. Наибольшее

богатство и разнообразие обнаруживают лексические ресурсы писателей. Так, в текстах А. С. Пушкина встречается 21 290 различных слов, из них с частотой свыше 100 — всего 720, а употребленных всего по одному разу — 6440. В словнике словаря В. И. Ленина, над которым сейчас ведется работа в Институте русского языка АН СССР, имеется свыше 38 тыс. различных слов.

Словарный состав современного русского языка реально представлен совокупностью словарных запасов всех его носителей и, по мнению П. Н. Денисова, может быть определен в следующих количественных характеристиках: минимальное лексическое ядро — 30 тыс. слов, общеупотребительная лексика — 300 тыс., лексика литературного языка в широком смысле, включая всю терминологию, — до 1 млн. слов [2, 54—55]. Таким образом, состав терминологической лексики в три раза превышает объем общеупотребительной, что и вызывает необходимость особого рассмотрения специальной лексики как важнейшего компонента словарного состава современного русского языка.

§ 2. Терминология — это наиболее представительная часть специальной лексики, в которой ярче всего проявляется специфика словарного запаса людей, принадлежащих к одной профессиональной группе. В сфере каждой отдельной профессии, специальности, связанной определенной отраслью общественного производства или науки, всегда существует больший или меньший запас лексики, связанной с предметами и понятиями, существенно важными для данной отрасли.

Такая лексика отражается обычно в специальных терминологических словарях, при составлении которых лингвисты выходят за пределы литературного языка в узком смысле и входят в широкую сферу максимального лексического состава, где языкознание контактирует со всеми существующими отраслями науки, техники и культуры. Примерами таких словарей могут быть: *Тимофеев Л. И., Тураев С. В.* Словарь литературоведческих терминов (М., 1974); Энциклопедический словарь географических терминов/Под ред. *С. В. Калесника* (М., 1968); *Реймерс Н.Ф., Яблоков А. В.* Словарь терминов и понятий, связанных с охраной живой природы (М., 1982) и очень многие другие. «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой [4] включает в себя 7 тыс. терминов, которые представляют (далеко не в полном виде) современную терминологию многочисленных разделов языкознания.

Роль терминологической лексики в современном русском языке возросла неимоверно. П. Н. Денисов приводит интересные в этом плане данные, касающиеся спортивной терминологии: в словаре В. И. Даля помещено только 200 спортивных терминов, в словаре Д. Н. Ушакова — 800, в МАСе — 1400, а всего их насчитывается в современной спортивной терминологии свыше 25 тыс.¹

В этом смысле показательны также данные неологических словарей, в которых более половины слов (до 80%) составляют термины. Терминологическая лексика противопоставляется общеупотребительной, во-первых, своей содержательной связанностью

¹ См. Денисов П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М., 1974. С. 96.

с объектами определенной специальной области, во-вторых, тем, что в рамках специального общения она обладает очень высокой частотностью, а с точки зрения словарного состава в целом лишь в очень незначительной степени включается в сферу достаточно частотной лексики. В настоящее время терминология превратилась в особую научную дисциплину, в разработке которой наряду с лингвистами участвуют специалисты по информатике, науковедению, представители всех наук. Существуют специальные комитеты отраслевого, общесоюзного и международного статуса, призванные учитывать, направлять и регламентировать развитие терминологии в целом.

В работах В. П. Даниленко терминология квалифицируется как «принадлежность языка науки, как основная, наиболее значимая и информативная часть лексической системы языка науки» [1, 15]. Язык науки рассматривается автором как особая функциональная разновидность литературного языка, более узкая по своим функциям, но более широкая — по средствам. В языке науки выделяются три слоя лексики: 1) нетерминологическая лексика, представленная главным образом словами с отвлеченными и обобщенными значениями; 2) общенаучная лексика, которая постоянно расширяется благодаря интеграции наук; 3) собственно терминологическая лексика как «совокупность специальных наименований разных областей науки и техники, функционирующих в сфере профессионального общения» [1, 3].

Термины составляют наиболее регулируемую часть словарного состава языка, в определенном смысле — наиболее искусственную, сознательно создаваемую и предусматривающую регламентацию. В связи с этим они обладают рядом существенных признаков, по которым термины в самом общем виде противопоставляются всем остальным словам (не-терминам). Рассмотрим эти признаки.

1. Значения терминов специфичны в том плане, что они выражают научные понятия, требующие достаточно точной дефиниции в соответствии с уровнем развития той или иной отрасли знаний. Следовательно, сама природа термина исключает или по крайней мере сильно ограничивает ту семантическую неопределенность (нелимитируемость), о которой уже говорилось выше (см. гл. II) как об одном из существенных признаков слова. Если семантика обычного слова соотносится с практическими представлениями о том или **ином** объекте («ближайшее» значение, по терминологии А. Потебни), то семантика термина отражает содержание научного, более глубокого понятия («дальнейшие значения»). Ср. определение лексического значения слова *полночь* — 'середина ночи, время соответствующее двенадцати часам ночи' (МАС, 3, 264) и дефиницию соответствующего географического термина — 'момент времени, в который истинное Солнце или среднее Солнце пересекает над горизонтом меридиан (т. е. находится в нижней кульминации)' (Энциклопедический словарь географических тер-

минов, 293). Еще **пример** ... *историзм* (как слово) толкуется следующим образом: 'интерес к прошлому, воспроизведение его в произведениях искусства'. *Футуристы... высмеивали преувеличенный историзм символистов* (Брюсов) (МАС, I, 690); *историзм* (как термин) — 'слово, вышедшее из живого словоупотребления вследствие того, что обозначаемый им предмет уже неизвестен говорящим как реальная часть их повседневного опыта' (Словарь лингвистических терминов, 185).

В связи с указанными функционально-семантическими особенностями терминов они являются всегда прямыми и нейтральными, лишены коннотативных компонентов наименованиями.

2. Термины всегда функционируют как члены определенных терминосистем. В рамках терминологии той или иной отрасли они закономерно связаны друг с другом, и содержание одного термина формируется и осмысливается на фоне других. В терминосистемах черты системности лексики проявляются наиболее отчетливо, в особенности в парадигматическом плане. Это проявляется, в частности, в наличии регулярных оппозиций, ср.: *архаизмы* — *неологизмы* (антонимы); *архаизмы лексические* ... *неологизмы лексические*, *архаизмы семантические* — *неологизмы семантические* (эквиполентные оппозиции).

Семантические соотношения в терминологии выявляются и подчеркиваются системностью оформления. Так, в названиях языковых единиц используются одни и те же суффиксы (*фонема*, *лексема*, *морфема*), в названиях разделов языкознания (как и в других науках) используется модель сложных слов с элементом *-логия* (*морфология*, *фонология*, *лексикология*, *фразеология*, *морфонология*, *акцентология* и т. д.). Названия атомных ускорителей создаются по модели с компонентом *-трон* (*беватрон*, *бетатрон*, *космотрон*, *синхротрон*, *синхрофазотрон*, *синхроциклотрон*, *фазотрон*, *циклотрон*); названия вновь открываемых компонентов живой клетки получают оформление с помощью элемента *-сома* (*хромосома*, *рибосома*, *информасома*, *центросома*). Модели, по которым образуются термины одного ряда, могут быть специализированы в рамках отдельных наук. Так, в геологии с помощью суффикса *-ит* от имен собственных образуются названия минералов (*алтаит*, *байкалит*, *волуевит*, *воробьевит*, *ложноносавит* и т. д.), а в медицинской терминологии омонимичный суффикс используется для образования названий болезней воспалительного характера от названий органов человеческого тела (*колит*, *нефрит*, *гастрит*, *менингит*, *холецистит*, *бронхит*, *плеврит* и т. п.). Именно в использовании определенных моделей ярко проявляется регулярность терминов, возможность их искусственного и осознанного образования.

3. Идеальным требованием, которое может быть предъявлено к термину, является требование однозначности и отсутствия синонимов. Многие узкоспециальные термины отвечают этому требованию и тем принципиально отличаются от обычных слов,

потенциально настроенных на многозначность. В терминологии, правда, допускается омонимия, но особого типа. В разных терминосистемах могут использоваться одни и те же лексемы для обозначения различных понятий. Например, слово *редукция* в качестве химического термина обозначает 'освобождение от окисления', в биологии оно **обозначает 'упрощение** организма, связанное с утратой функции', в технике — 'понижение силы давления или напряжения', в лингвистике — 'ослабление звучности гласных', в медицине — 'вставление куска кости взамен поврежденной', в истории — изъятие у феодалов коренных земель в Швеции во второй половине XVIII в. С лексикологической точки зрения все эти значения можно рассматривать как многозначность, но поскольку каждый из этих терминов входит в свою терминосистему и, функционировав в ней, никак не соотносится с другим, внешне совпадающим с ним, это явление правильнее определить как межсистемную терминологическую омонимию.

Столь же идеальным требованием является отсутствие у терминов синонимических дублетов. Отсутствие синонимии, также как и отсутствие многозначности, призвано обеспечить терминологическим системам особую четкость и определенность. Казалось бы, в этой сфере, где наименования создаются искусственно и часто становятся предметом обсуждения и выбора, вышеуказанные требования однозначности и отсутствия синонимии легко достижимы. Реально же в любой терминологии мы встречаемся с нарушениями этих идеальных требований. Приведем в качестве примеров уже известные нам факты. Термин *лексема* используется в лексикологии в двух значениях — 'обобщенный инвариант' и 'внешняя оболочка слова'; для обозначения минимальных компонентов значения слова наряду с общепринятым термином *сема* используются такие, как *семантический признак*, *семантический множитель*, *элементарная значимость*, *квант смысла* и др. В языкознании регулярна многозначность такого рода, когда один и тот же термин используется для обозначения объекта изучения и соответствующего раздела науки, ср.: **лексикография** — 1. 'Совокупность словарей'; 2. 'Наука о составлении словарей'; **синтаксис** — 1. '**Типы** предложений и законы их образования'; 2. 'Наука о предложениях'.

Одним из источников многозначности (переходящей в омонимию) в терминологии может быть развитие терминологических значений у обычных слов, например: *нос* в значении 'передняя часть судна', *лицо* в значении 'грамматическая категория глагола'.

Еще чаще нарушается правило отсутствия синонимов, ср.: *приставка* — *префикс*, *правописание* — *орфография*, *перфорационная карта* — *перфокарта*, *коэффициент полезного действия* — **КПД** и под. Здесь действуют обычные факторы синонимии: сосуществование русского термина с иноязычным, замена длинного термина более коротким. И преодолевается такая синонимия

теми же способами, которые существуют вообще в словарном составе языка, за исключением стилистического размежевания.

4. Особого рассмотрения заслуживает вопрос о мотивированности термина. Как известно, мотивировочный признак (даже если он имеется) не играет существенной роли в процессе функционирования общеупотребительных слов. А как обстоит дело с терминами? Нужно ли, полезно ли качество мотивированности терминам, принципиально ориентированным прежде всего на связь с внелингвистическими объектами? Однозначный ответ здесь трудно дать. С одной стороны, значение термина должно определяться научной дефиницией и не зависеть от семантики тех средств, которые используются для его образования. Этому в полной мере отвечают иноязычные термины, условные термины типа *бином Ньютона*, *допущение Бора*, *черный ящик* (в кибернетике) или *шум* (в теории информации), а также аббревиатурные термины типа *АСУ*, *АИК*, *Уран-235*. С другой стороны, в любой терминосистеме мы встречаемся с производными словами, которые связаны отношениями мотивации как внутри этой системы, так и вне ее, например: *слог — слоговой принцип*, *знак — знаковый*, *вариант — инвариант*, *фраза — фразеология* и т. п. Большая часть русской терминологии является мотивированной, что в принципе, по-видимому, ей не противопоказано. Нежелательным является только стремление преувеличить значение мотивировочного признака при определении содержания термина. Например, внутренняя форма термина *атом* — 'неделимый', этот признак абсолютно несовместим с современным пониманием структуры атома. Другой пример: неправоммерно было бы в рамках современной теории падежа, определяя термин *падеж*, связывать его со значением глагола *падать*, хотя этимологически такая связь имеется.

Несмотря на указанную специфику, термины, будучи все-таки элементами лексической системы русского языка, в основном подчиняются ее законам. Так, способы образования неологизмов-терминов те же, что и обычных слов, например: *память ЭВМ* (семантический способ), *блок управления* (составное наименование), *пескование* (суффиксальный способ), *гидроэнергетика* (словосложение). Вместе с тем в рамках этих общих способов проявляются особенности, характерные именно для терминологии.

В терминологии чаще, чем в обычных словах, можно указать лицо, создавшее (или предложившее) тот или иной термин. Например, термин *биосфера* введен В. И. Вернадским, 104-й элемент Периодической системы был назван *курчатовием* Г. А. Флеровым, термин *космический корабль* был предложен С. П. Королевым. Именно в терминологии процент иноязычных слов (в особенности интернациональных) намного превышает соответствующие показатели в сфере общеупотребительной лексики. Именно в ней с максимальной активностью используются стандартные интернациональные элементы словосложения, генетически связанные

с греко-латинской традицией (*авиа-*, *видео-*, *гидро-*, **метео-** и т. д.; *-граф*, *-дром*, *-метр*, **-тека** и т. д.). Только в терминологии мы встречаемся с такими обозначениями, в состав которых входит символика других наук, например **α -частицы**, **γ -излучение**, **БН-350** (быстрые нейтроны).

Состав терминологической лексики отличается от общеупотребительного фонда также и тем, что в нем подавляющее большинство слов — имена существительные, которые более всего приспособлены для выражения понятий. С помощью существительных в терминологии обозначаются не только понятия о предметах, но и понятия о качествах и действиях, ср.: *кислотность*, *однозначность*, *морозостойкость*; *слежение*, *оруднение*, *дождевание*.

§ 3. Четко противопоставить терминологию общеупотребительной нетерминологической лексике невозможно. Между ними лежит широкая полоса, в которой термины существуют как бы в постоянном колебании между идеальными требованиями (однозначность, нейтральность, отсутствие синонимов) и реальными законами живой и динамичной лексической системы.

Именно в этой «переходной» полосе осуществляется активное взаимодействие между терминами и не-терминами, ибо реальные люди в своей конкретной речевой деятельности употребляют их в одном ряду. В результате таких взаимодействий осуществляются системные переходы лексики из одних сфер в другие: терминов в сферу общей лексики (детерминологизация) и наоборот — пополнения терминов за счет ресурсов общей лексики (терминологизация).

Наиболее общей и сильной тенденцией является расширение границ употребления терминологической лексики, выход терминов за рамки узких специальных сфер с последующим возможным переосмыслением и включением в общеупотребительную лексику. Общими предпосылками таких процессов являются: всеобщая образованность, расширение сфер массовой коммуникации, повышение роли науки во всех сферах общественной жизни, характерное для эпохи НТР, — все это создает особенно благоприятные условия для активных процессов взаимодействия терминологической лексики с общенародной (общеупотребительной) частью словарного состава современного русского языка. Особенно наглядно эти процессы просматриваются в **периодической** печати, в особенности на газетной полосе. По данным языка газет можно выявить основные этапы этого процесса.

Первым этапом является общее расширение употребления терминов как в обычных корреспонденциях, так и в специальных материалах популяризаторской направленности. Ср. хотя бы заголовки газетных материалов: *Конвертор расправляет плечи*; *Гидропоника на новом этапе*; *Агроном на весеннем поле*; *Дома с конвейера*; *Украденный суверенитет*; *Дизайн — не косметика* и т. п.

В заметке «Из кладовых Нептуна» (Правда. 1986. 27 апреля), посвященной музею водорослей, наряду с достаточно известными терминами типа *йод*, *витамины*, *микроэлементы* использованы узкоспециальные термины: *ламинарий*, *фифельция*, *фукус*, *агар*, *маннит*, *альгинит натрия*. В корреспонденции «Мертвеет живая вода» (Уральский рабочий. 1986. 25 апреля), сообщающей о засорении Нижнетагильского пруда, кроме достаточно широко известных терминов типа *прокат*, *сброс*, *водозабор*, *очистные сооружения* используются и более специальные: *взвеси*, *пруд-осветлитель*, *шлам*, *закольцованный оборот*, *донные отложения*. Смысл таких узкоспециальных терминов читатели осознают приблизительно, опираясь на «подсказку» контекста или внутренней формы. Нередко, впрочем, авторы сами дают пояснение термина, например: *Лизис бактерий* — *ученые называют этим словом растворение микроорганизмов* — давно уже известен в науке (Наука и жизнь).

Второй этап освоения термина связан уже с его переосмыслением. Термин употребляется в необычном контексте в необычном, переносном значении, например: *турнирная орбита*; *посевная берет старт*; *полигон предприимчивости*; *финансовые вампиры*; *вирус канцелярицы*; *алгоритм успеха*; *безответственность* — *планктон аферистов*; *обыватель* — *это азот в государственной атмосфере, исполняющий свои нейтральные функции*; *это — нейтроне в государственном атоме*. Во всех приведенных примерах термины выступают как экспрессивные речевые средства.

Третий этап — это полная детерминологизация слова, когда термин утрачивает и свое специальное значение, и свою экспрессивность, становится одним из производных значений, имеющих по преимуществу нейтральный характер. Например, у слова *контакт* помимо специальных терминологических значений (техн.; геолог.) имеется нейтральное, общеупотребительное значение 'взаимное общение; взаимопонимание, согласованность в работе'; у слова *реакция* помимо биологических, химических и физических терминологических значений имеются общеупотребительные значения 'состояние, возникающее в ответ на какое-либо воздействие' и 'резкая перемена в самочувствии, имеющая характер перехода от напряжения к слабости'.

Свою лепту в этот процесс вносят писатели. Так, в текстах прозаических произведений современные писатели, изображающие профессиональную жизнь героев, широко включают в них специальную терминологию. В тексте романа «Иду на грозу» Д. Гранина мы встречаемся с терминами, употребленными в их прямых значениях, например: *Завод переживал неприятности с приводами новой серии специальных контакторов*; *При испытании чугунные каретки разбивались. Каретка скользила по дуговому направляющим, и поломка происходила тогда, когда скорость достигала рабочей*. Здесь же встречаемся мы и с образным, переносным употреблением терминов, ср.: *Крылов повернулся и пошел, возвращаясь в неэвклидово пространство*.

Аналогичные явления встречаются и в языке поэзии, ср. у А. Вознесенского:

Был парень, одетый в *скафандр*,
И ракета на старте
Представите' А как он смеялся
В своем невесомом полете

Или:

Вот зачем, мой Париж прощальный,
Не пожар твоих маляров —
Славлю *стартовую площадку*
Узкой улочки Мари Роз

Во втором тексте термин *стартовая площадка* употреблен в переносном значении.

Обратное движение из сферы общей лексики к терминологии осуществляется в двух типах явлений, которых мы уже касались выше. Во-первых, это развитие вторичных терминологических значений у обычных слов, например: значение 'помехи в канале связи' в слове *шум* как термине информатики; значение 'снижение прочности металла под влиянием переменных нагрузок' в слове *усталость* как техническом термине. Во-вторых, вхождение обычных слов в составные термины типа *субаквальная ванна*, *бесшажный ход*, *мягкая посадка*, *красная книга*, *быстрый сон* и т. п.

§ 4. Особого рассмотрения заслуживают такие группы лексики ограниченного употребления, как профессионализмы, жаргонизмы и диалектизмы. Все эти типы слов объединяет то, что они существуют и используются только в сфере устного общения. Во всем остальном они в чем-то сближаются друг с другом, в чем-то отличаются друг от друга.

Рассмотрим вначале так называемые **профессионализмы**, поскольку они близки к терминологии в том плане, что используются в общении людей одной специальности или профессии. Но если сфера собственно терминологии — письменная речь, то профессионализмы принадлежат сфере устной речи, являются в этом плане стилистически-маркированными. И что особенно важно — они представляют собой вторичные наименования тех или иных явлений, специфических для определенной отрасли, выступают обычно в качестве синонимов специальной терминологии. Так, физики в устном общении называют синхрофазотрон *кастрюлей*, архитекторы чертеж особого типа (с высоты птичьего полета) — *птичкой*, электротехники короткое замыкание — *коротышем*, механизаторы особо мощный трактор — *батраком*. В устной речи спортсменов встречаются такие профессионализмы, как *вольники* (борцы вольного стиля), *произволка* (произвольная программа), *перебежка* (повторный бег), *отбор* (отбирание) *мяча* и т. п. Широко представлены в устной профессиональной речи специфические глагольные слова. Например,

выражение *протропить зверя* (проследить путь движения) отмечено в речи работников лесного заповедника; *отслеживать комету* (следить за движением кометы) — в речи астронома; фраза *Залежь еще не опоискована* зафиксирована в речи геолога и т. п.

Существование профессионализмов обусловлено, по крайней мере, двумя факторами, действующими в устной профессиональной речи. Во-первых, естественным стремлением к сокращению некоторых часто встречающихся выражений, например: *провести поиски* — **опоисковать**, *продать билеты* — **обилетить**, *запускание рыбы в водоем* — *зарыбление*, *борцы вольного стиля* — *вольники*, *музыканты, играющие на струнных инструментах* — *струнники* и т. п. Во-вторых, тенденцией к замене слишком часто употребляющихся специальных слов более выразительными, образными синонимами. Результат действия именно этой тенденции — появление в речи физиков термина *кастрия*, в речи спортсменов — *баранка* (нулевой результат), в речи металлургов — *козел*, в речи водителей — *холостяк* (**порожний** рейс) и т. п. В устной профессиональной речи имеют место некоторые фонетико-грамматические особенности, например: *компас, рапорт, вектора*. Одной из характерных особенностей профессиональной речи является употребление слов с широким значением (чаще — многозначных глаголов)* в особых «профессиональных» смыслах, в качестве синонимов-дублетов к каким-либо специфическим профессиональным словам. Д. С. Лихачев отмечает: «Рыба, скажем, у рыбаков не плавает, а идет; казаки на конях не ездят, а ходят, у моряков идут корабли, суда; у железнодорожников вагоны идут, а не едут; у лесорубов идет падающее дерево¹. Ср. также значение глагола *братъ* в речи охотников, рыболовов, милиционеров и преступников. Конкретное употребление семантически широкого глагола *работать* в узком профессиональном значении зафиксировано в объявлении: *Продается собака, **рабочая** только на пушину, зверя **не работает***).

Устные профессионализмы сближаются через сферу так называемого «интержаргона» [3] с жаргонной (арготической) лексикой. **Жаргонизмы** — это слова, специфические для устной речи социальных групп людей, объединенных не столько профессионально, сколько образом жизни, социальным статусом, принадлежностью к одному поколению. До революции такими «засекреченными» языками пользовались представители определенных профессий (ремесленники, мелкие **торговцы** — офени), жизнь и труд которых были связаны с постоянными перемещениями. Тайный язык (жаргон) был для них практически необходимым средством сохранения профессиональных тайн. Практически необходимым оказывался тайный язык (блатная музыка) и для деклассированных элементов, противопоставленных всем другим носителям языка.

¹ Лихачев Д. С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка М., 1964 С. 358

В советское время исчезли социальные основы для существования таких жаргонов. Наиболее широко распространена «жаргонно окрашенная» лексика в так называемом молодежном жаргоне, или сленге. В устном общении молодежи, главным образом студенческой, используются специфические слова и обороты, выполняющие роль своеобразных корпоративных «знаков» принадлежности к коллективу. Главный фактор, определяющий существование этих специфических средств,— это потребность в «своих», более выразительных эмоционально-экспрессивных вторичных наименованиях, как бы подчеркивающих возрастное и психологическое единство молодежи, критически или, по крайней мере, с юмором относящейся ко «взрослой» части общества. Это своего рода языковая игра. Семантический объем жаргонной лексики ограничен и специализирован: это вторичные наименования явлений, специфических для производственной жизни студентов (*фак, стёна, госы, спихнуть, завалить, хвост, автомат, удочка, зарубежка, школа*); слова, выражающие положительную или отрицательную оценку чего-либо (*клёво, потрясно, железно, молоток, гигант*, с одной стороны, и *мут, лажа, чешуя, сапог, козел, охламон* —с другой); максимально сниженная лексика, отмеченная печатью нелитературности (*предки, кодро, шарага, хиять* и т. п.).

В жаргонных словах представлены обычные способы **словообразования**: лексические новообразования, часть с необычной внутренней формой (*офонареть, балдеть, намылиться*); семантические новообразования большей частью метафорического характера (*возникать, нарисоваться, молоток*); сокращения (*общага, заруба, госы*); иноязычная лексика, главным образом англицизмы (*кейс, бэг, диск, шузы, хиповый*). В целом состав жаргонной лексики очень подвижен, постоянно обновляется, ибо при высокой частоте употребления слова эти быстро утрачивают качества выразительности, ради которых они создаются.

Вообще использование элементов молодежного жаргона допустимо только в устной неофициальной речи и то только с соблюдением меры. Языковая игра не должна превратиться в манеру речи, приводить к снижению общего уровня культуры речи. По мнению Л. И. Скворцова, «жаргон, иссушая и загрязняя живую речь, на свой лад стандартизирует ее, заглушая живую мысль и подлинное языковое творчество» [3, 59].

К периферии литературного варианта русского национального языка относятся **диалектизмы**, специфические для местных народных говоров слова и выражения. Их сближает с профессионализмами и жаргонизмами устная форма бытования. Во всем остальном они существенно отличаются от последних.

Местные народные говоры — это особые варианты русского национального языка, ограниченные территориально, обслуживающие устное общение жителей определенных регионов. Основную часть их словарного состава представляет общенародная лексика, наряду с которой существует специфическая лексика, в которой и проявляется отличие говоров как от литературного языка, так

и от других местных говоров. В этой специфической части можно выделить лексику трех типов.

Во-первых, слова, обозначающие специфические для той или иной местности реалии и не имеющие синонимов в литературном языке, например: *куржак* (зимний иней), *яга* (тулуп из шкуры волков или собак), *шубенки* (меховые рукавицы), *вешало* (шест для развешивания чего-либо) и т. п.

Во-вторых, это нейтральные слова, для которых в сфере литературного языка имеются синонимы, более или менее известные и в говорах, например: *баской* (красивый), *пимы* (валенки), *пословный* (послушный), *ладом* (как следует) и т. п.

В-третьих, слова с коннотативными значениями, имеющие нейтральные синонимы в самих говорах, например: *базгать* (бить), *набученить* (наполнить), *загниголовый* (невнимательный), *большекромый* (жадный) и т. п.

Диалектизмы могут использоваться людьми, обычно с детства приобщившимися к тому или иному говору, в условиях устного, литературного, но неофициального общения, в частности как экспрессивные речевые средства. Так, по данным Т. И. Ерофеевой¹, в речи образованных жителей г. Перми (уральцев по происхождению) sporадически встречается более сотни лексических **единиц — диалектизмов**, например: *вехотка* (мочалка), *синявка* (сыроежка), *шаньга* (ватрушка), *вышка* (чердак), *водиться* (нянчить) и др.

Все указанные группы специфической лексики (профессионализмы, жаргонизмы, диалектизмы) взаимодействуют как друг с другом, так и с литературным языком. Как следствие этого — возможны переходы слов из состава жаргонизмов и профессионализмов в устную литературную речь, ср.: *прокол*, *накладка*, *портачить*, *хотма*. Из говоров перешли в литературный язык такие слова, как *жатка*, *полевой стан*, *пимокат*.

Широко используется лексика рассмотренных выше типов в языке художественной литературы, но здесь проявляется действие других социальных факторов, имеющих функционально-стилистическую природу, к рассмотрению которых мы обратимся в следующей главе.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. **Даниленко В. П.** Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М., 1977.
2. **Денисов П. И.** Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980.
3. **Скворцов Л. И.** Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии//Литературная норма и просторечие. М., 1981. С. 29—57.

4 **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

5. **Частотный словарь русского языка**/Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.

¹ **Ерофеева Т. И.** Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь, 1979.

Глава XII. КОННОТАТИВНАЯ И СТИЛИСТИЧЕСКИ-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА

§ 1. Нейтрально-номинативная и коннотативная лексика § 2. Компоненты коннотации § 3. Лексика стилистически-маркированная § 4. Функционирование стилистически-маркированной лексики

§ 1. В структуре словарного состава языка существует еще одно противопоставление: основному фонду лексики, которая может употребляться в любых условиях общения, выполняя при этом преимущественно номинативную функцию, противопоставлен довольно обширный и сложный по своему составу пласт слов, употребление которых ограничено и специализировано. Ограничения эти, во-первых, могут быть связаны с условиями общения, в таком случае они имеют социальную природу. Различия условий общения порождают особые социолингвистические варианты литературного языка — функциональные стили. Приспособленные к определенным сферам, формам и условиям речевой деятельности, стили характеризуются, в частности, наличием особых лексических средств, несущих на себе печать принадлежности к определенному стилю и поэтому называемых стилистически-маркированными.

Во-вторых, специфика лексики, противопоставленной нейтральному фонду, может определяться особой сложностью семантики слов, связанной с тем, что в содержании слова кроме объективно-понятийного значения содержатся коннотативные компоненты, имеющие субъективный характер. В них отражается эмоциональное, оценочное отношение людей к тем явлениям, которые обозначены словом. Такие слова выполняют в языке и речи особую экспрессивную функцию. «Экспрессивная функция ориентирована на выражение субъективных аспектов восприятия человеком реального мира» [3, 43]. Именно функциональное своеобразие и определяет наличие в словах коннотативной семантики.

В целом слова коннотативно- и стилистически-маркированные составляют около 10% общелитературного словарного фонда, они малочастотны и относятся к периферийным отделам лексической системы. Тем не менее роль такой лексики очень важна, без нее не может обойтись ни один язык. Это необходимые средства совершенствования и гибкости речевой культуры, средства, с помощью которых в объективную информацию, выражаемую с помощью слов, «врывается» субъективный человеческий фактор.

В целом маркированную лексику можно характеризовать как вторичные лексические средства, синонимически соотнесенные с нейтральным фондом. Большинство маркированных слов связа-

ны с нейтральными словами своеобразными привативными оппозициями, о которых мы уже упоминали (см. гл. IV), ср.: *бить — колотить*; *много — уйма*; *брать — хапать*; *муж — благоверный*; *ложь — брехня*; *месть — возмездие* и т. п. Маркированный элемент таких оппозиций всегда информативно богаче нейтрального наименования. При этом дополнительная информация, связанная с маркированным словом, может быть двух типов Во-первых, она может быть чисто внешней, маркирующей не значение слова, а само слово как единицу словарного состава, обладающую определенной стилистической «привязанностью». Например, слова *агитка*, *беготня*, *безалаберщина* стилистически маркируются как разговорные, а слова *возмездие*, *истый*, *зизждится* несут на себе печать принадлежности к книжным стилям. Во-вторых, чаще всего маркирующая информация входит в содержание лексического значения в качестве особого коннотативного компонента.

В связи с этим и принято разграничивать в сфере функционально-маркированной лексики два типа слов: коннотативную лексику и лексику собственно стилистически-маркированную, хотя практически во многих случаях оба типа маркированности могут совмещаться в одних и тех же словах. В следующих параграфах, посвященных рассмотрению двух указанных типов слов, мы постараемся более подробно охарактеризовать как их специфику, так и их взаимосвязь.

§ 2. Коннотативный компонент — это часть системного лексического значения слова, дополняющая его основное понятийное содержание смыслами, в которых отражены социально-психологические оценки и ассоциации соответствующих явлений. По своей структуре коннотативный компонент очень сложен, чем и объясняется то, что он до сих пор не имеет в науке о языке однозначного определения, хотя коннотативная лексика привлекает в последнее время внимание многих исследователей (В. Н. Телия, И. А. Стернин, Н. А. Лукьянова, В. И. Шаховский, Л. А. Киселева, В. К. Харченко и др.). Обобщая концепции разных авторов, в чем-то «усредняя» их, мы считаем возможным рассмотреть в качестве компонентов коннотации следующие **явления**. экспрессивность, эмоциональность, оценочность и образность.

1. Экспрессивность представляет собой наиболее сложную характеристику, получившую различное толкование в работах отдельных исследователей.

Инвариантным, самым общим признаком соответствующего понятия можно считать признак «усиленной выразительности», который может иметь статус системного свойства слова. На наш взгляд, существенно противопоставление двух интерпретаций понятия экспрессивности: широкого и узкого. При широком подходе под экспрессивностью слова (или другого языкового средства) понимается все то, что обладает эффектом повышенной выразительности, связанным с отклонением от нейтрального, общеприня-

того стандарта. Такая экспрессивность выходит за рамки системы лексических средств и охватывает все средства повышенной выразительности, реализующиеся в речи. Это могут быть и собственно слова-коннотативы (например, *реней* — по отношению к человеку, настойчиво навязывающемуся с разговорами к кому-либо), и слова с нарочито фонетической огласовкой (например, *инф[э]кция, б[о]кал*), и особые синтаксические структуры, типичные для устной речи (например, *Ведь лентяй лентяем, а туда же!*), и нарочитая двусмысленность, каламбурность, достигаемая за счет графических средств (например, у Маяковского — «*А кто до того к подписям привык, что снова к скале полез,— у этого навсегда закрывается лик-* (перенос) *без*»).

Под экспрессивностью в узком смысле понимается наличие в семантике слова компонентов, характеризующих меру и степень проявления определенных признаков явлений. Имеются в виду только такие признаки, для которых различная степень проявления представляется естественным свойством. Например, действие направленного перемещения может быть различным по скорости, семантика глаголов *плестись* — *идти* — *нестись* дифференцируется именно в зависимости от меры (интенсивности) скорости. Н. А. Лукьянова предлагает для обозначения данного семантического феномена термин «интенсивность», связывая его «не с любой количественной квалификацией явления, а только с такой, которая демонстрирует отклонение от «нормальной» меры» [3, 56].

Термины «экспрессивность», «экспрессив (экспрессивное слово)» Н. А. Лукьянова употребляет как общее обозначение коннотации, как синоним коннотативной лексики, или коннотативов. По ее мнению, «компонентами экспрессивности, или ее микроразначениями», являются 'эмоциональная оценка', 'интенсивность' и 'образность', в разных комбинациях присутствующие в значениях ЭЛЕ (экспрессивной лексической единицы) [3, 44]. Термин-неологизм «экспрессив» представляется удачным и получает распространение в научной литературе. Сам по себе компонент 'интенсивность' может входить и в понятийную часть лексического значения, ср.: *мчаться* — 'бежать быстро', *поразительный* — 'производящий сильное впечатление', *уйма* — 'очень много' и т. п. В этом случае как бы отражается объективно высокая степень проявления признака. В экспрессивах же компонент 'интенсивность' служит не столько для выражения реальной меры признака, сколько для выражения субъективного представления об этой мере как си 'ьно отклоняющейся от нормы, ср : *мямлить, шпарить, прорва, пропасть, жердь* (о высоком человеке), *лоботряс, балаболка* и т. п. При этом компонент 'интенсивность', как правило, сочетается с компонентами типа 'эмоциональность'.

2. Эмоциональность как компонент коннотации (экспрессивности в широком смысле слова) служит для выражения эмоционального отношения, которое чаще всего бывает оценочным, к тому, что названо словом. Все, что окружает людей и является объектом

познания и наименования, вызывает у них то или иное отношение, в формировании которого в одинаковой степени участвуют разум человека и его эмоции, ибо «без "человеческих эмоций" никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания истины*»¹. Разум является орудием формирования объективной, понятийной части значения слова, чувства находят свое отражение в коннотативной, субъективной части этого значения.

Но эмотивный компонент значения — это не единственный способ выражения эмоций. В этом участвуют и нейтральные слова, называющие различные виды эмоций (*печаль, тоска, радость, удивление*), а также междометия, которые, не выполняя номинативной функции, служат средством непосредственного выражения эмоциональных состояний

3. С эмоциональностью тесно, органически связан компонент 'оценочность'. Можно сказать, что он является главным по отношению к эмоциональности, так как имеет социальный характер. Сами эмоции делятся на положительные и отрицательные именно в зависимости от социальной оценки явления, вызывающего их.

Социальные оценки соотносятся с понятием нормы, совокупностью правил, определяющих оптимальный статус общественной жизни. Положительные и отрицательные оценки располагаются на горизонтальной шкале как выше- и нижележащие относительно средненормативных параметров, ср.: *рукодельница* (положит.) — *неумеха* (отрицат.); *изумительный* (положит.) — *омерзительный* (отрицат.).

Оценке подлежат прежде всего сами люди (*гуляка, белоручка, лежебока, прожесктер, тунеядец*), их поведение (*шататься, канючить, франтить, лоботрясничать*), продукты их деятельности (*мазня, халтура, драндулет, красота, загляденье*), различные социальные явления (*грызня, показуха, маниловщина*).

Об органической близости эмоциональности и оценочности свидетельствуют данные словарей, в которых нет специальных оценочных помет, а есть только эмоциональные, которые одновременно указывают и на характер оценки. Положительная оценочность заключена, например, в таких пометах, как *ласкательное (дружок, солнышко, голубчик), шутовское (благоверный, вояка, работенка)*; **отрицательная** — в пометах *презрительное (клянчить, деляга, дразги), пренебрежительное (дохлый, дребедень), неодобрительное (бузотер, бюрократ)*. Ирония представляет собой сложное явление, она как бы заключает в себе и одобрение и неодобрение, но в скрытом, неявном виде, ср. слова, даваемые с пометой *ироническое (удружить, сокровище, мудрец)*. Органическая спаянность эмоциональных и оценочных компонентов оправдывает их объединение в одном эмоционально-оценочном компоненте.

¹ Ленин В. И. Поли собр соч Т 25 С 112

Оценочность может быть компонентом понятийной части лексического значения, например: *зачинщик* — '**инициатор** плохого дела', а *запевали* — '**инициатор** хорошего'. В таком случае соответствующая эмоциональная оценка как бы дублирует эти семы в рамках коннотации, в отличие от таких слов, в понятийной части которых нет явно оценочных сем, оценка представлена только как часть коннотации, например в словах *голословный*, *демагогический* и т. п.

4. Компонент 'образность' является факультативным и не всеми признается как однопорядковый с компонентами 'эмоциональность', 'оценочность', 'интенсивность'. Он не связан с отражением каких-либо реальных явлений объективного или субъективного характера. Это скорее особый способ представления информации, когда в ней содержится скрытое сравнение, оживляющее наши представления о тех или иных явлениях. Примерами могут быть производные слова с яркой «внутренней формой» (*верхоглядство*, *зубоскал*, *пропесочить*) **или** вторичные значения метафорического характера типа *кипятиться*, *рычать*, *рвкать*, *осел*, *свинья*, *змея*, употребленные по отношению к человеку. Образность слова, в свою очередь, также тесно связана с эмоциональностью.

Таким образом, мы убедились, что в специфической части экспрессивов или коннотативов представлены в разных комбинациях компоненты оценочного, эмоционального, образного и интенсивно-количественного характера, органически связанные друг с другом. Следует подчеркнуть, что, хотя коннотация в рамках лексического значения слова является дополнительной по отношению к основной понятийной части, с точки зрения функциональной именно коннотация обуславливает языковую значимость соответствующего слова. Именно ради экспрессивной функции создаются и существуют в словарном составе языка такие слова. В отдельных словах коннотация выступает в качестве преобладающего компонента, «размывающего» понятийное содержание, делаящего его диффузно-неопределенным. Ср. так называемые сверхмногозначные глаголы *жарить*, *шпарить*, которые могут употребляться как синонимы глаголов речи (*Шпарит по бумажке*), глаголов перемещения (*А ну, **шпарь** к соседям!*), глаголов проявления качества (*Мороз **шпарит** всю неделю*) и др.

В целом экспрессивы (коннотативы), как правило, синонимически соотнесены с нейтральными словами, но соотнесенность эта может **быть** различной. В одних случаях экспрессив полностью совпадает с нейтральным словом по понятийному содержанию и отличается только коннотативно, ср.: *ложь* — *брехня*, *ударить* — *жахнуть*, *украсть* — *стибнуть* и под. В других случаях, когда компоненты типа 'интенсивность' или 'оценочность' присутствуют в самом понятийном значении и как бы дублируются в коннотативной части, отношения экспрессива с нейтральным словом имеют более сложный характер. Здесь имеет место собственно привативная оппозиция, маркированный элемент кото-

рой отличается от нейтрального синонима не только коннотативно, но и по семам понятийной части. Например, слово *мазня* может быть соотнесено со словами *рисунок*, *картина* только в том случае, если речь идет о плохом произведении. В таком случае сема 'плохой' входит в понятийную часть слова *мазня*, делая ее более содержательной. Аналогично обстоит дело в соотношении слов *запевала*, *застрельщик*, *зачинщик* с нейтральным *инициатор*, слов *пособник*, *сподвижник*, *соратник* со словом *помощник*.

§ 3. Стилистическая маркированность слова отличается от **коннотативной**, как мы уже указывали, тем, что имеет внешний характер. Она не включается в содержание слова, а как бы «приписывается» самому слову как факту языка. Содержательно стилистическую маркированность можно представить как дополнительную информацию об уместности, допустимости, оптимальности слова в определенных условиях общения, о его «привязанности» определенному функциональному стилю.

Основной фактор, разграничивающий стили речи (соответственно и стилистическую маркировку лексики), — это форма речи: письменная и устная. Условия и цели устного и письменного общения существенно различны, и в **рамках** этих типов речи вырабатываются специфические средства, несущие на себе печать того или иного стиля. Так, слова *свершиться*, *движимый*, *исходящий* даже вне контекста осмысляются как принадлежащие к стилям письменной речи, а слова *в конец*, *адски*, *толчея*, *хворать*, *дурнушка* и под. — как средства устной речи.

В словарях маркировка слов, тяготеющих к стилям письменной речи, дается с помощью ряда помет: *книжное*, *официальное*, *высокое*, *традиционно-поэтическое*, например: *адепт* (книжн.), *бракосочетание* (офиц.), *грядущее* (высок.), *бранный* (**трад.-поэт**) (МАС, /).

Особенно широко представлена в языке лексика, связанная с устной формой речи. Частично мы уже касались ее при рассмотрении профессионализмов и жаргонизмов. Наиболее богатым пластом здесь оказывается разговорная лексика, которая употребляется в живой, непринужденной речи, в условиях повседневного общения с близкими людьми. Поскольку в устном общении с наибольшей полнотой выявляются не только мысли человека, но и его эмоции (иногда даже второе сильнее, чем первое), то для лексики разговорного типа характерно наличие определенной коннотации, в особенности эмоционального компонента. Степень экспрессивности разговорного слова может быть минимальной, например: *зачетка*, *электричка*, *драный*, *дошутиться*, *дотошность* и т. п. Но в большинстве случаев стилистическая «разговорность» сопровождается довольно яркой эмоционально-оценочной коннотацией, например: *допрыгаться*, *толчея*, *барахло*, *верзила*, *дылда*, *разиня* и т. п.

Разговорные слова могут иметь нейтральные синонимы, например: *адски* — *чрезмерно*, *балагур* — *шутник*, *бахвал* — *хвастун*, *башковитый* — *умный*, *безмозглый* — *глупый* и т. п. Наряду с такими словами в разговорной лексике есть много слов, не адекватных по своему понятийному содержанию соответствующим нейтральным словам, т. е. не имеющие точных нейтральных синонимов, ср.: *брякнуть* — 'упасть с силой, шумом'; *бубнить* — 'говорить монотонно'; *бродяжничать* — 'путешествовать без определенной цели'; *бренчать* — 'неискусно или небрежно играть на музыкальном инструменте' и т. п. В последнем типе разговорных слов можно видеть продукт тенденции к лаконизму и выразительности, весьма характерной для устной речевой деятельности.

Особую сферу устной речи, пограничной между литературным языком и внелитературными средствами, составляет **просторечие** и е, специфика которого также проявляется в наличии особых лексических единиц — **просторечных** слов.

Просторечная лексика оказывается особенно трудно определенной, во-первых, в силу ее неоднородности, во-вторых, потому что именно в просторечии произошли наиболее значительные изменения в послеоктябрьский период развития русского языка.

До революции, когда литературный русский язык не был общенародным языком, в речи городского населения, относимого к «простому народу», существовал особый устный вариант, в котором нивелировались специфические диалектные особенности. Помимо фонда общенародной лексики в нем присутствовали: **обще**-диалектные слова (типа *стужа*), понятные всем, но неупотребительные в книжном языке, искаженные литературные слова (типа *агромадный*) и много слов экспрессивных, нередко грубых, вплоть до бранных (*бабье*, *башка*, *балда*, *блудня*, *буркалы* и т. п.). По мнению Л. И. Баранниковой, «просторечие... было тем компонентом в составе общенародного языка, который пришел на смену территориальным диалектам прежде всего в городских условиях. На ранних этапах существования национальных языков просторечие, очевидно, выступало как основная форма обиходно-бытового общения»¹.

В современном русском языке характер просторечия изменился. Вышли из употребления искаженные слова, вытесненные их нормативными дублетами, общедиалектные слова частично вошли в литературный язык в связи с его общей демократизацией. Изменился характер экспрессии просторечных слов: они в массе своей стали менее грубыми, допустимыми в устной, фамильярной речи, ср.: *блондинистый*, *впритирку*, *мельтешить*, *балдеть*, *калымить*, *вкалывать*, *канителиться*, *кавардак*, *казенищина* и др. Сохраняется небольшой слой так называемого внелитературного просторечия, куда включаются остатки диалектной по происхождению лексики, недопустимой с точки зрения литературной нормы

¹ Баранникова Л. И. Просторечие как особый социальный компонент языка // Язык и общество Саратов, 1974. Вып. 3. С. 7.

и все-таки встречающейся в устной речи (*вертаться, пужать, дожить, спервоначалу, без разницы, сродственник* и т. п.).

Будучи противопоставленным, с одной стороны, диалектам широтой своего распространения, с другой — литературной разговорной речи своей ненормативностью, просторечие в целом не имеет четких границ, представляет собой «некий общественно-исторический феномен с весьма невысокой степенью структурной организованности» [2, 11]. Особенно трудно отграничить просторечные слова от разговорных. По мнению Л. А. Капанадзе, «отличие просторечия от литературной РР (разговорной речи) — в составе носителей: просторечие — это неподготовленная, непринужденная речь лиц, не владеющих литературным языком» [2, 10].

В целом стилистически-маркированная лексика связана с нейтральными словами и может осуществлять свои функции только с опорой на них. Во многих случаях мы можем выявить своего рода стилистические парадигмы, основу которых представляют нейтральные слова, окруженные своими стилистически-маркированными спутниками, ср.: *идти* — *шествовать* (книжн., высок.), *топать* (разг.), *переться* (прост.); *подарок* — *дар* (почтит.), *презент* (разг., шутил.); *одежда* — *одеяние* (книжн., устар.), *одежка* (разг.); *поручить* — *возложить* (книжн.), *взвалить* (разг.). Чаще всего **более** полной является та часть парадигмы, в которой представлены слова устной речи со сниженной окраской, например: *поразить* — *ошеломить* (прост.), *ошарашить* (прост., уси-лит.); *понять* — *раскусить* (разг.), *раскумекать* (прост.), *расчухать* (груб.-прост.).

Стилистическая маркированность слова чаще всего сочетается с коннотативной (экспрессивной) маркировкой, особенно это касается слов, специфических для устной речи. В словарях при характеристике таких слов обычно используются двойные пометы, ср.: *войка* — разг., обычно шутил. и ирон. (МАС, /, 220); *ворюга* — прост., презр. (МАС, /, 214); *браток* — прост., **уничжи́т.** и ласк. (МАС, /, 112). В целом же следует отметить неоднозначность лексикографических помет, отражающих характер их маркированности, в разных словарях. Приведем известный пример со словами *сборище* и *сонмище*. *Сборище* в СУ дано с пометой «пренебр.», в СО — с пометой «разг., неодобр.», в МАСе — с пометой «разг.». Слово *сонмище* в СУ имеет помету «книжн., устар.», в СО — помету «устар. и шутил.», в МАСе' — «книжн., обычно ирон.». В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (до 9-го изд.) слова с одинаковой, казалось бы, экспрессивно-стилистической маркированностью даются по-разному: *маниловщина* с пометой «неодобр.», *обломовщина* — без помет; *рвачество* — с пометой «разг., презр.», а *шкурничество* — без помет.

Причина таких несовпадений объясняется как объективными, так и субъективными факторами. К объективным можно отнести следующие. Во-первых, уже отмеченную выше диффузность, взаимопроникновение отдельных компонентов коннотации и стилистических характеристик. Например, разговорность чаще всего пред-

полагает наличие **эмоциональной** оценочности; интенсивность, как денотативная, так и коннотативная, органично «провоцирует» оценочность. В словарях же часто отмечается только один (или максимум два) из возможных компонентов, как бы **вбирающих** в себя и другие, органически связанные с ним.

Во-вторых, объективной чертой **коннотативной** лексики является неустойчивость ее соответствующих характеристик, их историческая изменчивость. Изменение экспрессивно-стилистической маркированности — один из наиболее интенсивных процессов, характеризующих развитие словарного состава русского языка советской эпохи. В этом процессе реализуются две тенденции: переход маркированной лексики в состав нейтрального фонда (нейтрализация) и пополнение состава маркированной лексики за счет слов нейтральных, приобретающих по тем или иным причинам характер коннотативных, ограниченных в употреблении слов. В разные годы нейтрализовались, перешли в общий фонд такие слова, как *парень, ребята, склока, учеба, зря, нехватка, возжак, проработать, выпящить, надобно, нежели, зачинщик* и многие другие. Обратный процесс представлен словами, которые, став редко употребительными, пополнили фонд **коннотативной** лексики, например: *давеча, задаром, сговор, уведомить, овеять, насаждать, сборище, сработать, преддверие, третировать* и др. Для современного этапа (**60—80-е** годы) более характерен первый процесс — нейтрализация маркированной лексики, которая особенно интенсивно проходит в языке газет [6, 129—150].

Субъективный фактор, затрудняющий однозначную квалификацию специфической лексики, связан с тем, что не разработаны и не внедрены специальные методики, с помощью которых можно было бы с достаточной объективностью характеризовать экспрессивно-стилистический статус слова. Наиболее перспективными здесь, очевидно, являются психолингвистические методики, подкрепленные приемами математической статистики. Массовые обследования информантов дали возможность, например, установить, что стилистическая маркированность слова *ныне* осознается только 10% информантов, а слова **зачинщик** — 40% обследованных. Выявилось также и то, что «оценки» маркированности слова различны у людей разного возраста, уровня культуры, социального статуса.

§ 4. До сих пор мы характеризовали лексику, коннотативно- и стилистически-маркированную, как явление системное, как определенную сферу вторичных (с точки зрения места в системе языка) лексических средств, которые синонимически соотнесены с нейтральным номинативным фондом и которые могут быть использованы в речевой деятельности в определенных условиях и с определенными целями.

Употребление в речи маркированной лексики определяется многими факторами. Укажем некоторые из них.

1. Форма речи: устная или письменная. В целом более широко представлена маркированная лексика в устной форме речи, потому что в ней человек выявляет себя более непосредственно и полно, не только интеллектуально, но и эмоционально. Поэтому именно в устной речи типичны сокращенные (разговорные) наименования (*зачетка, читалка*), слова эмоционально окрашенные (*вытурить, сказануть, ляпнуть*).

2. Сфера общения: официальная и неофициальная. Даже в устной речи употребительность слов неодинакова; в зависимости от обстановки мы допускаем (или не допускаем) употребление маркированной лексики. Ср. официальное обращение студента к декану: *Мне необходимо съездить к родителям* — и сообщение такого же содержания, адресованное сокурснику: *Домой надо смотаться к предкам*.

3. Характер речи: нейтральное сообщение или эмоционально окрашенное высказывание. Во втором случае мы не можем обойтись без средств выражения нашего состояния, нашего отношения к предмету сообщения и, говоря о пожилой женщине, употребляем такие слова, как *старушенция, бабка, старуха* и даже *карга*, а, имея в виду неопытного, не очень ловкого человека, называем его *тетерей, простофилей*.

4. Социальные характеристики участников речи (возраст, степень культуры, образованность, воспитанность). Так, в речи пожилых образованных людей можно встретить иноязычные слова архаического типа (*импозантный, реноме, перфектность*); о недостаточной образованности человека свидетельствует, например, употребление таких просторечных слов, как *ложить, застыть* (в смысле 'замерзнуть'); для устной речи учащейся молодежи типично употребление жаргонизмов (*трояк, хвост, завалить*). Вообще, именно через маркированную лексику ярче всего выявляются индивидуальные и социально-групповые характеристики людей.

Но нам уже известно, что слово в речи может выполнять не только те функции, которые заданы программой языковой системы, но и другие, специфические смысловые функции. Эти различия между системным статусом слова и его речевыми реализациями находят свое отражение и в сфере экспрессивно-стилистической лексики. По мнению Т. Г. Винокур, «употребление языковых единиц, имеющих стилистическое значение, проходит в условиях двух общих закономерностей — стилистического **с о г л а с о в а н и я** и стилистического контраста [1, 223].

Стилистическое согласование наблюдается в тех случаях употребления маркированного слова, когда его системные характеристики (стилистические прежде всего) соответствуют условиям общения, например канцеляризмы в текстах приказов и распоряжений, специальная терминология в научной статье, просторечные слова в условиях фамиллярного общения. Стилистический кон-

траст имеет место в тех случаях, когда системная маркировка слова не соответствует общему стилю речи, контрастирует с его тональностью. Из «неуместности» слов в данных условиях возникает эффект повышенной экспрессивности. Особенно широко такое необычное использование встречается в художественных текстах и разговорной речи, где с наибольшей силой ощущается потребность в экспрессивных средствах. Здесь могут быть использованы иноязычные слова-экзотизмы — *Имею честь, сэр, пригласить вас на скромный файф-о-клок по случаю роскошных испытаний* (Г. Бокарев), устаревшие слова — *Не слишком ли красиво глаголете?* (Г. Бокарев), специальные термины — *А ты все такой же Крупноблочный и цельносварной. У тебя не нервы, а трехдюймовый крановый трос* (Г. Бокарев).

Иногда в пределах одного речевого фрагмента могут встретиться слова с различной маркировкой, контрастирующие друг с другом, например *Коли за доброту воздастся* (книжн., устар.), *то я в толстовцы пойду. Буду вместо мяса одни рисовые котлеты трескаться* (прост.) (Г. Бокарев), — *Где-то, кто-то, как у нас деликатно выражаются, недоработал, а другой кто-то этот грех по доброте душевной отпустил. До следующего покаяния. Этим двум хорошо. Простившему лестно себя гуманистом чувствовать, прощенному можно опять ваньку валять* (Г. Бокарев). Но бывает и так, что маркированные слова, употребленные в одном тексте, поддерживая друг друга, усиливают экспрессивность и даже передают ее своим нейтральным партнерам, ср. *Шли вокруг актера споры. Да не просто шли — гремели, пылали, бушевали*.

В разных контекстах сила и характер экспрессии могут изменяться. Воспользуемся для иллюстрации этого явления примерами из работы Е. Ф. Петрищевой [4], в которых одно и то же слово *сборище* реализует разные коннотации: 1) *Самгин отказался, его утомляли эти почти ежедневные сборища, на которых люди торопливо и нервозно пытались избыть свою тревогу* (М. Горький), 2) *В этих мирных вечерних сборищах с негромкими душевными разговорами была своя прелесть, неведомая Авдотье раньше* (Г. Николаева), 3) *А у вас тут, кажись, сборище сегодня?* В 1) слово *сборище* имеет ярко выраженную отрицательную оценочность, во 2) — **лишь** шутивную окрашенность, в 3) — **шутливо-фамиллярную**.

Богатство и разнообразие лексики, которую мы рассмотрели в данной главе в качестве экспрессивно-стилистической, создают огромные возможности для индивидуализации речи, для удовлетворения всех социальных потребностей, обслуживаемых литературным **языком**.

Максимально полезным и целесообразным при прохождении данной темы является анализ конкретных функций экспрессивно-стилистической лексики в конкретных текстовых условиях.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Винокур Т Г* Закономерности стилистического использования языковых единиц М 1980
- 2 *Капанадзе Л А* Современное городское просторечие и литературный язык//Городское просторечие Проблемы изучения М 1984 С 5—12
- 3 *Лукьянова Н А* Экспрессивная лексика разговорного употребления Новосибирск 1986
- 4 *Петрищева Е Ф* Стилистически окрашенная лексика русского языка М 1984
- 5 Русская разговорная речь Фонетика Морфология Лексика Жест/Отв редактор Е А Земская М, 1983 С 142—210
- 6 Русский язык и советское общество Лексика современного русского литературного языка М 1968 С 129—150
- 7 *Стернин И А* Проблемы анализа структуры значения слова Воронеж 1985 С 89—129
- 8 *Шмелев Д Н* Русский язык в его функциональных разновидностях М, 1977 С 85—135

Раздел III

РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

Глава XIII. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

§ 1. Природа фразеологизмов и их существенные признаки § 2. Факторы, определяющие существование фразеологизмов как особых единиц словарного состава § 3. Типы фразеологических единиц § 4. Стилистическая характеристика фразеологизмов

§ 1. Единицы лексической системы могут быть представлены не только словами, но и особого типа устойчивыми словосочетаниями, которые принято называть фразеологическими оборотами, или фразеологизмами. Природа фразеологизмов двойственна, противоречива. И главное противоречие заключается в том, что, будучи единицами лексической системы, по своей внешней форме они подобны словосочетаниям — единицам промежуточного типа, связывающим лексический уровень языковой системы с синтаксическим. Все единицы промежуточного типа (к ним относятся также слоги и основы слов) представляют собой единства, состоящие из целого числа единиц нижележащего уровня и функционирующие в составе единиц вышележащего уровня аналогично единицам, из которых они состоят. Любое словосочетание, таким образом, включает в себе противоречие между формой и функцией: по форме оно подобно синтаксическим единицам, состоящим из слов и выполняющим коммуникативные функции, а по функциям — аналогично слову, ибо выполняет номинативную функцию. Но, совпадая со словом по функциональному признаку, свободное сочетание лишено таких свойств слова, как цельноформленность и идиоматичность. Значение свободного словосочетания выражает сложное, расчлененное понятие, вернее два (или более) понятия, связанные определенными отношениями, например: *улицы города* (часть по отношению к целому), *идти домой* (действие перемещения в его отношении к конечному пункту), *зеленая трава* (признак в его отношении к предмету) и т. п. Количество слов, образующих словосочетание, аналогично количеству представленных в нем понятий, а **главное** — общий смысл словосочетания складывается из суммы значений слов.

В отличие от свободных словосочетаний значение фразеологизма идиоматично, и в этом фразеологизм сближается со словом, семантическая природа которого в принципе идиоматична. Таким образом, фразеологизм имеет уже два признака, общих со словом: номинативную функцию и идиоматичность. Отличается он от слова только отсутствием цельнооформленности. Возьмем для сравнения слово *трус*, свободное словосочетание *заячья нора* и фразеологизм *заячья душа* и пронаблюдаем в них соотношение структуры плана выражения (ПВ) и плана содержания (ПС)

Слово	<u>ПВ</u> <u>ПС</u>	<u>трус</u> 'человек, который боится'	<u>одна лексема</u> одна семема
Свободное словосочетание	<u>ПВ</u> <u>ПС</u>	<u>заячья нора</u> 'жилье, принадлежащее зайцу'	две лексемы две семемы
Фразеологическое словосочетание	<u>ПВ</u> <u>ПС</u>	<u>заячья душа</u> 'человек, который боится, трус'	две лексемы одна семема

Именно то, что фразеологические сочетания, несмотря на формальную двукомпонентность (двулексемность), представляют одну семантическую единицу (семему), делает их подобными слову, отрывает от сферы **словосочетаний** и дает основание рассматривать в качестве особых единиц лексической системы.

Фразеология как особый раздел лексикологии (или шире — языкознания) начала свое развитие сравнительно недавно. Хотя интерес к фразеологическим единицам в русском языкознании проявлялся достаточно сильно всегда, в частности в практике лексикографии, теоретическая разработка проблем фразеологии относится целиком к советскому периоду развития русистики. В становлении фразеологии как особого самостоятельного раздела науки о русском языке большую роль сыграли основополагающие работы В. В. Виноградова [2] и Б. А. Ларина [5]. В последнее время конкретному исследованию вопросов русской фразеологии посвятили свои работы Н. Н. Амосова, В. Л. Архангельский, А. М. Бабкин, Ю. А. Гвоздарев, В. П. Жуков, М. М. Копыленко, В. М. Мокиенко, А. И. Молотков, А. М. Мордвилко, Л. И. Ройзензон, Н. М. Шанский и др. В результате исследований был определен круг теоретических вопросов фразеологии, разработаны многие общие положения, выявлены наиболее сложные вопросы, на решение которых направлены в настоящее время усилия советских фразеологов. О достаточно высоком уровне разработки фразеологии свидетельствует, по нашему мнению, тот факт, что явления **фразеологии** заняли свое место в стабильных школьных программах и учебниках русского языка.

§ 2. Основным теоретическим вопросом фразеологии является определение ее предмета. Что же изучает фразеология? Какими признаками должны обладать словосочетания, включаемые в сферу лексикологии в качестве особого типа лексических единиц? Самыми общими признаками таких единиц являются: устойчивость и цельность, нерасчлененность значения.

Первый из этих признаков — устойчивость — можно интерпретировать в качестве формального признака фразеологизмов. Он проявляется в том, что какие-то слова характеризуются постоянным контекстом, обладают свойством постоянной совместной встречаемости в тексте, ср.: *крошечная **тьма**, бить ба к л у ш и, белый **налив**, за тридевять земель, трескучий мороз* (выделенные слова представляют собой постоянный контекст, который создает устойчивость сочетаний). Но этого признака недостаточно. Нам уже известно, что совместная встречаемость возможна и в свободных словосочетаниях, например: слово *глаза* в контексте глагола *щурить*, *собака* в контексте глагола *лаять*. Здесь, в частности, мы имеем дело с глаголами, в семантике которых имеется сема специфического объекта ('глаза') или специфического субъекта ('собака'). Такие семы достаточно жестко задают лексическую сочетаемость глаголов, придают соответствующим словосочетаниям качество устойчивости, однако фразеологизации здесь нет, ибо значения таких словосочетаний можно осмыслить именно как сумму семем, представленных соответствующими лексемами.

Гораздо важнее, по-видимому, другой признак фразеологизмов, имеющий содержательный характер. Это признак цельности, нерасчлененности значения, который проявляется в том, что значение фразеологического сочетания не выводится из значений составляющих его слов, не является суммой этих значений. Значение фразеологического оборота в большей или меньшей степени может быть осознано как связанное со значениями компонентов — слов, но связь имеет сложный, иногда уникальный характер, вплоть до полного отсутствия таковой. Структура этого значения аналогична структуре значения одного слова, недаром в большинстве случаев фразеологические обороты являются функциональными эквивалентами отдельных слов, ср.: *детский сад — детсад, одержать победу — победить, бить баклуши — бездельничать* и т. д. Признак идиоматичности значения более всего сближает фразеологические сочетания со словами, предопределяя их функциональное сходство, которое, в частности, проявляется в том, что в составе предложения они ведут себя как единый член предложения, формально представляющий собой неразрывное словосочетание. Ср.: *Он **испытывал** сомнения в том, что...* (сказуемое со значением 'сомневаться'); ***Домотдыха** был расположен в сосновом лесу* (подлежащее).

Признак цельности не всегда проявляется достаточно определенно; установить с несомненностью факт идиоматичности значения того или иного словосочетания бывает подчас трудно, а следовательно, трудно и провести границу между собственно фразеологизмами и свободными словосочетаниями, четко выделить объект фразеологии. Это естественно, ибо в самом языке всякие промежуточные явления связаны с основными, четко противопоставленными явлениями целым рядом переходных случаев, квалификация которых представляет известные трудности.

§ 2. Существование особых фразеологических единиц не является в языковой системе чем-то случайным, тем более аномальным. Оно определяется рядом факторов, связанных с некоторыми существенными основами языка в целом. Рассмотрим некоторые из них. Во-первых, следует иметь в виду фактор, который можно было бы назвать логическим, т. е. то, что понятие может быть выражено не только одним словом, но и словосочетанием, притом любой распространенности, например понятие 'синева' может быть выражено словосочетанием *синий цвет*, понятие 'язык' — сложным по структуре **номинативным** построением: «Одна из самобытных семиотических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций...»¹

Во-вторых, можно указать на факторы чисто лингвистического порядка, обуславливающие возможность существования фразеологизмов. К ним относится прежде всего принципиальное отсутствие строгого изоморфизма между планом выражения и планом содержания языковой системы в целом и отдельных ее единиц в частности. В грамматике это проявляется в существовании так называемых аналитических форм, например: *буду читать* является формой будущего времени одного глагола *читать*, *был открыт* — особая форма прошедшего времени страдательного залога глагола *открыть*, *самый красивый* — сложная форма превосходной степени одного прилагательного *красивый* и т. п. Другой пример. Внешне одинаковая единица, представленная одним звуком, с функциональной точки зрения представляет собой ряд омонимических единиц, к тому же разных уровней: звук [у] в слове *стул* является просто фонемой, в слове *ног-у* — морфемой, в сочетании *у стола* — самостоятельным, хотя и служебным словом, во фразе *У, как ты заговорил!* — самостоятельной частью сложного предложения, имеющей особый, нерасчлененный характер, непосредственно выражающей определенные эмоции.

В сфере чисто лексической **нам** хорошо известны факты контекстно-обусловленных вторичных значений слов, при которой

¹ *Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов М., 1966 С. 538*

формой выражения этих значений является не только данная лексема, но и ее контекстные партнеры. Выше мы достаточно подробно рассмотрели эти явления в связи с характеристикой семантического варьирования слов. Это предопределяет допустимость и даже естественность несовпадения формальных и семантических структур лексических единиц, возможность выражения содержания одной семемы с помощью нескольких лексем. Одно из наиболее ярких проявлений несовпадения мы и встречаем во фразеологизмах, возникших в результате предельной специализации лексического контекста отдельных значений многозначного слова. Ср. повышение степени специализации и устойчивости контекстов в нескольких вторичных значениях глагола *развести* (нумерация дается по МАСу): 5. 'Растворить в жидкости' (обязательный морфологический контекст — в **ч е м**, ограниченный лексический — название жидкости); 6. '**Заняться** выращиванием животных или растений' (лексическая специализация позиции прямого дополнения, не имеющая, однако, характера узкого контекста); 9. 'Разжечь (пары, огонь)' (указание на ограничение лексического контекста). 7. **||'Начать** говорить', обычно в сочетании со словами «разговоры», «философия», «мораль», «канитель» и т. п. (узко-специализированный контекст) (МАС, 3, 592). По мере повышения уровня специализации контекста глагол все больше утрачивает самостоятельное значение, в результате чего возникает цельность, фразеологичность таких оборотов, как *развести канитель*, *антимонию*, *турусы на колесах*.

Иногда первичные значения полностью утрачиваются, и слова сохраняются в языке только в составе фразеологизмов. В русском языке XVIII в. глагол *чинить* имел значение 'делать' и сочетался с широким кругом существительных: *зло, благо, злодеяния, благодеяния, добро, польза, вред, отрада, досада, обида, насмешка, шутка, допрос, измена, игрище, потеха, восположение, утруждение, облегчение, награждение, нападение, мир, война, смута, дело* и т. д. В XX в. глагол используется только в составе устойчивых оборотов в сочетании с определенными существительными, обозначающими действия, поступки, не отвечающие социальной норме (*обиды, зверства, произвол, насилие* и т. п.).

Другой лингвистический фактор заключается в том, что вторичные значения, в частности переносные, могут возникать не только у слов, но и у единиц более сложного характера — **словосочетаний** и **предложений**, ср.: *Цыплят по осени считают* в смысле 'о деле судят по его результатам'; *сесть на мель* в смысле 'оказаться в затруднительном положении' и т. п. Возможность переносного осмысления значения словосочетания сопряжена с развитием идиоматичности, которая также является предпосылкой трансформации свободного словосочетания во фразеологизм.

Одной из основных теоретических проблем фразеологии является типология (классификация) ее единиц. За время своего развития фразеология накопила целый ряд типологий, начиная

с классификаций, предложенных В. В. Виноградовым и Б. А. Лариним, и кончая сравнительно новыми опытами, предложенными, в частности, в работах Ю. А. Гвоздарева [3, 34—38]. Не ставя задачу подробного анализа классификаций, мы хотим обратить внимание только на одну особенность, а именно — разнообразие и «ненакладываемость» их друг на друга. Это объясняется различием подхода к фразеологическим единицам, различием конкретных целей и задач их исследований и в очень большой степени вычленением объекта фразеологии. Как уже отмечалось выше, в самом языке нет резких различий между словосочетаниями свободными и фразеологизированными, что приводит к условному разграничению этих типов словосочетаний. В современном русском языкознании еще только намечается разработка проблем общей фразеологии, фразеологии в широком смысле слова, объектом которой, по мнению М. М. Копыленко и З. Д. Поповой, должна стать «сочетаемость лексем всех типов» [4, 21]. Фразеология в узком смысле слова, изучающая только неразложимые сочетания, должна быть, по мнению Н. З. Котеловой, частью общей фразеологии, развитие которой предполагает перенос центра тяжести с поисков критериев фразеологичности сочетаний (в узком смысле) на выявление общих законов сочетаемости лексем, в частности и тех, которые имеют место в устойчивых словосочетаниях. Ведь фразеологические единицы — это лишь часть номинативных средств языка, притом часть периферийная, порождаемая общими факторами лексической системы, основными единицами которой являются слова. Вне связи с центральными сферами лексической системы фразеологические единицы не могут существовать, как не могут быть и правильно осмыслены.

§ 3. Перейдем к описанию основных типов фразеологических единиц, опираясь на понятие фактора фразеологизации, который будем принимать за ведущий признак, считая при этом, что по другим признакам распределение фразеологических единиц может быть иным. В качестве таких факторов мы выделяем три, которые условно называем: 1) номинативный фактор; 2) фактор семантического варьирования слов; 3) фактор метафоризации словосочетаний.

Номинативный фактор, по существу, является экстралингвистическим. Он состоит в том, что в обществе в связи с развитием и осмыслением тех или иных явлений всегда существует потребность в новых номинациях. И номинации эти, в особенности термины, могут иметь вид как отдельных слов, так и вид устойчивых словосочетаний, например: *космонавт, синхрофазотрон, лавсан; космический корабль, атомная энергия, линия электропередачи, ксеноновая лампа, жидкий кристалл, гравитационный коллапс, актуальное членение, лексико-семантическая группа, лингвистика текста* и т. п.. Устойчивость словосочетаний определяется терминологическим характером, закрепленностью за одним понятием.

Что касается идиоматичности, то степень ее колеблется, но никогда не достигает максимума: часть сем, присутствующих в содержании составного термина, связывается в нашем сознании со значениями слов, входящих в такой термин, ср.: *космический корабль* ('летательный аппарат, предназначенный для полетов в космосе'), *информационный язык* ('искусственный язык, предназначенный для поиска научной информации'), *козловой кран* ('кран грузоподъемный, состоящий из передвигающегося по рельсам моста на широких опорах и крановой тележки'). Такие устойчивые словосочетания выполняют в языке первичную номинативную функцию, являются основными средствами языкового обозначения определенных понятий. Наиболее подходящим названием для них является термин **составные наименования**.

Составные наименования чаще всего бывают нейтральными и однозначными. При расширении употребительности на их базе могут возникнуть сокращенные варианты, использующиеся преимущественно в разговорной речи, в частности профессиональной, например: *зачетка* — на базе *зачетная книжка*, *детсад* или *садик* — рядом с *детский сад*, *минералка* — *минеральная вода*, *пикетажка* — *пикетажная тетрадь* ('специальная тетрадь для записи топографических заданий'). Одним из видов сокращения наименований могут быть аббревиатуры (*ЛЭП, НТР, ЛСГ, СССР*), а также сложные и сложносокращенные слова, которые особенно широко представлены среди неологизмов современного русского языка. Л. В. Щерба предлагал считать, составные наименования особым типом сложных слов. Если рассматривать оппозицию составного наименования и производного от него универба в качестве абсолютных синонимов, то первичным в этой паре в диахронном плане является составное наименование, ср.: *лексикосемантическая группа* — *ЛСГ*. Но при расширенном употреблении вторичного универба с чисто синхронной точки зрения роли могут поменяться. Универб может функционировать и осмысляться в качестве основного средства, а его источник, составное наименование, оказывается стилистически ограниченным, ср.: *ВУЗ* и *высшее учебное заведение*, *ПТУ* и *профессионально-техническое училище*.

Следующий фактор, с которым может быть связано развитие устойчивых словосочетаний, имеет чисто лингвистический характер. Это фактор семантического варьирования слов, их полисемии. Как известно, большинство вторичных значений слов (неосновные семантические варианты) являются более или менее контекстно-обусловленными. Средством их манифестации может быть не только данная лексема, но определенные, притом обязательные элементы контекста. Напомним, существительные определенной семантики в форме родительного падежа (*колонны, поезда, эскадры*) необходимы в контексте слова *голова* в значении 'передняя часть чего-либо', глагол *вести* может выразить значение 'быть направленным' только при условии, если в его контексте нет

позиции прямого объекта, но есть позиция место — направление (*лестница ведет на чердак*).

В обязательности определенных контекстных партнеров заложена потенциальная возможность фразеологизации, ибо нарушается изоморфизм в соотношениях единиц плана выражения (лексем) и единиц плана содержания (семем). Реализация этой возможности зависит от степени **специализированности** лексического контекста, от ограниченности набора тех слов, которые становятся обязательными и постоянными партнерами слова в том или ином его значении. Так, значение 'охватывать' реализуется в глаголе *брать* только при условии, что позиция подлежащего при нем замещена существительным со значением интеллектуального и эмоционального состояния (*тоска, злость, сомнение, смех берет*); значение 'ничем не покрытый' в прилагательном *голый* реализуется только при условии сочетания его с существительными, называющими поверхности или предметы, имеющие поверхности (*голый пол, матрац, стены*). Такая контекстная сочетаемость является переменной, варьирующейся, но ограниченной в семантическом и лексическом отношении.

Крайний случай фразеологической связанности слова проявляется в фактах постоянной, единичной сочетаемости слов, например: *брать пример с..., завоевать первенство, жгучий брюнет, трескучий мороз, крик моды*. Такого рода устойчивые сочетания (с ограниченным переменным или постоянным контекстом) принято называть фразеологическими сочетаниями (В. В. Виноградов). Главной особенностью последних является то, что в их составе обязательно имеется слово, выступающее во вторичном, фразеологически связанном значении. Слова, которые выполняют в составе фразеологических сочетаний роль обязательного **контекста**, чаще всего выступают в основных значениях, ср.: *трескучий мороз, брать пример, держать победу* (первые лексемы выступают во вторичных фразеологически связанных значениях, **вторые** — в прямых, основных). В некоторых фразеологизмах такого типа в качестве постоянных контекстных партнеров могут выступать слова во вторичных, но достаточно свободных значениях, например: *нечистая сила, душа нараспашку, отдать концы* и т. п.

Наличие в составе фразеологических сочетаний слов с прямыми значениями естественно противоречит требованию идиоматичности, поэтому отнесение такого рода устойчивых сочетаний к области фразеологии, понимаемой в узком смысле слова, вызывает сомнения. В частности, Б. А. Ларин отрицал возможность включения фразеологических сочетаний во фразеологию, так как среди них встречаются выражения «с минимальной **идиоматичностью**, находящиеся как бы на периферии подлинно фразеологических соединений» [5, 147].

Установление степени идиоматичности того или иного фразеологического сочетания для решения вопроса о его отнесенности

к фразеологии в узком смысле слова связано с целым рядом трудностей. Мы не располагаем в настоящее время методикой такого рода, да вряд ли поиски ее целесообразны сегодня, когда на повестку дня встали вопросы разработки общей теории лексической сочетаемости, фразеологии в широком смысле слова. Признание особого характера фразеологических сочетаний, трудности их отграничения от свободных сочетаний не исключают, однако, возможности их трактовки в качестве фразеологических единиц прежде всего потому, что они обладают свойством устойчивости, значения их целостны и аналогичны значениям отдельных слов. Это особенно ярко проявляется в глагольно-именных сочетаниях типа *хранить молчание, оказывать содействие, оказывать влияние* и под. По своему значению такие выражения аналогичны глаголам, с которыми словообразовательно связаны существительные, включенные в них в качестве обязательных партнеров глагола, ср.: *брат **начало** — **начинаться**, оказывать содействие — содействовать, давать разрешение — разрешать, одержать победу — победить, причинить огорчение — огорчить, выразить согласие — согласиться* и т. п. Такого рода фразеологические сочетания представляют собой аналитический способ передачи понятий о действии, при котором глагол выражает только самые общие семы: 'действие', 'субъектность' или 'объектность', а все собственно лексические семы, включая и категориально-лексические, представлены соответствующими именами существительными. Глагольно-именные устойчивые сочетания чрезвычайно распространены в современном русском языке, что связано, по-видимому, с тенденцией к аналитизму, действительно проявляющейся на современном этапе развития русского языка.

Развитие и распространение описательных оборотов представляют собой частный случай удлинённого текста, наряду с которым могут существовать дублиеты-универбы, а могут и отсутствовать, ср.: *бросить жребий, войти в роль, вести себя, иметь возможность, прийти в состояние* и другие глагольно-именные сочетания, рядом с которыми в современном русском языке нет соответствующих однословных (универбальных) обозначений. Следует иметь в виду также и то, что в ряде случаев глагольно-именные устойчивые сочетания не являются семантическими дублиетами соответствующих глаголов. Например, значение оборота *завести знакомство* отличается от значения глагола *познакомиться* семой 'преднамеренность' (познакомиться **можно** и случайно), *соблюдать осторожность* не равно по значению глаголу *осторожничать*, ибо в **нем** имеется сема 'излишнее, чрезмерное проявление' и т. п.

Сфера фразеологических сочетаний не исчерпывается только глагольно-именными сочетаниями рассмотренного типа. Здесь представлены и именные сочетания, **например**. *светлая личность, человек дела, человек слова, кромешная тьма, принятые меры*. В основаках сочетаний лежит **реализация вторичного** фразеологи-

чески связанного значения одного из слов в условиях обязательного контекста, ограниченного **одним-двумя** словами.

Одним из наиболее сильных факторов, определяющих развитие специфических фразеологических единиц, традиционно относимых к фразеологии, является факт метафоризации **словосочетаний**. Такого рода устойчивые сочетания мы будем называть метафорическими фразеологическими единицами, имея в виду широкий круг устойчивых оборотов, обладающих экспрессивностью, той или иной степенью образности. Примерами их могут быть: *сесть на мель, намылить голову, взять за жабры, втирать очки, битый час, бить баклуши, во всю ивановскую, куры не клюют* и т. д.

Такие метафорические фразеологизмы возникают в результате развития у свободных словосочетаний образных, переносных смыслов. Образность выражений обусловлена тем, что смысл фразеологизма метафорически мотивирован прямым исходным значением соответствующего **сочетания**. Сравним смысл словосочетания *намылить голову* во фразах *Он уже второй раз намылил голову* и *Мне тогда за это намылили голову*. Смысл свободного словосочетания *намылить голову* (в первой фразе) складывается из значения слов *намылить* — 'натереть мылом, смоченным водой' и *голова* — 'верхняя часть тела человека'. Фразеологический оборот *намылить голову* (во второй фразе) имеет целостное значение 'наказать, отругать'. Значение фразеологического оборота переносно связано со значением свободного сочетания, в котором содержится потенциальная сема 'неприятное ощущение'. Эта сема, актуализируясь, трансформируется в значение 'подвергать наказанию, брани', в глубине которого в качестве «внутренней формы» сохраняется представление о прямом значении свободного словосочетания. Это и придает фразеологизму качество семантической двуплановости и образности.

Образный метафорический фразеологизм часто выступает как вторичное средство выражения понятия, для которого в языке имеется однословный нейтральный синоним, например: *бить баклуши* — *бездельничать*, *дать стрекача* — *убежать* и т. п. Но во многих случаях значение метафорического фразеологического оборота представляется уникальным, специфическим, не сводимым к значению одного какого-либо известного слова. В этом случае значение оказывается непересекающимся, так как в языке нет адекватного однословного синонима, ср.: *завестись с пол-оборота* — 'легко прийти в возбужденное состояние от каких-либо слов'. Такие фразеологические обороты очень устойчивы, долго сохраняются в языке и по общему закону лексической системы могут подвергнуться деме́тафоризации, утратить мотивированность, внутреннюю форму, которая связывала смысл фразеологизма с исходным словосочетанием. Характерно, что при этом фразеологический оборот не утрачивает свойства экспрессивности

В метафорических фразеологических оборотах можно разграничить фразеологические единства — обороты, в которых хорошо осознается внутренняя форма, мотивированность значением исходного словосочетания (*взять за жабры, сесть на мель*), и фразеологические сращения (идиомы в узком смысле слова), в которых мотивированность утрачена, не осознается рядовыми носителями языка (*попасть впросак, собаку съест*).

Утрата мотивированности может быть связана с различными причинами. Одни причины носят экстралингвистический характер, когда явление, с которым **связан** исходный смысл словосочетания, исчезло из жизни людей, например: *долгий ящик*, в который складывали прошения при царе Алексее Михайловиче и указание на который сохранилось во фразеологизме *положить в долгий ящик*, или *черные и белые шары*, с помощью которых проходило голосование и упоминание о **которых** сохранилось в обороте *прокатить на воронях*, и т. п. Непонятной, неосмысляемой оказывается внутренняя форма метафорических фразеологизмов типа *ахиллесова пята*, *яблоко раздора*, *козел отпущения* для людей, не знакомых с древней литературой.

В других случаях утрата мотивированности объясняется лингвистическими причинами, в частности тем, что одно из слов, имеющих во фразеологизме, уже неизвестно в свободном употреблении, так же как его значение. Ср.: слово **просак** употребляется только в составе оборота *попасть впросак*, таковы же слова *манна* (*манна небесная*), *зеница* (*зеница ока*), *балясы* (*точить балясы*). Затемнение конкретной мотивированности отдельных фразеологических оборотов при сохранении особого экспрессивного характера, общего для всех метафорических фразеологизмов, приводит к тому, что носители языка пытаются домыслить внутреннюю форму там, где она затемнена, и создают ложную внутреннюю форму. Так, подтекст выражения *прокатить на воронях* осмысливается через представление о тройке вороних, а не представление о шарах, с помощью которых проходило когда-то голосование. Внутренний образный смысл выражения *втереть очки* связывается с представлением об очках как приспособлениях для глаз, а не с очками в карточной игре, представление о которых этимологически лежит в основе выражения. Целый ряд фразеологических сращений в употреблении многих людей остается немотивированным. Экспрессивный характер таких сращений тем не менее хорошо осознается.

Четко отграничить фразеологические сращения от фразеологических единств невозможно. Степень осмысления внутренней формы оборота трудно определима и подчас индивидуальна, зависит от уровня образованности, характера мышления, способности к образному мышлению.

Описанная типология фразеологических единиц, основанная на представлении о ведущем факторе фразеологизации, не явля-

ется единственно **возможной** и четко разграничивающей состав русских фразеологизмов. Дело в том, что наряду с ведущими факторами в формировании фразеологизмов могут участвовать и другие, уже в качестве дополнительных, подчас очень сильных. Это приводит к тому, что многие фразеологические обороты имеют двойственный характер и могут быть соотнесены одновременно с разными типами оборотов. Например, терминологическое составное наименование *черный ящик* имеет также свойства метафорического единства, фразеологическое сочетание *жгучий брюнет* также обладает метафоричностью, обусловленной переносным характером значения прилагательного *жгучий*, хотя слово *брюнет* выступает здесь в основном, прямом значении. В разной степени близкими к фразеологическим сочетаниям могут быть составные наименования, ср.: *атомная энергия* и, допустим, *белый налив*, в составе которого имеется слово *налив*, не имеющее свободного употребления. Все это необходимо учитывать при конкретном анализе фразеологических единиц.

§ 4. Фразеологические единицы, в целом тяготеющие к периферийным сферам словарного состава русского языка, естественно предрасположены к стилистической маркированности, и большинство из них ею обладают. Стилистические особенности фразеологизмов определяются тем, в рамках каких сфер речевой деятельности они используются по преимуществу.

Составные наименования в большинстве своем — термины, создаются и функционируют главным образом в книжном, преимущественно научном стиле и несут на себя печать этого стиля, ср.: *очная ставка*, *лошадиная сила*, *состояние войны*, *части речи* и т. д. В связи с расширением употребительности терминов в современном русском языке многие из них утрачивают стилистическую специфику, становятся нейтральными. Особенной широтой употребления и нейтральностью характеризуются составные наименования, относящиеся к общественно-политической терминологии: *коллективная безопасность*, *холодная война*, *Советская власть*, *научно-техническая революция*, *общественные организации*, *социалистическое соревнование* и т. п.

Так же как универбы, термины, составные наименования терминологического характера могут быть использованы в переносных смыслах в текстах художественной литературы, ср.:

И не отточишь никаких лопат,
Чтоб все пласты поднять вот эти снова,
Где происходит *атомный распад*
Неуловимых **элементов** слова (*Л. Мартынов*)

Фразеологические сочетания формируются преимущественно в сфере официальной устной и письменной речи, в сфере действия средств массовой коммуникации, являясь вторичными, аналитическими средствами выражения понятий, для которых в языке

имеются первичные, однословные обозначения. Такие фразеологизмы также склонны к сохранению своей стилистической маркированности, книжной по преимуществу, ср.: *принести свидетельства, подводить итоги, внести вклад, выразить удовлетворение, оказать воздействие*. «Книжность» фразеологических сочетаний особенно дает себя знать, когда они оказываются в необычном для себя разговорном или поэтическом контексте по принципу контраста, ср. слова из **песни**: «**Ты** учти, что немало других на меня обращают в н и м а н и е». Или: «Ой, понравилась ты мне **ц е л ы м** полнотью». Здесь стилистическая окраска «книжности», официальности, свойственная выделенным оборотам, обыграна, использована в целях экспрессии.

Разумеется, сказанное не исключает того, что многие фразеологические сочетания, получившие особенно широкое распространение во многих стилях, являются нейтральными (*принять решение, вести себя, дать возможность*), тем более если соответствующие однословные обозначения отсутствуют.

Особенно сильной стилистической маркированностью обладают метафорические фразеологические обороты. Они создаются и используются в таких сферах речи, где их экспрессивность имеет особенную ценность,— это разговорная речь и язык художественной литературы.

Типичны такие фразеологические обороты для устной профессиональной речи, в рамках которой — в противовес тенденции к специализации, ограниченности, замкнутости языковых средств — с особой силой действует противоположная тенденция к образному переосмыслению слов и профессиональных выражения. В связи с этой тенденцией в рамках профессиональной речи сформировались многие метафорические выражения, которые в дальнейшем получили широкое распространение за пределами этих рамок. Ср.: *играть первую скрипку* (из речи музыкантов), *сесть на мель* (речников), *завестись с пол-оборота* (шоферов), *разделать под орех* (столяров-краскодеревщиков) и др.

Источником многих фразеологических единств и сращений является литература в широком смысле слова, в том числе и фольклорная, церковная и пр. Из сферы последней в русский язык вошли такие, в частности, обороты, как *козел отпущения, земля обетованная, камень преткновения, святая святых*. Их внутренняя форма во многом забыта и не осмысливается. Из античной литературы пришли в наш язык такие выражения, как *двуликий Янус, сизифов труд, прокрустово ложе, яблоко раздора* и др., употребление которых в современном русском языке ограничено главным образом рамками книжных стилей. Многие фразеологические обороты связаны с русской классической литературой, ср. так называемые крылатые слова, вошедшие в широкий обиход из известных произведений русских писателей, ср.: грибоедовское «*дистанция огромного размера*», гоголевское «*легкость в мыслях необыкновенная*», пушкинское «*дела давно минувших дней*», че-

ховское «на деревню дедушке» и т. д. Подробно и обстоятельно вопросы возникновения фразеологизмов и их функционирования в русском языке рассматриваются в книге А.М. Бабкина [/].

В современной разговорной речи широко используются все виды метафорических фразеологизмов, независимо от того, с какой сферой они связаны по своему происхождению. Именно эти выражения, бытующие в разговорной речи, принято называть «поговорками», которые органически сочетаются в нашем сознании с другим видом устойчивых метафорических выражений, именуемых «пословицами». Пословицы отличаются от поговорок тем, что имеют вид предложений, а не словосочетаний, ср.: *Цыплят по осени считают; Старого воробья на мякине не проведешь; Пьяному море по колено, а лужа — по уши; Что посеешь, то и пожнешь*. Сближает их с метафорическими фразеологическими сочетаниями то, что они являются носителями особых обобщенных смыслов, переносно связанных с прямым, исходным смыслом предложений. Но коль скоро по своей структуре они являются предложениями и функционируют как предложения, об их включении в состав единиц лексической системы не может быть и речи, хотя на их основе могут возникать фразеологизмы — словосочетания типа *старый (стреляный) воробей, не провести на мякине, море по колено* и т. п. [3, 94—105].

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970
2. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины//Избр. труды: Лексикология и лексикография М., 1977 С. 118—139.
3. Гвоздарев Ю. А. Фразеологические сочетания современного русского языка. Ростов н/Д, 1973. С. 34—38.
4. **Копыленко М. М., Попова З. Д.** Очерки по общей фразеологии Воронеж, 1972.
5. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии//История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 125—148.

Глава XIV. ВАРЬИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И РЕЧИ

§ 1. Системное варьирование фразеологизмов § 2. Экспрессивные трансформации фразеологизмов в речи § 3. Анализ фразеологизмов

§ 1. В сфере устойчивых фразеологических оборотов, являющихся единицами лексической системы, проявляются те же основные виды вариантных отношений, которые были рассмотрены нами выше¹.

¹ Полный обзор видов и способов варьирования фразеологизмов дан в работе Ю. А. Гвоздарева [3, 27—29].

Особый характер здесь приобретает внутреннее варьирование отдельных фразеологических 'единиц'. Оно может иметь как формальный, так и семантический характер. Формальное варьирование может осуществляться несколькими способами. Во-первых, в рамках одного и того же оборота может наблюдаться морфонематическое варьирование, например: *сбоку припеку* — *сбока припека*; во-вторых, может наблюдаться явление редукции, усечения фразеологизма, например: *прошел огонь и воду (и медные трубы)*, *оборотная сторона (медали)*. Очень типичным способом лексического варьирования оказывается замена одного из элементов фразеологизма другим, близким по смыслу, но отличающимся по социолингвистическим характеристикам. Например, *стоять у кормила* (устар.) — *стоять у руля*; *на всех парусах* — *на всех парах*; *не иметь за душой ни полушки* (устар.) — *не иметь за душой ни копейки*; *витать в эмпиреях (заимств.)* — *витать в облаках*; *ломаного гроша не стоит* — *рваного рубля не стоит* и под. Такие замены определяются стремлением оживить образность фразеологизма за счет ясности прямого смысла слов, включаемых в него вместо устаревших или денотативно непонятных.

В других случаях лексическое варьирование определяется также стремлением повысить образность фразеологизма, но уже за счет введения более конкретного по значению слова, например: *взять на заметку* — *взять на карандаш*; в других случаях, напротив, конкретное слово, значение которого не вполне ясно в данном фразеологическом обороте, чередуется со словом, прямо выражающим понятие, ср.: *кормить завтраками* — *кормить обещаниями*. Ср. также — *драть три (пять, семь, десять и т. д.) шкур*.

В фразеологических сочетаниях вариантами являются обороты с переменными, но узко специализированными элементами контекста типа *нести чепуху* (*ерунду, ересь, чушь, галиматью*). Во всех этих случаях создаются формальные варианты-дубликеты одного и того же фразеологизма, подобные фонетико-морфологическим вариантам слова (*греча* — *гречка, галоша* — *калоша*).

Имеет место в сфере фразеологии также и семантическое варьирование — многозначность. Один и тот же оборот может иметь несколько значений. Например, фразеологизм *поставить на ноги* имеет три значения: 1) 'вылечить' (*Доктор известный, он вас в два дня на ноги поставит*); 2) 'вырастить, воспитать, довести до самостоятельности детей' (*Отец наш один поставил на ноги шестерых детей*); 3) 'вызвать к действию, заставить действовать в каком-либо направлении' (*Была поднята на ноги милиция*). Так же как при семантическом варьировании слов, различное осмысление одного и того же оборота определяется контекстом. Возможно развитие вторичных, переносных значений у составных наименований терминологического характера, например: *цепная реакция* (физ., хим. термин) и *цепная реакция* — в значении

'распространение, передача от одного к другому, к **другим** (каких-либо чувств, настроений, **состояния**)' — Так утверждается цепная реакция доброты, ее всемогущество...

Широко представлена среди фразеологизмов и синонимия. Можно привести целые ряды фразеологических оборотов, служащих для передачи одного и того же понятийного содержания. Например, значение 'далеко' выражается фразеологическими оборотами типа: *на краю света, за тридевять земель, у черта на куличках*; значение 'внезапно исчез' может быть выражено с помощью фразеологизмов: *и был таков, и след простыл, поминай как звали, только его и видели, как ни бывало, как сквозь землю провалился, как в воду канул*. Близки по значению такие обороты, как *бывалый человек, тертый калач, стреляный воробей*.

§ 2. В живой речи, в текстах художественной литературы мы встречаемся с окказиональными трансформациями фразеологизмов. В одних случаях такие трансформации происходят без особой установки на экспрессивность, бессознательно, но не без оснований. К ним можно отнести расширение сочетаемости, например *краеугольный камень — краеугольный вопрос, чувства: Краеугольными были чувства патриотические* (С. Наровчатов); контаминацию близких по смыслу оборотов, например: *играть роль и иметь значение* в речи часто используются в «перепутанном» виде (*иметь роль, играть значение*), ср. также фразу (из речи телевизионного комментатора): *Мы сегодня закладываем какие-то правильные камни в основу нашего цикла*, — где контаминированы обороты *класть в основу* и *краеугольный камень*. Еще пример такого рода: *На воде белыми нитками писано* — как результат окказиональной контаминации фразеологизмов *на воде вилами писано* и *што белыми нитками*.

В художественных и публицистических текстах мы встречаемся с нарочитой трансформацией фразеологизмов, при которой возникают известные сдвиги в их семантике, повышаются их экспрессивность и образность. Трансформации бывают очень разнообразными. Одним из примеров является «оживление» внутренней формы за счет использования в контексте элементов фразеологизма в свободном значении, например: *Здесь все нараспашку — и двери теплушки, и телогрейки, и души ребят* (А. Дмитриев), где фразеологизм *душа нараспашку* повышает свою выразительность за счет сочетаемости слова *нараспашку* со словами *двери* и *телогрейки*, оживляющей его внутреннюю форму.

Повышению экспрессивности может способствовать замена одного компонента словом иной стилистической маркированности, ср. у Маяковского: *Важно пялят взор спецы на критическую моду* (в норме — *пялить глаза*); или у Г. Бокарева: — *Не верите, значит? Родственникам по классу не верите?* (в норме — *братья по классу*). Тому же служит введение во фразеологизм дополнительных компонентов, чаще определений. Например: — *У меня*

такое ощущение, что я свалила огромного дурака. — Похоже, что и я тоже свалил! И тоже не маленького (Г. Бокарев). Даже словообразовательные модификации могут быть средствами усиления экспрессивности фразеологизма, ср.: *Пусть пока немало людишек, травки ниже, водицы тише...* (Р. Рождественский). Возможно образование речевого фразеологизма по известным моделям. Например, у Г. Бокарева в реплике: *До настоящего-то ему далеко. Как нейлону до хлопка* (по модели — *как небо от земли*).

§ 3. Учитывая сложность природы фразеологизмов и разнообразие тех оснований, по которым они могут классифицироваться, мы считаем, что нецелесообразно (по крайней мере, в рамках учебного освоения) при анализе ставить целью жесткую и однозначную их классификацию. Целью анализа является характеристика фразеологических единиц, включающая в себя ряд моментов:

1. Выявление основного фактора фразеологизации (выражение понятия, еще не имеющего наименования; развитие вторичных, фразеологически связанных значений; метафоризация словосочетаний).

2. Наличие у фразеологизмов синонимических связей с однословными единицами и характер их соотношений.

3. Стилистические особенности фразеологизма.

4. Социолингвистические комментарии. Такого рода комментарии предполагают указание на происхождение фразеологизма, на степень его употребительности (устаревшие и новые), на особенности его использования в речи, в частности в рамках анализируемого контекста.

С учетом всех этих моментов в качестве наиболее общих и типичных выделяются четыре вида фразеологических единиц.

1. Составные наименования. Главный фактор — логический, диктующий необходимость обозначения каких-либо понятий и допускающий возможность их оформления в виде словосочетаний. Значение такого фразеологизма прямое, нейтральное, часто терминологическое. В качестве синонимов к ним могут выступать их сокращенные варианты-дублеты. Социолингвистические особенности — новизна и терминологичность.

2. Фразеологические сочетания. Главный фактор — развитие вторичных значений, обусловленных специализированным лексическим контекстом. Основной признак — одно из слов выступает во фразеологически-связанном значении, другое (другие) составляет его необходимый контекст и имеет прямое значение. Возможны однословные синонимы, более нейтральные по сравнению с фразеологизмом (*одержжать победу — победить*).

3. Метафорические фразеологические единства. Главный фактор — метафоризация словосочетания. В связи с этим основной признак — переносный характер

значения оборота в целом, что в свою очередь обуславливает экспрессивно-стилистическую маркированность оборота в целом. Смысл фразеологизма мотивируется прямыми значениями слов, из которых складывается исходное значение словосочетания, или, другими словами, внутренняя форма его осмысливается, присутствует в его содержании. Возможны, но не обязательны однословные синонимы. Применительно к таким оборотам интерес представляют происхождение оборота, сфера употребительности, степень актуальности, а также наблюдения над особенностями использования оборота в конкретных фразах.

4. **Метафорические фразеологические сращения.** Они совпадают с фразеологическими единствами по признакам: фактор фразеологизации, переносный **характер** значения, стилистическая маркированность, возможность нейтральных синонимов. Отличаются от них тем, что внутренняя форма в них затемнена, не может быть осмыслена по тем или иным причинам. Применительно к сращениям интерес представляет исторический комментарий, так как затемнение мотивированности большей частью связано с факторами социолингвистическими, диахронными.

Первым шагом в характеристике фразеологизма является установление его значения. Это тем более необходимо, что, как показывают психолингвистические эксперименты, значения фразеологических единиц оказываются у носителей языка недостаточно четкими, расплывчатыми и неодинаковыми.

При установлении смысла фразеологизма можно использовать специальные словари русской фразеологии. Фразеологический словарь русского языка/Под ред. А. И. Молоткова **М**, 1986, Школьный фразеологический словарь русского языка/Сост. В. П. Жуков **М**, 1980. Можно использовать и общие толковые словари русского языка, прежде всего МАС и БАС, где описанию **фразеологических** единиц уделено большое и серьезное внимание. В частности, в **МАСе** самостоятельно подаются и описываются не только традиционно выделяемые образные фразеологические обороты, но и устойчивые выражения типа составных наименований и фразеологических сочетаний. Толкование значения оборота дается в словарной статье того слова, которое в данном фразеологизме наиболее значимо. Например, выражение *пригласительный билет* толкуется в словарной статье слова *билет* ('документ, удостоверяющий право посещения чего-либо (заседания, спектакля и пр.) без специальной оплаты'), а значения выражений *белый билет*, *волчий билет* толкуются в словарных статьях соответствующих имен прилагательных. Выражение *на первый взгляд* толкуется в словарной статье существительного *взгляд*, а выражение *измерить взглядом* в словарной статье глагола *измерить*.

Проиллюстрируем характеристику фразеологизмов на конкретных примерах.

Солнечное сплетение. В МАСе это словосочетание дается как фразеологизм со значением 'сплетение симпатических нервов, расположенных в брюшной полости на поверхности брюшной аорты', имеющий терминологический характер, на что указывает помета «анатомическое». Фактор фразеологизации — логический, фразеологизм имеет прямое терминологическое значение и явля-

ется основным нейтральным средством выражения соответствующего научного понятия. Синонимов в сфере общеупотребительной лексики нет. Следовательно, есть все основания отнести данное выражение к составным наименованиям. При этом можно отметить, что одно из слов (*солнечное*) выступает во фразеологически-связанном значении, семантически не мотивированным другими значениями слова *солнечный*.

Задержать взгляд (на ком, на чем) Значение выражения, поданного в МАСе в качестве фразеологического, толкуется: 'пристально посмотреть на кого-либо'. Основной фактор здесь — развитие значения глагола *задержать*, который в составе этого оборота выступает во вторичном, фразеологически связанном значении. Его постоянный контекст представлен словом *взгляд*, которое реализует свое основное значение ('направленность, усстремленность зрения на что-либо, кого-либо'). Глагол *задержать* несколько делексикализован, его значение малосодержательно, сведено, по существу, к семе 'действия' и семе 'замедленности', которые связывают его с другими, в частности с основным значением (ср.: 1 || 'замедлить что-либо или прекратить движение, действие'. *Задержать шаги. Задержать дыхание* (МАС. 1, 515). Глагол играет в рамках этого оборота роль строевого элемента, поскольку общее значение оборота определяется главным образом семантикой существительного *взгляд*. Оборот в целом является аналитическим средством выражения понятия о действии. Универбального (однословного) синонима не имеет, поэтому может быть использован во всех стилях речи. По ведущему фактору это выражение можно отнести к типу фразеологических сочетаний.

Выведенного яйца не стоит. Дается в МАСе как фразеологизм со значением 'не имеет никакого значения, не заслуживает внимания' в словарной статье глагола *выесть*. Значение оборота переносно связано прежде всего со значением глагола *выесть* ('съесть внутреннюю часть чего-л.'), отсюда *выведенное яйцо* — 'яйцо, лишенное внутренности, содержимого, составляющего его главную и единственно значимую в качестве продукта питания часть'. Этот смысл в составе оборота трансформируется в значение отрицания значимости, ценности, сливаясь с переносным же значением глагола *стоять* ('обладать ценностью, значимостью'). Выражение можно отнести к метафорическим фразеологическим единствам. Оборот обладает экспрессивностью и употребляется преимущественно в разговорной речи.

Дубина стоеросовая. Дано в МАСе при слове *стоеросовый*, которое употребительно только в бранных выражениях, имеющих характер фразеологических оборотов (*дубина стоеросовая, болван стоеросовый*). Значение не раскрывается, просто указывается: 'то же, что дурак, болван, но с оттенком усиления' (МАС, 4, 269). По значению ('дурак, глупый человек') фразеологизм переносно связывается со значением слова *дубина* ('толстая, тяжелая палка'), но полностью осмыслить внутреннюю форму оборота мы не

можем в силу того, что прилагательное *стоеросовый* не употребляется в современном русском языке в свободном виде и не может быть осмыслено в качестве самостоятельного **слова-ономатемы**. Это дает основания для отнесения этих выражений к типу фразеологических сращений. Данное сращение имеет экспрессивные и стилистические характеристики, об этом свидетельствуют помета «просторечное» и указание на оттенок «усиления», имеющиеся в МАСе. Обращение к другим словарям, в частности к словарю В. И. Даля, помогает нам выявить смысл слова *стоеросовый* ('растущий стойком'), что, в свою очередь, проясняет смысл оборота в целом.

Помимо указанной системной характеристики фразеологических единиц, их анализ предполагает наблюдения над особенностями их употребления в реальных контекстах, Б особенности в художественных текстах. Речевая реализация фразеологизмов в этих текстах зачастую сопровождается тонкими семантическими трансформациями их содержания, вызванными авторскими акцентами и обусловленными особенностями их контекста, частично изменением структуры и т. д.

Попробуем провести такого рода наблюдение на тексте стихотворения П. Антокольского.

Мы — трудовое поколение
Мы вовремя явились в мир
Нам море было по колени,
По щиколотку был Памир.
Белее белого каленья
В победном пламени ума,
Нам горе было по колени,
По щиколотку — смерть сама

Поэт использует фразеологизм *море по колени*, имеющий в языке значение 'все нипочем', 'ничего не страшно'. Трансформируя оборот: *море по колени* — *горе по колени*, создавая по его модели новые обороты с близким значением (*по щиколотку Памир*, *по щиколотку смерть*), смешивая их в тексте, он образно передает не только саму идею бесстрашия, но степени ее.

Фразеологический оборот *доводить до белого каления* ('приходить или приводить в состояние крайнего раздражения') в тексте П. Антокольского выступает в трансформированном виде. Устранение глагольного элемента (*дойти, довести*), употребление прилагательного *белее* оживляет прямой смысл выражения *до белого каления*, а окружающий контекст наполняет весь оборот новым содержанием: в нем выражается состояние не предельного раздражения, а состояние накала борьбы.

Завершая характеристику фразеологических единиц, нам хотелось бы еще раз подчеркнуть мысль о том, что фразеологизмы рассматриваются нами не как особая подсистема внутри словарного состава русского языка, а как набор специфических

лексических единиц, органически связанных со **всей системой** лексики, включенных в общую сеть системных семантических связей ее единиц. Специфика фразеологизмов заключена в их форме, а не в особенностях положения в общей системе лексики. Место это определяется семантической значимостью отдельных фразеологизмов, семантическими связями с другими единицами. Хотя большинство фразеологических единиц тяготеет к периферии лексической системы, среди них встречаются и такие единицы, которые играют роль базовых в рамках отдельных лексико-семантических групп. Так, например, сочетание *вести себя* является базовой единицей ЛСГ глаголов поведения, сочетания *быть в состоянии* или *прийти в состояние* — базовыми единицами ЛСГ глаголов состояния. Такую роль могут играть только фразеологизмы, лишенные стилистической и экспрессивной маркированности, т. е. составные наименования и фразеологические сочетания.

Органическое единство фразеологизмов со всей системой лексики ярко проявляется в том, что фразеологизмы участвуют во всех видах системных отношений, имеющих место в лексике. Парадигматически они связаны со всеми словами сходной семантики в рамках отдельных ЛСГ, подгрупп. Так, фразеологические сочетания *питать ненависть* или *проникнуться симпатией* являются элементами ЛСГ глаголов отношения; метафорические единства *бить баклуши*, *втирать очки* и подобные относятся к ЛСГ глаголов поведения в качестве особых экспрессивных единиц. В рамках таких групп фразеологизмы связаны с другими единицами различными оппозициями, в том числе и синонимическими, ср.: *бить баклуши* — *бездельничать*, *питать ненависть* — *ненавидеть*, *моторная лодка* — *моторка*. При этом синонимия фразеологизмов и соответствующих однословных единиц, как правило, сопровождается стилистическими различиями.

Органически связаны фразеологизмы и с синтагматическими отношениями в лексике. Это проявляется прежде всего в том, что фразеологические единства порождаются в процессе семантического варьирования слов в связи с развитием так называемых фразеологически связанных значений, а также в связи с **метафорическим** переосмыслением словосочетаний на базе первичного смысла, создаваемого единством семантики **слов-синтагм**. Таким образом, природу фразеологизмов невозможно осмыслить без учета **закономерностей** фразеосочетаемости слов вообще.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.
2. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины//Избр. труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 118—139.
3. Гвоздарев Ю. А. Фразеологические сочетания современного русского языка. Ростов н/Д., 1973. С. 34—38.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы охарактеризовали предмет лексикологии современного русского языка путем разграничения двух его важнейших аспектов: системно-семасиологического и социолингвистического.

Лексическая система при любом подходе представляется единством классов, групп, пластов, типов слов, связанных между собой разнообразными отношениями. Достаточно сложно строение самого слова — основной единицы лексической системы. Оно создается единством семной и морфемной структур, связанных между собой отношениями неполного изоморфизма.

С точки зрения системно-семасиологической словарный состав представляет собой сложную систему, структура которой образуется пересекающимися классами слов, единицы которых связаны между собой парадигматическими и синтагматическими отношениями. Особую сферу системных отношений в лексике составляют отношения вариантности (многозначности и функциональной эквивалентности), обогащающие лексическую систему, придающие ей особую гибкость.

С точки зрения социолингвистической словарный состав раскрывается как динамическая знаковая система, способная обеспечить все разнообразие потребностей общественного использования языка, несущая на себе печать истории народа, являющаяся подлинным сокровищем, которое принадлежит всем и каждому.

Вместе с тем разграничение двух аспектов в изучении словарного состава русского языка является методическим приемом аналитического характера. Действительное состояние русской лексики — это синтез вне- и внутрилингвистических факторов и тенденций, единство потенциальных системных возможностей и речевых реализаций, определяемое единством таких основополагающих характеристик словарного состава, как **его** системность и социальная обусловленность. В этом убеждает рассмотрение отдельных явлений даже в условиях принятого разграничения аспектов. Так, явление системной абсолютной синонимии оказывается связано с таким фактором, как заимствование иноязычной лексики. Терминология, существование которой прямо связано с развитием общественного сознания, науки, техники, культуры, представляет образцы максимально системно организованных участков словарного состава. Особенно тесно переплетаются явления системности и социальности в сфере коннотативно или стилистически-маркированной лексики. При самом общем взгляде на словарный состав оптимальным способом его трактовки представляется «полевой» подход, при котором в нем выделяется ядро (основной словарный фонд) и различного типа периферийные явления.

Такой подход нацелен на выработку умений видеть в словах не просто отдельные **знаки-названия**, а сложные комплексы всех возможных характеристик, подробно описанных в данном пособии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
-------------	---

Введение

Глава I	Словарный состав современного русского языка как предмет лексикологии	4
Глава II	Слово как единица лексической системы	15

РАЗДЕЛ I

Системно-семасиологическая характеристика словарного состава русского языка

Глава III	Парадигматические отношения в лексической системе современного русского языка	29
Глава IV	Отдельные типы словесных оппозиции представленные в лексической системе русского языка	53
Глава V	Классы слов как явление лексической парадигматики	69
Глава VI	Синтагматические отношения в лексике	86
Глава VII	Семантическое варьирование слова — многозначность	100
Глава VIII	Функциональная эквивалентность слов как проявление вариативных отношении в лексике	122

РАЗДЕЛ II

Социолингвистическая систематизация лексики современного русского языка

Глава IX	Систематизация русской лексики с точки зрения происхождения	135
Глава X	Словарный состав современного русского языка в динамическом аспекте	153
Глава XI	Систематизация русской лексики с точки зрения ее употребительности в «социальном пространстве»	168
Глава XII	Коннотативная и стилистически маркированная лексика	182

РАЗДЕЛ III

Русская фразеология

Глава XIII	Общая характеристика фразеологических единиц	194
Глава XIV	Варьирование фразеологизмов в системе языка и речи	207
Заключение		215